

ЛЕГЕНДАРНОЕ ОРУЖИЕ
ДРЕВНОСТИ

А.Ю. Низовский

ЛЕГЕНДАРНОЕ ОРУЖИЕ ДРЕВНОСТИ

HISTORY
FILES

А.Ю. НИЗОВСКИЙ

ЛЕГЕНДАРНОЕ ОРУЖИЕ ДРЕВНОСТИ

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3
Н61

Низовский, А.Ю.

Н61 **Легендарное оружие древности / А.Ю. Низовский. — М. : Вече, 2013. — 304 с. : ил. — (History files).**

ISBN 978-5-9533-4385-5

Знак информационной продукции 16+

Что объединяет между собой копье императора Константина и меч святого Петра? Священный меч Японии и Семилезвийный меч? Загадочный Эскалибур и Щербец? На протяжении столетий эти реликвии переходили от одного правителя к другому, и каждый из них считал, что обладание святыней является своеобразным благословением небес. Считалось, что оружие делает его владельца непобедимым и с его помощью можно завоевать весь мир. В книге, которую держите в руках, вы прочитаете невероятные истории о легендарном оружии и о тех, кто им обладал.

**УДК 94(100-87)
ББК 63.3**

ISBN 978-5-9533-4385-5

© А.Ю. Низовский, 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013
© ООО «Издательский дом «Вече», 2013

СВЯЩЕННОЕ КОПЬЕ

Эта загадочная реликвия, хранящаяся в числе других регалий императоров Священной Римской империи в сокровищнице венского дворца Хофбург, за прошедшие века имела множество имен: Священное копье, копье сотника Лонгина, копье Судьбы, копье Христа, копье императора Константина, копье святого Маврикия. В Средние века считалось, что это оружие делает его владельца непобедимым, с его помощью можно одержать победу в любом сражении и в итоге завоевать весь мир. Легенды рассказывают о нем самые невероятные вещи и приписывают ему огромную мистическую власть. На протяжении столетий копье переходило от одного правителя к другому, и каждый из них считал, что обладание этой святыней является гарантом его права на суверенитет и своеобразным благословением небес. В разных преданиях история Священного копья излагается по-разному; в одном леген-

ды сходятся: это то самое копьё, которым римский солдат пронзил бок распятого на кресте Иисуса Христа. Таким образом, копьё Судьбы, омытое кровью Христа, сыграло свою особую роль в исполнении пророчеств Ветхого Завета...

Кто ты, сотник Лонгин?

...Понтий Пилат не сумел успокоить ярость пришедшей к его дворцу толпы, жаждавшей смерти Иисуса, и в конце концов поддался ее требованию. Римские солдаты повели Иисуса на казнь.

На вершине Голгофы солдаты прибили гвоздями к кресту руки и ноги Христа. Тело его обвисло под собственной тяжестью, доступ воздуха в легкие был затруднен, и, задыхаясь, он испытывал ужасные муки. Над головой Иисуса повесили дощечку с надписью: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский» (Мф. 27: 37). Собравшиеся возле распятого Иисуса люди выкрикивали в его адрес различные оскорбления. «Если Ты Сын Божий, — кричали они, — сойди с креста» (Мф. 27: 40). «Других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему», — насмехались другие (Мф. 27: 42—43).

Около 9 часов вечера началась агония. Из последних сил Иисус громко воскликнул: «Или, Или! Лама савахфа-

ни?», что по-арамейски означало: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27: 46). Один из солдат взял губку, намочил ее в уксусе и, паложив на трость, поднес к устам Распятого. После этого Иисус опять громко возопил и испустил дух. В этот момент, как образно повествует Евангелие от Матфея, «земля потряслась; и камни расссыались; и гробы отверзлись; и многие умершие воскресли».

Солдаты перебили ноги двум несчастным, распятым вместе с Иисусом, чтобы ускорить их смерть. Однако когда они подошли к Иисусу, то увидели, что тот был уже мертв. Чтобы удостовериться в этом, один из воинов взял копье и пронзил тело Христа: «...один из воинов копьем пронзил ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ин. 19: 34).

Сюжет с прободением тела Христа копьем присутствует только в Евангелии от Иоанна (19: 31—37), в синоптических Евангелиях этой сцены нет. Это следует объяснять тем обстоятельством, что из всех четырех евангелистов только Иоанн являлся непосредственным свидетелем смерти Христа. Что же касается имени римского воина, то его можно найти только в апокрифических текстах, одним из которых является, например, «Евангелие от Никодима»: Гай Кассий Лонгин. В этом же тексте говорится, что Лонгин был не простым солдатом, а центурионом — т.е. сотником, младшим офицером. Возможно, это был

тот же самый сотник, который, увидев смерть Иисуса на кресте, сказал: «Воистину, Он был Сын Божий» (Мф. 27: 54, Мк. 15: 39). Евангелие от Луки вкладывает в его уста другие слова: «Истинно человек этот был праведник» (Лк. 23: 47).

В дальнейшем христианская традиция довольно прочно усвоила имя сотника Лонгина. Оно встречается уже на миниатюре «Евангелия Рабуль», сирийской рукописи, датируемой 586 годом и ныне хранящейся в библиотеке Лоренцо Медичи (Biblioteca Mediceo Laurenziana) во Флоренции. На миниатюре имя ΛΟΓΙΝΟΣ написано греческими буквами над головой солдата, который вонзает свое копьё в тело распятого Христа. Это одно из самых ранних свидетельств традиции, согласно которой имя римского воина было Лонгин (если эта надпись не позднее дополнение).

По любопытному совпадению имя Гая Кассия Лонгина фигурирует в списке заговорщиков, убивших Юлия Цезаря в 44 году до н.э. Позже он и его соратник по заговору Марк Юний Брут были побеждены Марком Антонием и Октавианом в сражении при Филиппах в 42 году до н.э. Видя поражение, Лонгин совершил самоубийство.

Согласно «Евангелию от Никодима», Гай Кассий Лонгин-младший был внуком убийцы Цезаря, а копьё Судьбы он унаследовал от своего знаменитого деда. Гай Кассий Лонгин-старший, в свою очередь, получил копьё

в награду от Юлия Цезаря за военные подвиги во время завоевания Галлии. Каким образом копье попало к Цезарю — неизвестно, равно как и происхождение этого оружия. Если верить легендам, история копья уходит в непроглядную тьму далеких веков. Сирийский поэт и теолог Ефрем (Ефрем Сирин, IV в.) полагал, что Священное копье некогда охраняло Древо Жизни. Одно из преданий утверждает, что копье было изготовлено в 3061 году до н.э. легендарным библейским кузнецом Тувалкаином, седьмым в поколении Адама, который отковал копье из упавшего на землю железного метеорита. По другой версии, оно было создано древним еврейским первосвященником Финессом, сыном Елсазара и внуком знаменитого Аарона (или только принадлежало ему). Как повествует библейская книга Чисел, этим копьем Финесс поразил израильтянина-вероотступника и мадианитянку, с которой тот прелюбодействовал. Этим актом он отвратил от Израиля гнев Господень: «И вот, некто из сынов Израилевых пришел и привел к братьям своим мадианитянку, в глазах Моисея и в глазах всего общества сынов Израилевых, когда они лакали у входа скинии собрания. Финесс, сын Елсазара, сына Аарона священника, увидев это, встал из среды общества и взял в руку свою копье, и вошел вслед за Израильтянином в спальню и пронзил обоих их, Израильтянина и женщину в чрево ее: и прекратилось поражение сынов Израилевых» (Чис. 25: 6—8). Пройдя

через века, легендарное оружие оказалось в распоряжении сотника Лонгина.

Одно из преданий рассказывает, что Лонгин был почти слепым (что кажется не очень вероятным, поскольку слепого солдата вряд ли оставили бы на военной службе). Когда он вонзил свое копье в тело Христа, капли истекшей из него крови и воды (лимфы) попали ему в глаза, отчего сотник сразу прозрел. Именно после этого, как считается, он воскликнул: «Воистину, Он был Сын Божий!»

Согласно тем же апокрифам, а также более поздним агиографическим сведениям, Лонгин обратился в христианскую веру, оставил ряды армии, примкнул к апостолам и в конечном счете стал монахом (хотя в то время еще не было монастырей) и переселился в Цезарею Каппадокийскую, где выступил с горячей проповедью Благой Вести. Власти Цезареи обрушились на Лонгина с преследованиями. С этим событием связана еще одна апокрифическая легенда: римский наместник приказал вырвать Лонгину все зубы и отрезать язык, однако, несмотря на это, Лонгин продолжал говорить, причем отчетливо и ясно, а потом схватил топор и прямо на глазах наместника разбил им несколько языческих идолов. Демоны, обитавшие в идолах, выскочили наружу и напали на наместника. Его разум помутился, глаза перестали видеть... Но измученный пытками Лонгин сказал наместнику, что тот снова обретет зрение после его смерти. Тогда наместник приказал

убить Лонгина. Когда его казнили, капли крови мученика брызнули в глаза наместника, и тот прозрел. Это чудо заставило римского наместника уверовать и обратиться в христианство. А останки святого Лонгина ныне покоятся в церкви Святого Августина в Риме. Копье же бывшего сотника стало религиозной реликвией. Уже дошедшие до нас записи X века называют копье, вонзенное в бок Иисуса, Священным.

КОПЬЕ «РАЗМНОЖАЕТСЯ»

Широкое почитание реликвий, связанных со Страстями Христовыми, началось во времена Елены — матери императора Константина, основателя Восточной Римской (Византийской) империи. Обратившись в христианство, Елена стала одной из самых горячих сторонниц новой религии. Она совершила паломничество в Святую землю и пожертвовала средства на строительство здесь нескольких церквей. В 326 году по инициативе Елены в Иерусалиме были организованы поиски, приведшие к обнаружению креста, на котором был распят Иисус, и Гроба Господня. Раннехристианский писатель Евсевий Кесарийский, написавший «Жизнь Константина», подробно рассказывает о том, как по приказу Елены был снесен языческий храм Венеры, стоявший на месте погребения Христа, и скрыта земля под ним. По счастью, сооружая храм, римляне не сровняли с землей скалы, в которых были высечены

древние гробницы, а, привезя большое количество земли для засыпки, ограничились лишь выравниванием поверхности. Образовалась огромная земляная насыпь в виде террасы, спасшая таким образом могилы от разрушения. Раскапывая ее, рабочие обнаружили выступ природной скалы, в котором копавшие опознали Голгофу — место распятия Христа, нашли под ним и пустую гробницу, а неподалеку во рву — кресты Иисуса и двух разбойников, распятых вместе с ним. Вместе с крестом были обнаружены четыре гвоздя и табличка с латинской надписью INRI (первые буквы латинской фразы «Иисус Назарейский, царь Иудейский»). Подробности этого события можно прочесть у византийского историка Сократа Схоластика:

«Сняв идола, откопав и очистив место, она (Елена. — *Авт.*) нашла в гробнице три креста: один — преблаженный, на котором висел Христос, а прочие — на которых распяты были и умерли два разбойника. Вместе с ними найдена и дощечка Пилата, на которой распятого Христа провозглашал он в разных письменах царем Иудейским. Но так как все еще неизвестен был крест искомый, то мать царя обуяла немалая скорбь. От этой скорби вскоре, однако, избавил ее иерусалимский епископ по имени Макарий. Он разрешил недоумение верою, то есть просил у Бога знамения и получил его. Это знамение состояло в следующем: в той стране одна жена одержима была долговременной болезнью и наконец находилась уже при

смерти. Епископ вознамерился поднести к умирающей каждый из тех крестов, веруя, что, коснувшись креста драгоценного, она выздоровест. Надежда не обманула его. Когда подносили к жене два креста не господних, умирающей нисколько не было лучше, а как скоро поднесен был третий, подлинный, умирающая тотчас укрепилась и возвратилась к совершенному здравию. Таким-то образом найдено древо креста».

Деятельность Константина и Елены (они позднее были канонизированы) в Святой земле легла в основу традиции почитания святых мест Палестины, связанных с именем Христа и первых апостолов.

Приблизительно к этому же времени относится и появление Священного копья — того самого, что пронзило бок Иисуса. Первые достоверные свидетельства о его физическом существовании относятся к VI веку. Предполагается, что копьё было обнаружено на Голгофе вместе с другими реликвиями Страстей.

Св. Антоний из Пьяченцы, побывавший в 570-х годах на Святой земле в качестве паломника, описывая святые места Иерусалима, говорит, что видел в базилике горы Сион «Терновый венец, которым наш Господь был увенчан, и копьё, которым Он был поражен в бок». Это самое раннее дошедшее до наших дней свидетельство существования Священного копья, причем полученное из уст очевидца. О существовании этой реликвии в Иерусалиме

пишут также Кассиодор (жил ок. 485—578 гг.) и Григорий Турский (жил ок. 538—594 гг.), но ни тот, ни другой в Иерусалиме не были и пользовались сведениями других людей.

Копье в числе других христианских реликвий оставалось в Иерусалиме до 614 года; в тот год персидский царь Хосров II Парвиз напал на Иерусалим. Часть реликвий персы уничтожили, часть увезли с собой. С этого момента в истории Священного копья происходит репительный поворот: легендарное оружие... размножается! На свет появляются сразу несколько «копий сотника Лонгина», каждое из которых в большей или меньшей степени претендует на то, чтобы называться подлинным. До наших дней дошло по крайней мере три Священных копья, одно из которых самым тесным образом связано с историей Священной Римской империи. Впрочем, наполненная приключениями история каждого из этих Священных копий порой настолько переплетается, что иной раз невозможно определить, о какой именно реликвии идет речь.

По сообщению «Пасхальной хроники» («Александрийской хроники», VII в.), уже в том же 614 году византийский полководец Никита (двоюродный брат императора Ираклия), нанеший ряд поражений персам, сумел вернуть Священное копье. Он увез реликвию в Константинополь. Копье (строго говоря, речь идет только о стальном наконечнике) вернулось из плена поврежденным, разломанным на две части. Меньшая часть (собственно острие)

была вставлена в икону, которая хранилась в соборе Святой Софии. В 1244 году латинский король Константинополя Болдуин II продал эту часть Священного копья (наряду с другими реликвиями) французскому королю Людовику IX, и с этого времени она хранилась вместе с Терновым венцом в знаменитой часовне Сент-Шапель в Париже. Во времена кровавой французской революции часовня — уникальный памятник средневекового искусства — была разгромлена, а реликвии перемещены в Национальную библиотеку, откуда впоследствии бесследно исчезли. И хотя Терновый венец был спасен (существуют, однако, сомнения в его аутентичности), все другие реликвии исчезли навсегда.

Что касается второй, большей части копья, то его видел в восстановленном храме Гроба Господня в Иерусалиме епископ Аркульпус, совершавший паломничество в Святую землю приблизительно в 670 году. После этого все известия о копье исчезают; святой Виллибальд, совершивший паломничество в Иерусалим в 715 году, даже не упоминает о нем. По-видимому, в начале VIII столетия это копье было вывезено в Константинополь, где поочередно хранилось в нескольких церквях; его присутствие в столице Византийской империи подтверждают свидетельства многочисленных паломников, в том числе приезжавших из Киевской Руси. Когда в 1204 году крестоносцы разграбили Константинополь, часть обширного собрания

реликвий, принадлежавших византийским императорам, бесследно пропала. Наряду со многими другими ценностями исчезло и копье сотника Лонгина.

В 1355 году в Льеже появилась написанная на французском языке книга о необыкновенных приключениях английского рыцаря сэра Джона Мандевиля. Отправившись в сентябре 1322 года в путешествие из Англии, он посетил Византию, Сирию, Аравию, Египет, Эфиопию, Армению, Персию, Халдею, Татарию, Индию, Зондские острова, Китай и, якобы плывя «на восток» по морю, вернулся в Норвегию, а затем побывал еще в Брабанте, Германии, Чехии, Литве и Сарматии. Книга о путешествии Джона Мандевиля долгое время пользовалась необычайной популярностью в Европе, еще до изобретения книгопечатания она широко распространялась в рукописных списках и была переведена почти на все европейские языки. Позже исследователи пришли к выводу, что эта книга, судя по всему, является ловкой мистификацией и составлена из множества отрывков описаний подлинных путешествий, совершенных разными людьми в разные времена. И помимо прочих любопытных сведений в этой книге содержится упоминание о Священном копье.

Рассказывая о своем пребывании в Константинополе в 1327 году, сэр Джон Мандевиль утверждает, что видел оба фрагмента Священного копья — и в Париже, и в Константинополе — и что последний был намного больше

первого. Поскольку вся книга Мандевиля построена на отрывках из сообщений других путешественников, к этому свидетельству следует отнестись со вниманием: несомненно, что кто-то в описываемое время действительно видел в Константинополе фрагмент Священного копья и имел возможность сравнить его с тем, что хранился с 1244 года в Париже.

Константинопольское копье сотника Лонгина окончательно объявилось на свет уже после падения Византии, в 1492 году, когда турецкий султан Баязид (Баязет) II отправил в дар папе Иннокентию VIII копье, которое, как считалось, было тем самым пропавшим много лет назад Священным копьем. В Риме, однако, отнеслись к реликвии с подозрением: ее подлинность вызывала большие сомнения. К тому времени уже были известны три Священных копья: одно — в Париже (собственно, не само копье, а только наконечник), в Нюрнберге (копье императоров Священной Римской империи, речь о котором еще впереди) и в Эчмиадзине в Армении. Сегодня дар турецкого султана хранится в Ватикане, в соборе Святого Петра, но представляет скорее исторический интерес: ведь до сих пор в точности неизвестно, является ли это копье тем самым, что много веков назад хранилось в Константинополе, и тем же самым, что пронзило бок умирающего Христа... Во всяком случае, римско-католическая церковь не настаивает на подлинности «Ватиканского копья». Правда, в середи-

не 1700-х годов папа Бенедикт XIV заявил, что получил из Парижа точный рисунок наконечника копья, хранящегося в Сент-Шапель, и что при сравнении его с «Ватиканским копьем» оказалось, что оба эти фрагмента, малый и большой, первоначально представляли собой одно целое...

«Пойдем, и я покажу тебе копье...»

Существует, однако, еще одна версия судьбы легендарного копья: в начале VIII столетия оно не было вывезено в Константинополь, а было надежно укрыто в земле в окрестностях Антиохии во избежание захвата копья сарацинами. Вновь копье было обнаружено только в июне 1098 года, во время Первого крестового похода (1096—1099). В «Письме предводителей крестоносного рыцарства папе Урбану II» от 11 сентября 1098 г. говорится: «На подмогу нам явилась высочайшая милость всемогущего Бога, пекущегося о нас: в храме блаженного Петра, князя апостолов, мы нашли копье Господне, которое, будучи брошено рукой Лонгина, пронзило бок нашего Спасителя; [это копье мы нашли] в месте, трижды возвещенном некоему рабу святым апостолом Андреем, который открыл ему также и место, где оно находилось. И мы были так ободрены и укрепились благодаря находке святого копья и многими другими божественными откровениями, что те, кто до того охвачен был страхом и поникли было [духом], теперь, охваченные готовностью отважно биться, один побуждал другого».

Историю находки копья в церкви Святого Петра в Антиохии 14 июня 1098 года подробно рассказывает Раймунд Ажилский в своей «Истории франков, которые взяли Иерусалим» (*Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*). Как непосредственный участник Первого крестового похода и связанных с ним событий, Раймунд Ажилский является одним из наиболее важных свидетелей обретения Священного копья, но, поскольку в его труде содержится множество подробных описаний связанных с этим видений и чудес, некоторые современные историки относятся к его свидетельству не очень серьезно. Тем не менее рассказ Раймунда Ажилского остается единственным подлинным описанием этого случая.

«Итак, как мы сказали, в то время когда наши люди были в панике и находились на краю отчаяния, божественное милосердие было явлено им; и это милосердие, которое привело в чувство детей, когда они были буйны, утепило их, когда они были печальны, следующим образом. Итак, когда город Антиохия был захвачен, Бог, по своему произволению и по своей доброте, избрал некоего бедного крестьянина, провансальца по происхождению, через которого Он утешил нас; и тот сказал такие слова графу и епископу Пюи:

“Андрей, апостол Бога и Господа нашего Иисуса Христа, недавно предупредил меня в четвертый раз и приказал, чтобы я пришел к вам и отдал вам, после того как

город будет захвачен, копье, которым прободен был бок Спасителя. Помимо этого сегодня, когда вместе со всеми я вышел из города на брань и когда, зажатый между двумя всадниками, я был почти задушен при отступлении, сел я печально на некую скалу, почти безжизненную. И пока я колебался, удрученный страхом и горем, Святой Андрей явился мне с сотоварищем и строго пригрозил мне, чтобы я немедленно вернул вам копье”.

И когда граф и епископ попросили его рассказать по порядку, как ему являлся апостол и что говорил ему, он ответил: “Во время первого землетрясения, которое произошло в Антиохии, когда армия франков осаждала ее, такой страх напал на меня, что я ничего не мог выговорить, кроме как “Боже, помоги мне!”. Поскольку была ночь, я лежал; и при этом не было никого в моей хижине, чтобы поддержать меня своим присутствием. Сотрясение земли между тем продолжалось, и страх мой все более возрастал, но тут двое мужчин в блистающих одеждах появились передо мной. Один был постарше, среднего роста, с рыже-белыми волосами, черными глазами и приветливым лицом, борода его была белой, широкой и густой; другой был моложе и выше, статью превосходя сынов человеческих.

Я был очень напуган, поскольку знал, что не было никого вокруг. И я спросил: “Кто ты?” Он ответил: “Восстань и не бойся; и внимай тому, что я скажу. Я — апо-

стои Андрей. Пойди собери вместе епископа Пюи, графа Сент-Жиля и Пьера Раймунда Опуля и скажи им эти слова: “Почему епископ перестал проповедовать и увещевать и ежедневно благословлять своих людей крестом, который несет перед ними, ради их вящего блага?” И добавил: “Пойдем, и я покажу тебе копье нашего отца, Иисуса Христа, которое ты должен отдать графу, поскольку Бог предназначил это ему с той поры, как он родился”.

Я восстал и последовал за ним в город, облаченный ни во что, кроме рубашки. И он привел меня в церковь Святого апостола Петра через северные ворота, перед которыми сарацины построили мечеть. В церкви были две лампы, которые пылали так ярко, как будто солнце светило. И он сказал мне: “Жди здесь”. И приказал мне сесть на колонну, что была ближе всего к звездам, которые поднимались к алтарю с юга, а его компаньон стоял на некотором расстоянии перед ступенями алтаря. Тогда святой Андрей, сойдя под землю, принес копье и дал его мне в руки. И он сказал мне: “Воззри на копье, произившее Его тело, откуда спасение всего мира произошло”. И, в то время как я держал это в своих руках, плача от радости, я сказал ему: “Господи, если будет на то Твоя воля, я возьму его и отдам графу!” Он же сказал мне: “Не теперь; это случится, что город будет взят. Тогда приходите с двенадцатью мужчинами и ищите его тут, откуда я вынимал его и где опять скрою”. И он скрыл его.

Проделав все это, он привел меня обратно по стене в мой дом; и там они оставили меня. Подумав, однако, о своей бедности и о вашем величии, я побоялся приблизиться к вам. После этого, когда я отправился за провиантом к некоей крепости близ Эдессы, в первый день поста, на рассвете, святой Андрей явился мне в той же самой одежде и с тем же самым спутником, с которым приходил прежде, и яркий свет наполнил весь дом. И святой Андрей сказал: “Бодрствуешь ли ты?”

Пробужденный таким образом, я ответил: “Нет, Господи; Господи, Боже мой, я не сплю”. И мне было сказано: “Ты рассказал о том, что я тебе говорил в прошлый раз?” И я ответил: “Господи, разве я не просил Тебя послать к ним кого-нибудь еще, поскольку, стесняясь моей бедности, я смущаюсь предстать перед ними?”

И мне было сказано: “Разве ты не знаешь, почему Бог привел вас сюда, и насколько Он любит вас, и почему Он избрал именно вас? Он заставил вас прийти сюда, чтобы посрамить презирающих Его и отомстить за Его народ. Он любит вас настолько нежно, что святые души, обретшие покой, видя милосердие Божественного замысла, сожалеют, что сейчас они не в плоти и не сражаются в ваших рядах. Бог избрал вас из всех народов, как зерна пшеницы отбирают от овса. Оказанные вам благоволение и награда превосходят все оказанное тем, кто приходил прежде или

придет после вас, так же, как золото превосходит по ценности серебро”.

После этого они ушли, и такой недуг напал на меня, что очи мои почти лишились света, и я уже был готов избавиться от моей жалкой участи. Тогда я подумал о том, что все это, наверное, происходит со мной из-за того, что я пренебрег приказанием апостола. Успокоенный таким образом, я снова стал думать о том, что бедность моя является препятствием и что если я приду к вам, то вы скажете, что я раб и говорю все это ради пропитания. Побоявшись, я опять решил промолчать. И в то время, когда в порту Святого Симеона в Вербное воскресенье мы с моим господином Вильямом Петером укладывались в палатке спать, святой Андрей вновь явился вместе со своим спутником, одетый в те же одежды, в каких он являлся прежде.

Он сказал мне: “Почему ты не сказал графу, и списку, и другим то, что я тебе приказал?” И я ответил: “Господи, разве я не просил Тебя послать другого вместо меня, кто был бы более мудр и кого они послушают? Кроме того, на пути турки, и они убивают всех, кто едет и идет”. И святой Андрей сказал: “Не бойся, они не причинят тебе вреда. Скажите также графу, чтобы не входил в реку Иордан, когда прибудет туда, но пересек ее в лодке; кроме того, когда он пересечет ее, пусть облачится в

льняную рубашку и штаны, и пусть его окропят водой из реки. После того как его одежда высохнет, пусть ее сохраняют и держат вместе с копьем Господа”. И эти слова слышал мой господин, Вильям Пстер, хотя он и не видел апостола.

Утешенный таким образом, я возвратился к армии. Я хотел рассказать вам все это, но не смог застать вас всех вместе. И тогда я отправился в порт Магистра. Там, когда я собирался отплыть на остров Кипр за провиантом, святой Андрей вновь явился мне и грозил карой, если я срочно не вернусь и не расскажу вам то, что он мне приказал. Думая о том, как я буду возвращаться в лагерь — поскольку тот порт отстоял в трех днях пути от лагеря, — я горько плакал, поскольку не видел никакого способа для возвращения. Наконец, вместе с моим господином и моими товарищами мы сели в судно и начали грести к Кипру. Мы плыли целый день до заката на веслах, подгоняемые попутным ветром, но внезапно начался шторм, мы в течение одного или двух часов возвратились в порт. Безуспешно попытавшись пересечь море во второй и в третий раз, мы возвратились в порт Святого Симсона. Там я очень тяжело заболел. Однако, когда город был взят, я пришел к вам. И теперь, если хотите, можете проверить мои слова”.

Епископ, однако, решил, что все это пустая болтовня; но граф поверил этому и передал человека, который рассказал все своему капеллану Раймунду, чтобы тот оберегал его...

<...>

В это время очень много знамений было явлено нам через наших братьев; и мы созерцали изумительный признак в небе: почью над городом появилась очень яркая звезда, которая спустя короткое время разделилась на три части и упала на лагерь турок. Наши люди, несколько успокоенные, ожидали пятого дня, о котором говорил священник. В тот день, после необходимых приготовлений и после того, как все вышли из церкви Святого Петра, двенадцать мужчин вместе с тем человеком, который рассказал о копье, приступили к раскопкам. Среди этих двенадцати мужчин, помимо прочего, были епископ Оранжский и Раймунд, капеллан графа, который написал эти строки, и сам граф, и Понтиус Баласун, и Феральдус Туар. И, по мере того как мы копали с утра до вечера, некоторые начали отчаиваться и уже не верили, что найдут копье. Граф ушел, потому что должен был охранять замок; но вместо него и тех, кто устал копать, мы призвали других, чтобы продолжить работу. Юноша, который рассказал о копье, видя нас совершенно измученными, разделся и, сняв свою обувь, спустился в яму в одной рубашке, искренне прося нас молиться Богу, чтобы Он дал нам копье ради утешения и победы Его людей. Наконец Бог по Своему милосердию соизволил явить нам копье. И я, писавший эти строки, поцеловал копье, когда еще только одно его острие показалось из-под земли. Какая

великая радость и ликование наполнили тогда город, я не могу описать».

Бедного слугу, который указал крестоносцам местонахождение Священного копья, звали Пьер Бартелеми. Епископ Адемар ле Пуи, который с самого начала не верил в рассказанную им историю и даже сомневался в аутентичности найденного копья, приказал тщательно расследовать все события, связанным с чудесным обретением легендарного оружия. Расследование, в частности, показало, что Пьер Бартелеми был неграмотен и, следовательно, вряд ли мог сам придумать всю эту историю. Позже история обретения Священного копья обросла множеством недостоверных подробностей и слухов; говорили, в частности, что Пьер Бартелеми был то ли монахом, то ли священником, а святой Андрей будто бы являлся не только ему одному, но и еще какому-то священнику-провансальцу. Логичнее, однако, считать рассказ Раймунда Ажильского — непосредственного очевидца событий и участника раскопок — наиболее достоверным свидетельством.

Между тем новость о том, что найдено Священное копье, мгновенно облетела весь город, вызвав небывалый подъем в лагере крестоносцев. «Вид священного железа воодушевил всех верой, надеждой, радостью и силой, — пишет известный французский историк Жозеф Мишо в своей «Истории крестовых походов». — Эти толпы людей, казавшихся призраками, помертвевшими от голода,

превратились внезапно в непобедимый народ. Решено было вступить в бой с Кербогой¹, шатры которого покрывали берега Оронта и возвышенности к востоку от Антиохии. Выступив из ворот Моста, христианская армия, разделенная на 12 корпусов, растянулась в боевом порядке таким образом, что заняла всю долину от ворот Моста до Черных гор, находящихся на один час расстояния к северу от Антиохии. Приняв такую позицию, христиане должны были воспрепятствовать неприятелю овладеть путями к крепости или окружить их. Вскоре трубы подали сигнал к битве, и знаменосцы открыли шествие. Те самые христиане, которые только что изнемогали от голода, с истинно чудным рвением устремились на бесчисленные батальоны эмира Мосульского. Победа осталась за воинами Креста; никогда еще человеческое мужество не производило ничего подобного. По сказаниям историков, 100 000 мусульман пали мертвыми в долине, которая отделяет Антиохию от Черных гор, по обоим берегам Оронта и по Алеппской дороге. Кербог был обязан своим спасением лишь скорости своего коня. Крестоносцев погибло 4000. Военная добыча этого дня была громадная. Понадобилось несколько дней, чтобы перенести в город все оставшееся после побежденных».

¹ Кербог — эмир г. Мосул (ныне в Ираке), в 1098 г. осаждал захваченную крестоносцами Антиохию, но потерпел поражение и был вынужден отступить.

Итак, чудесным образом обретенная реликвия вдохновила крестоносцев, помогла им одержать решительную победу и надежно закрепить за собой Антиохию. Споры о подлинности Копья, однако, продолжались. Епископ Адемар ле Пуи, имевший множество сторонников, продолжал сомневаться в его аутентичности. Граф Раймунд Тулузский свято верил в подлинность копья, но другой предводитель крестоносцев, Боэмунд Тарентский, занимал более осторожную позицию. Под влиянием епископа Адемара многие рыцари начали сомневаться в достоверности видений Пьера Бартелеми и подлинности Священного копья. Стремясь защитить свою репутацию, бедняк предложил подвергнуть его испытанию огнем, чтобы подтвердить правдивость своих слов. Это варварское испытание привело к тому, что он получил смертельные ожоги и скончался. В результате вся история с обретением Священного копья породила в среде крестоносцев сильный скепсис, а престиж графа Раймунда Тулузского, безоглядно повсрившего в чудо, был значительно подорван.

Некоторые ученые полагают, что копье, найденное в 1098 году в Антиохии, впоследствии попало в руки турок и что именно его султан Баязид II отправил в 1492 году в дар папе Иннокентию VIII. Однако более обоснованна точка зрения, согласно которой «Антиохийское копье» следует отождествлять с реликвией, ныне хранящейся в знаменитом монастыре Эчмиадзин в Армении. Ранее

копьё находилось в не менее знаменитом пещерном монастыре Гегард, основанном ещё в IV столетии и первоначально именовавшемся Айриванк, что буквально означает «монастырь пещеры». В XIII столетии, в связи с переносом сюда Священного копья, название обители было изменено на Гегардаванк — «монастырь копья». В последующие века копье перевезли в Эчмиадзин, где его можно видеть и сегодня. По мнению специалистов, в реальности эта реликвия представляет собой не копье, а скорее навершие римского штандарта. То обстоятельство, что во времена крестоносцев реликвия была укрыта в церкви Святого Петра в Антиохии, следует связывать с каким-то эпизодом из истории раннего христианства. Существует туманная легенда о том, что до эпохи арабского завоевания это копье почиталось христианами Антиохии как оружие, которым некие иноверцы в Бейруте ударили фигуру Христа, распятого на кресте; при этом из статуи чудесным образом истекла кровь.

Копье Константина Великого или копье германских королей?

Самая известная и самая таинственная реликвия, известная под названием Священного копья, копья Судьбы, копья сотника Лонгина или копья святого Маврикия, ныне хранится в Вене в числе других регалий императоров Священной Римской империи. Легенды уводят начало его

истории ко временам императора Константина Великого. По преданию, Константин хранил в накопечнике своего копья гвоздь или часть гвоздя — одного из тех, которые пронзили руки и ноги Христа во время казни (считается, что этот гвоздь был взят из гробницы святой Елсны). Вероятно, именно поэтому копьё получило наименование Священного.

Об истории создания копья подробно сообщает Евсевий Кесарийский, биограф Константина. По его словам, однажды императору Константину во сне явился Христос и повелел в войне с врагами иметь знамя, изображающее крест: «Константин находился однако же в недоумении и говорил сам себе: что бы значило такое явление? Но между тем как он думал и долго размышлял о нем, наступила ночь. Тогда во сне явился ему Христос, Сын Божий, с виденным на небе знамением и повелел, сделав знамя, подобное этому виденному на небе, употреблять его для защиты от нападения врагов. Встав вместе с наступлением дня, Константин рассказал друзьям свою тайну и потом, созвав мастеров, умевших обращаться с золотом и драгоценными камнями, сел между ними и, описав им образ знамени, приказал, в подражание ему, сделать такое же из золота и драгоценных камней. Это знамя некогда случалось видеть и нам собственными очами. Оно имело следующий вид: на длинном, покрытом золотом копье была поперечная рея, образовавшая с копьем знак креста.

Сверху на конце копья неподвижно лежал венок из драгоценных камней и золота, а на нем — символ спасительного наименования: две буквы показывали имя Христа, обозначавшиеся первыми чертами, из середины которых выходило «Р». Эти буквы василевс впоследствии имел обычай носить и на шлеме. Потом, на поперечной рее, прибитой к копью, висел тонкий белый плат — царская ткань, покрытая различными драгоценными камнями и искрившаяся лучами света. Часто вышитый золотом, этот плат казался зрителям невыразимо красивым, вися на рее, он имел одинаковую ширину и длину. На прямом копье, нижний конец которого был весьма длинен, под знаком креста, при самой верхней части описанной ткани, висело сделанное из золота грудное изображение боголюбивого василевса и его детей. Этим-то спасительным знаменем как оборонительным оружием всегда пользовался василевс для преодоления противной и враждебной силы и приказал во всех войсках носить подобные ему».

В тексте Евсевия Кесарийского речь все-таки идет скорее о знамени, а не о боевом копье. Однако молва связывает Священное копье с этим знаменем. С ним Константин Великий участвовал в сражении у Мульвийского моста в 312 году нашей эры. Предание утверждает, что именно обладание Священным копьем принесло ему победу, и это убеждение во многом повлияло на его обращение в христианство. Приняв святое крещение, Константин сде-

лал христианство официальной религией Римской империи, и это событие имело масштабные и далеко идущие последствия для судеб всего человечества.

После смерти Константина история Копья Судьбы приобретает еще более легендарные черты. Считается, что оно передавалось по наследству и в итоге попало к племяннику Константина, императору Юлиану, вошедшему в историю под именем Юлиана Отступника (правил в 361—363 гг.). Юлиан предпринял попытку восстановить в Римской империи языческие культы, как это было до Константина Великого, но потерпел неудачу. Согласно малодостоверным преданиям, на какое-то время Священное копьё оказалось в руках Алариха, короля вестготов, в 410 году захватившего и разграбившего Рим. Отправившись далее на завоевание Сицилии, Аларих оставил копьё в Риме. Его поход потерпел неудачу, и спустя несколько месяцев король готов умер.

Далее историю копья молва связывает с именами римского полководца Аэция — «последнего римлянина» и предводителя гуннов Аттилы. Считается, что копьё принадлежало и тому, и другому, хотя в действительности это невозможно: если Аэций в 451 году одержал победу над Аттилой на Каталаунских полях, обладая копьем Судьбы, то следовательно, этим копьем не мог обладать Аттила; если же Аттила обладал этим приносящим победу копьем до сражения на Каталаунских полях, то почему он потерпел

такое сокрушительное поражение? В этом пункте концы с концами у творцов легенды о Священном копье явно не сходятся. Впрочем, возможно, копье, некогда пронзившее тело Иисуса Христа, просто «отказалось» помогать язычнику Аттиле: как повествует предание, в 452 году, когда оправившиеся от поражения гунны вторглись в Италию, Аттила прискакал на лошади к воротам Рима и швырнул копье под ноги римских сановников, уже готовых сдать город на милость грозного завоевателя: «Заберите свое Священное копье, — будто бы сказал им Аттила. — Оно бесполезно для меня, так как я не знаю Того, кто сделал его Священным».

21 сентября 454 года император Валентиниан III собственноручно убил Аэция, а в следующем году Рим был разграблен вандалами. Спустя еще два десятилетия Римская империя пала. Неисповедимыми путями Священное копье оказывается в руках византийского императора Юстиниана I (правил в 527—565 гг.), а после его смерти исчезает почти на два столетия.

Первые смутные указания на существование Священного копья (того самого или уже другого) появляются только в VII столетии в связи с деятельностью лангобардских королей. Германское племя лангобардов (ломбардов) в 568 году вторглось в Италию, завоевало северную часть страны и основало здесь собственное королевство, ставшее известным под названием Ломбардия. Согласно ран-

несредневековому историку Павлу Диакону (720—799), ломбардские короли вели свою родословную «от рода Гунгипгов, который считался у них наиболее знатным». Некоторые современные исследователи связывают это имя с названием легендарного копья бога Одина — Гунгнир. Возможно, ломбардские короли, подобно большинству германских королевских домов, возводили свое происхождение к Одину. Павел Диакон отмечает также важную роль, которую королевское (Священное?) копьё играло в обряде передачи власти: «В эти времена одна продажная девка родила разом семерых детей, и бросила их эта, превосходящая любого зверя своей жестокостью, мать в пруд, дабы оставить там умирать... И случилось, что король Агелмунд проезжал мимо этого пруда: он ошеломленно уставился на бедных детей, остановил своего коня, и, когда он своим копьем, которое держал в руке, поворачивал их туда и сюда, схватил один из них своей ручкой копьё короля. Тот, исполненный жалости и в высшей степени удивившийся этому, молвил, что это будет великий муж, приказал вытащить его из пруда и передать одной кормилице и повелел ухаживать за ним заботливейшим образом; и поскольку тот был вытасчен из пруда, который на их языке зовется Лама, то дал ему имя Ламиссио. Когда ребенок вырос, стал он настолько способным мужем, что был и самым воинственным и после смерти Агелмунда стал королем».

Милан, который был столицей Западной Римской империи во время Константина Великого, стал также резиденцией ломбардских королей Перктарита (правил в 661—662 и 671—688 гг.) и его сына Кунинкперта (правил в 688—700 гг.), оба они были христианами. Возможно, что в VII столетии, в правление одного из этих королей, в стальную наконечник ломбардского королевского копья был вставлен один из римских гвоздей I столетия н.э., найденных императрицей Еленой на Голгофе и которыми, как предполагается, был пригвожден к кресту Христос. Таким образом, древняя языческая реликвия лангобардского королевского дома приобрела характер христианской реликвии и стала Священным копьем.

Последний ломбардский король Дезидерий (правил в 756—774 гг.) в 774 году сдался Карлу Великому после семимесячной осады Павии. Государство лангобардов было присоединено к франкскому. В том же году Карл Великий короновался в качестве короля Ломбардии; очевидно, что наряду с другими регалиями ломбардских монархов в его руки попало и Священное копье. С этого времени судьба копья становится навсегда связанной с судьбами Франкской, а позднее Священной Римской империи, фактическим основателем которой считается Карл Великий. Стоит добавить, что с этого времени в руки Карла попала и Железная корона Ломбардии, согласно поверью, так же

как и копье, заключавшая в себе гвоздь, которым был некогда прибит к кресту Христос.

Впрочем, существует и иная версия происхождения Священного копья, не связанная с историей ломбардского королевского дома: Григорий Турский в своей «Истории франков» рассказывает о том, как в 585 году меровингский король Гунтрамн передавал власть своему племяннику и наследнику Хильдеберту: «...король Гунтрамн, вложив в руку короля Хильдеберта копье, сказал: «Это означает, что я передал тебе все мое королевство. Теперь ступай и прими под свою власть все мои города, как свои собственные. Ведь у меня, по грехам моим, никого не осталось из моего рода, кроме одного тебя, сына моего брата. Итак, будь наследником всего моего королевства, потому что другие не могут наследовать». Очевидно, что у франкских королей из династии Меровингов копье также являлось символом власти и королевского сана. Нельзя исключать (хотя достоверных сведений об этом нет), что в VII столетии в наконечник этого копья также был вделан гвоздь из числа Голгофских реликвий, и таким образом оружие получило статус Священного.

Средневековый английский автор Уильям Мальмсберийский приписывает Священному копью успех англосаксонского короля Этельстана в битве при Брунанбурге в 937 году. Объединенная армия шотландцев, валлийцев и норвежцев (викингов) значительно превосходила чис-

ленностью силы Этельстана, но тем не менее англосаксам с легкостью удалось одержать победу. Согласно легенде, переданной Уильямом Мальмсберийским, английский король получил из Франции легендарные реликвии — меч Константина Великого и копье Карла Великого (т.е. Священное копье), и это позволило ему взять верх над неприятелями. Большинство современных исследователей не склонно признавать этот факт достоверным; любопытно однако, что уже во времена Уильяма Мальмсберийского (он жил ок. 1090—1143 гг.) считалось, что копье Карла Великого способно обеспечить военную победу.

От Габсбургов к Гитлеру

Согласно легенде, Карл Великий участвовал в 47 сражениях и во всех одержал победу; это обстоятельство молва приписывает Священному копью. В начале 920-х годов, уже после смерти Карла, копье принадлежало бургундскому королю Рудольфу. От него оно путем обмена перешло к германскому королю Генриху I Птицелову. После смерти Генриха I в 936 году копье унаследовал его старший сын, Оттон I, ставший первым императором Священной Римской империи. Таким образом Священное копье вошло в число императорских регалий и стало одним из главных символов Германской империи.

Императору Оттону удалось одержать несколько громких военных побед, которые молва связала с обладанием

Священным копьем (об этом подробно рассказывает итальянский хронист X века Литупранд Кремонский в своих «Деяниях Оттона»). Уже к концу X века Священное копье уверенно считалось тем самым, что пронзило бок Иисуса Христа, и почиталось как драгоценная реликвия. С начала XI столетия копье (строго говоря, речь идет только о наконечнике копья) было вмонтировано в поперечную балку Имперского креста, а в 1084 году император Генрих IV прикрепил к нему серебряную скобу с надписью: «Гвоздь нашего Господа». По прошествии двух с половиной веков другой император, Карл IV Люксембургский (правил в 1346—1378 гг.), приказал добавить к копью вторую, золотую, скобу с надписью *Lancea et clavus Domini* («Копье и гвоздь Господа»). Все это свидетельствует о том, что в эпоху Средневековья копье императоров Священной Римской империи действительно являлось религиозной реликвией. Подобный взгляд был основан на убеждении, что оно является подлинным копьем императора Константина Великого, а в его наконечнике хранится гвоздь, пронзивший тело Христа во время Его распятия на кресте. Неизвестно, на основании чего родилась подобная уверенность; можно сказать лишь, что это, безусловно, была ошибка. Однако эта ошибка явилась одной из причин соперничества между императорами Священной Римской империи и Византией — ведь византийские императоры тоже были уверены, что являются обладателями Священного копья...

В 1000 году император Оттон III на конгрессе в Гнезно подарил польскому королю Болеславу I точную копию Священного копья (по некоторым сведениям, другая подобная копия в то же самое время была отправлена в дар королю Венгрии). С 1200-х годов польское копьё хранится в Кракове, в Вавельском соборе, и по крайней мере о нем известно, что это всего-навсего копия Копья Судьбы, хотя и имеющая весьма почтенный 1000-летний возраст. Обо всех других известных на сегодняшний день «Священных копьях» этого сказать нельзя — каждое из них имеет крайне запутанную историю.

В 1273 году Священное копьё использовалось на церемонии коронации императора Священной Римской империи Рудольфа I Габсбурга. В 1424 году император Сигизмунд I переместил все собрание императорских реликвий, включая копьё, из Праги в свой родной город Нюрнберг и предписал специальным декретом, чтобы отныне клейноды Священной Римской империи остались здесь навсегда: «Таково желание Бога: имперская корона, держава, скипетр, крест, меч и копьё Священной Римской империи никогда не должны покидать землю отчизны!»

С XVI века Священной Римской империей правили австрийские монархи из династии Габсбургов. По-видимому, уже к тому времени копьё приобрело свой современный вид. Общая длина его составляет около 20 дюймов; типологически оно принадлежит к типу каролингских «крыла-

тых» копий. Длинное, конической формы лезвие опирается на широкое основание с двумя выступающими металлическими гребнями. Лезвие разделено на две половинки, соединенные железной пластиной; обе половинки дополнительно скрепляют две муфты, серебряная и золотая, с выгравированными на них надписями. Посередине лезвия выточена длинная прорезь полуовальной формы, в которую искусно вделан декоративный железный стержень с заостренным концом. Средневековая молва уверенно считала этот стержень одним из гвоздей, пронзивших руки и ноги Христа во время распятия на кресте. Стягивающие лезвие перехваты из серебряной проволоки представляют собой результат ремонта — когда-то копьё по неизвестным причинам было сломано пополам.

В числе других имперских клейнодов Священное копьё до весны 1796 года хранилось в Нюрнберге. Когда к городу начали приближаться французские революционные войска, городские советники поспешили эвакуировать императорские регалии в Вену. Руководство операцией по спасению реликвий было поручено некоему барону фон Хюгелю, который клятвенно обещал возвратить все объекты, как только мир будет восстановлен. Однако в 1806 году Священная Римская империя была официально упразднена, и фон Хюгель поспешил в собственных интересах использовать воцарившееся безвременье. Он продал все собрание имперских регалий, включая Священное

копье, австрийским Габсбургам. Вероломство барона фон Хюгеля вскрылось только в 1815 году, после окончательного поражения Наполеона при Ватерлоо: когда городской совет Нюрнберга попросил свои сокровища назад, австрийские власти ответили ему официальным отказом, ссылаясь на то, что юридически Священная Римская империя прекратила свое существование и австрийские императоры являются ее единственными законными наследниками. Таким образом имперские регалии остались в Вене.

В 1918 году империя Габсбургов пала. Копье наряду с другими реликвиями, составлявшими собственность австро-венгерской короны, перешло в собственность Австрийской республики. Между тем пришедший в 1933 году к власти в Германии Гитлер проявлял большой интерес к Священному копью: в его глазах оно было реальным воплощением «Первого рейха» — Священной Римской империи германской нации, преемником которого считался гитлеровский Третий рейх.

Впервые Гитлер увидел копье Судьбы во дворце Хофбург в Вене в 1909 году, еще будучи никому не известным молодым художником-акварелистом, и сразу попал под очарование этой таинственной реликвии. Гитлер был хорошо знаком с легендой о копье Судьбы. Его интерес к нему еще более подогревался оперой «Парсифаль» (1882), написанной любимым композитором Гитлера Ри-

хардом Вагнером. Сюжет оперы связан с поисками чаши Святого Грааля, и в ней также фигурирует легендарное копьё Судьбы.

По собственному признанию Гитлера, встреча с копьём стала одним из наиболее важных моментов в его жизни. Не в меру впечатлительный начинающий живописец, зачарованный, как лунатик, застыл перед древней реликвией. На какой-то миг он почувствовал себя вершителем судеб мира, сжимающим копьё Судьбы в руках, — ведь, как гласит легенда, это копьё делает его обладателя непобедимым...

Тревор Равенскрофт, автор книги «Копьё Судьбы», опубликованной в 1973 году, утверждает, что Гитлер начал Вторую мировую войну, чтобы захватить Священное копьё, которым он был попросту одержим. Это, конечно, явный перебор, хотя несомненно, что Гитлер был заинтересован в обладании клейнодами Священной Римской империи, усматривая в них (и в особенности в Священном копьё) мистическую связь со многими поколениями германских императоров, королей и полководцев, завоевавших в свое время едва ли не всю Европу. Специалисты-историки единодушно признали книгу Равенскрофта спорной. Алан Бейкер, автор исследования по истории нацистского оккультизма (A. Baker. Invisible Eagle, The Hidden History of Nazi Occultism. Virgin Books, 2000), убежден, что Гитлер стремился овладеть сокровищами

Хофбурга в гораздо большей степени по финансовым, а не по мистическим соображениям.

Как бы то ни было, уже 14 марта 1938 года, на следующий день после аннексии Австрии, Гитлер приказал изъять копьё Судьбы и другие реликвии из сокровищницы австрийских императоров в Вене. Их погрузили на бронепоезд и под охраной эсэсовцев вывезли в Германию — в Нюрнберг, ставший в 1930-х годах сердцем нацистского движения. Здесь, в церкви Святой Екатерины, имперские клейноды хранились в течение следующих шести лет. Когда авианалёты союзников участились, копьё и другие реликвии были перенесены в подземное хранилище под церковью, построенное специально для этой цели и в большой тайне. Копьё в целости и сохранности пережило воздушный налёт на Нюрнберг британских ВВС (английские летчики понесли в этот день самые большие потери, и германская пропаганда поспешила связать это с присутствием в Нюрнберге Священного копьё).

Следы уходят в... океан

С этого времени история копьё начинается как снежный ком обрастать слухами и различными конспирологическими теориями. По утверждениям некоторых авторов, ещё в древности существовала легенда, согласно которой утрата копьё неминуемо ведет к смерти его владельца, и эта легенда якобы нашла свое подтверждение в судьбе Гитлера: Нюрнберг был захвачен войсками союзников

30 апреля 1945 года, и в тот же день, спустя менее чем два часа, рейхсканцлер совершил самоубийство.

Хотя подземное хранилище под церковью Святой Екатерины действительно было обнаружено американскими солдатами уже в первые часы после захвата Нюрнберга, на повестке дня в ту пору стояло много других дел, и до реликвий Хофбурга дело дошло только много недель спустя. 2 августа 1946 года представители армии США и чиновники Нюрнбергского городского совета провели осмотр двенадцати хорошо упакованных ящиков, хранившихся в камере № 3 нюрнбергской тюрьмы. В ящике № 8 было найдено Священное копьё. После осмотра все имперские регалии, включая копьё, по распоряжению генерала Эйзенхауэра были возвращены в Вену, в сокровищницу дворца Хофбург, где остаются до сего дня.

Незадолго до возвращения копьё побывало в руках американского генерала Джорджа Паттона, войска которого захватили Нюрнберг. Он был очарован легендой о Священном копьё и после войны сумел проследить часть его истории. По мнению Паттона, копьё, найденное его солдатами в Нюрнберге, было подлинным. Спустя многие годы после войны, однако, появилась легенда о том, что американцам досталась только искусно сделанная фальшивка, а подлинным Священным копьём завладела некая секретная группа нацистов. Высказывалась также другая конспирологическая версия, согласно которой оригинал

копья был тайно вывезен за океан и ныне находится в распоряжении правительства США или — как вариант — потомков генерала Паттона, а в Вену была отправлена его точная копия.

Этой версии придерживаются, в частности, авторы вышедшей в 1989 году книги «Адольф Гитлер и тайны Священного копья». Они утверждают, что в венский музей была возвращена подделка, в то время как подлинное копьё вывезено в Южную Америку или даже в Антарктиду. Один из авторов книги, отставной полковник армии США и профессор медицины Говард А. Бюхнер, был участником Второй мировой войны. Он утверждает, что после войны с ним связался бывший немецкий офицер-подводник, назвавший себя капитаном Вильгельмом Бернхартом (это имя, скорее всего, вымышленное), который рассказал ему подлинную историю Священного копья. По словам Бернхарта, копьё, в настоящее время демонстрирующееся в императорской сокровищнице в Вене, является фальшивкой. Эта фальшивка была изготовлена одним из лучших японских оружейников по заказу Генриха Гиммлера, создавшего тайный кружок «рыцарей Священного копья» из числа наиболее преданных эсэсовцев. Дубликат копья хранился в церкви Святой Екатерины в Нюрнберге, в то время как подлинник использовался в тайных ритуалах черной магии, совершавшихся «рыцарями Священного копья» в замке Вевельсбург в Вестфалии.

В самом конце войны Священное копьё по личному распоряжению Гитлера было отправлено в Антарктиду наряду с другими нацистскими сокровищами. Этой операцией руководил полковник Максимилиан Хартман. В 1979 году Хартман якобы вернул эти сокровища в Европу, и теперь копьё находится в каком-то тайном убежище «рыцарей Священного копья».

В подтверждение своих слов «капитан Бернхарт», ставший вторым соавтором названной книги, подарил Бюхнеру вахтенный журнал этой экспедиции и фотографии некоторых возвращенных объектов. После личных встреч с другими членами предполагаемой экспедиции, а также с бывшими высокопоставленными нацистскими функционерами, включая экс-руководителя гитлерюгенда Артура Аксмана (умер в 1996 г.), Бюхнер пришел к выводу: либо его вовлекают в какой-то сложный, многоходовый обман с непонятными целями, либо все услышанное им правда и копьё Судьбы действительно на какое-то время было эвакуировано в Антарктиду и ныне находится в руках одного или нескольких людей, посвященных в нацистские секреты.

История полковника Бюхнера отчасти подтверждается фактом таинственного появления немецких подводных лодок в аргентинских водах спустя несколько месяцев после окончания войны. Предполагается, что эти лодки являлись частью таинственного «конвоя фюрера», перепра-

вившего группу высокопоставленных нацистов (а также, возможно, золото и нацистские реликвии) в Аргентину, Чили или даже в Антарктиду — на секретную германскую антарктическую базу «Станция-211». Одна из этих лодок, U-530, 3 марта 1945 года вышла из Хортена (Норвегия) под командованием обер-лейтенанта Отто Вермута. 10 июля того же года, после восемнадцати с половиной недель плавания и спустя более чем два месяца после прекращения военных действий в Европе, она вошла в порт Мар-дель-Плата, расположенный в 400 км южнее Буэнос-Айреса, и сдалась аргентинским властям.

Вторая лодка, U-977, вышла из норвежского порта Кристиансанн в самые последние часы войны — 2 мая 1945 года. Командовал субмариной обер-лейтенант Хайнц Шеффер. Формальной боевой задачей лодки являлось патрулирование в водах Ла-Манша, однако, принимая во внимание реальную военную обстановку тех дней, эта задача выглядит абсолютно бессмысленной. 10 мая 1945 года, когда Германия уже капитулировала, а лодка находилась в норвежских водах, командир субмарины предложил тем членам экипажа, кто имел семьи, покинуть лодку. 16 человек — примерно треть команды — поспешили воспользоваться этим предложением и, оставив лодку, на шлюпках добрались до норвежского берега. Между тем субмарина погрузилась под воду и исчезла...

Она объявилась вновь только 17 августа 1945 года, спустя более чем пятнадцать недель, сдавшись аргентинцам в том же порту Мар-дель-Плата. Позже командир лодки Хайнц Шеффер написал книгу воспоминаний о приключениях подводников, увидевшую свет в 1950 году. По его словам, с 10 мая до 14 июля лодка U-977 шла в погруженном положении. Этот 66-дневный подводный рейс стал вторым по длительности за всю историю Второй мировой войны (рекорд принадлежит другой германской субмарине, U-978, — 68 дней). Подобно подводной лодке U-530, U-977 была оборудована шноркелем — устройством для работы дизельных двигателей в подводном положении (характерно, что это устройство было смонтировано на лодке в феврале 1945 года, хотя в строй она вступила еще в мае 1943 года). Поход был чрезвычайно трудным, многие из членов команды оказались на грани нервного срыва. На островах Зеленого Мыса лодка сделала короткую стоянку, а затем снова двинулась на юг, уже в надводном положении, используя только один дизель. 23 июля подводники пересекли экватор, а 17 августа прибыли в Мар-дель-Плату. Весь рейс продлился 108 дней.

Сведения о действиях немецких подводных лодок в Южной Атлантике продолжали поступать не только на протяжении всей второй половины 1945 года, но и гораздо позже. Одна германская субмарина была затоплена собственным экипажем в августе 1945 года в водах за-

лива Сан-Матиас, неподалеку от побережья Патагонии. 25 сентября 1946 года, спустя полтора года после окончания войны, агентство Франс Пресс распространило сообщение о том, что «постоянно циркулирующие слухи о действиях немецких подводных лодок в районе Огненной Земли, между крайней южной оконечностью Латинской Америки и Антарктидой, основаны на действительных случаях». В том же 1946 году французская газета *France Soir* сообщила о захвате исландского китобойного судна германской подводной лодкой в районе Фолклендских островов.

Все эти факты, равно как и ряд других, указывают на то, что в водах Южной Атлантики в 1945—1946 годах действительно могли находиться германские субмарины, направленные в этот район с неизвестным заданием (с точки зрения чисто военной их деятельность уже не имела никакого смысла). Многие годы спустя после войны исследователи выявили «бесследное» исчезновение семи из десяти немецких подводных лодок, базировавшихся во Фленсбурге и выпущенных на боевое задание в последние дни войны через проливы Каттегат и Скагеррак. А архивы кригсмарине содержат сведения более чем о сорока без вести пропавших в последние дни войны подводных лодках. Все они были построены по последнему слову тогдашней техники, являлись, по существу, подводными крейсерами, и все они были в состоянии совершить мно-

готысячсмильный рейс и благополучно достичь берегов Аргентины или Антарктиды...

Союзники приложили немало усилий, чтобы разгадать тайну появления немецких субмарин в аргентинских водах. Члены экипажей сдавшихся в Мар-дель-Плате подводных лодок U-530 и U-977 были допрошены офицерами американской разведки. Никто не верил, что командиры немецких субмарин проделали столь долгий, почти четырехмесячный, путь только для того, чтобы сдать аргентинцам, хотя Отто Вермут и Хайнц Шеффер настаивали именно на этой версии. Разведка союзников была уверена, что обе подводные лодки имели на борту некий секретный груз. Предполагалось даже, что эти лодки могли тайно доставить к берегам Южной Америки самого Гитлера (ходили упорные слухи, что рейхсканцлер выбрался из осажденного Берлина и после войны жил в Чили, в селении Колония-Дигнидад, где и умер в 1960 году; по другой версии, он умер в Аргентине в 1964 году). В свете этой версии обоих командиров сдавшихся подводных лодок допрашивали особенно дотошно. Обер-лейтенанта Шеффера первоначально вывезли в США, где офицеры американской разведки работали с ним в течение месяца, после чего его отправили в Англию, в распоряжение людей из Интеллидженс Сервис. Оба подводника продолжали утверждать, что на борту их субмарин не было никаких политически значимых фигур, которых следовало

бы тайно доставить в Южную Америку. В конечном счете оба офицера были освобождены. Хайнц Шеффер какое-то время жил в Западной Германии, но потом уехал в Южную Америку, где занялся написанием мемуаров.

Внезапное появление «капитана Вильгельма Бернхарта» вновь пробудило интерес к этой давней истории. Дело в том, что «капитан Бернхарт», как оказалось, был одним из членов экипажа подводной лодки U-530 (некоторые считают, что под этим псевдонимом скрывается сам командир субмарины, обер-лейтенант Отто Вермут). По словам Бюхнера, «капитан Бернхарт» утверждал, что американской и британской разведкам стало известно, что подводные лодки U-530 и U-977 до того, как сдаться аргентинским властям, побывали в Антарктиде, но точная цель их миссии так и осталась загадкой. Так, может быть, одной из задач этого плавания действительно являлось спасение Священного копья?

Тайна копья разгадана?

В 2003 году специалистам впервые представилась возможность детально исследовать древнюю реликвию, хранящуюся в сокровищнице дворца Хофбург в Вене. Насколько реальны слухи о подмене Священного копья? Действительно ли это то самое копьё сотника Лонгина, что пронзило тело Христа, умершего на кресте? В какой степени достоверны легенды, окружающие реликвию?

Копье изучалось в лабораторной среде с помощью самых современных методов анализа, при этом ученым было даже дано разрешение снять золотую и серебряную муфты, скрепляющие лезвие. Наконец был вынесен вердикт: дата изготовления копья — конец VII — начало VIII века (до этого музейные специалисты придерживались несколько более поздней даты). В то же время вставленный в копье заостренный железный стержень, традиционно считающийся гвоздем от распятия на кресте, по длине и форме действительно совпадает с римским гвоздем I столетия нашей эры. Много позже — очевидно, в эпоху раннего Средневековья — этот гвоздь был расплюснут молотом, в результате чего приобрел характерный уплощенный вид, напоминающий лезвие, и, кроме того, был украшен насечкой в виде крошечных медных крестиков.

Надо сказать, что о том, что Священное копье не относится ко временам Иисуса Христа, наука знает еще с 1920-х годов, когда проводились первые научные исследования реликвии. Современные методы анализа подтвердили этот вывод: хорошо различимые на рентгенограммах вкрапления шлака типичны для раннесредневековой кузнечной техники. В то же время ученые полностью опровергли миф о том, что в годы войны Священное копье было подменено, а оригинал его похищен: реликвию, хранящуюся сегодня в венском музее, с уверенностью можно датировать VIII столетием. В своем первоначаль-

ном виде это копьё было полноценным боевым оружием, так называемым каролингским «крылатым» копьём, и типологический анализ полностью подтверждает это. В то же время на нем не сохранилось никаких признаков реального боевого применения. Скорее всего, Священное копьё первоначально использовалось как навершие знамени, чему имеется ряд убедительных признаков. На протяжении своей долгой истории копьё неоднократно переделывалось и дополнялось различными деталями, а при каких-то неясных обстоятельствах было сломано на две части, после чего старательно скреплено в одно целое.

Какие же из всего этого следуют выводы? Ну, во-первых, хранящееся в Вене копьё действительно может быть связано с именем Карла Великого. Этому не противоречит ни один из имеющихся сегодня в распоряжении науки фактов. Во-вторых, оно действительно может заключать в себе гвоздь Креста Христова, как это и утверждала средневековая традиция. Таким образом, копьё по праву занимает своё исключительное место среди регалий Священной Римской империи и принадлежит к числу наиболее значимых культурно-исторических объектов в сокровищнице Хофбурга. В-третьих, исследования копья позволили решительно отбросить в сторону всю ту оккультную шелуху, в которую его в последние тридцать лет старательно завертывали приверженцы различных конспирологических теорий. В то же время открытым

остается вопрос о судьбе истинного копья сотника Лонгина — конечно, если таковое действительно существовало. Как мы уже знаем, за прошедшие два тысячелетия появлялось много претендентов на эту роль, и история копья по-прежнему остается запутанной. Впрочем, если идентифицировать венское Священное копье как копье Карла Великого, то все остальные версии приобретают уже откровенно мифологический характер. И хотя история этого копья оказалась гораздо более прозаичной, чем этого хотели бы любители исторических загадок, древняя реликвия не утратила своего очарования. Все-таки за «ее плечами» стоят 1200 лет европейской истории...

II

МЕЧ СВЯТОГО ПЕТРА

«...Иуда, взяв отряд воинов и служителей от первосвященников и фариссеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием. Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете?

Ему отвечали: Иисуса Назорея.

<...>

Иисус отвечал: Я сказал вам, что это Я; итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут, — да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых ты Мне дал, Я не погубил никого.

Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсекал ему правое ухо. Имя раба было Малх. Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» (Ин. 18: 3—5, 8—10).

Трудно сказать: мог ли в действительности сохранить-ся до наших дней этот самый меч, которым апостол Петр

отсек ухо Малха и о котором свидетельствует апостол Иоанн, непосредственный очевидец событий Гефсиманской ночи? Однако, как бы то ни было, существует одна историческая реликвия, которая претендует на то, чтобы называться мечом святого Петра. Речь идет о мече, до относительно недавнего времени хранившемся в кафедральном соборе польского города Познань. Сейчас этот меч находится в музее Познанской архиепархии, а в соборе выставлена его точно сделанная копия.

История меча прослеживается более чем на тысячу лет назад. Почти такой же возраст — или, может, чуть больше — имеет архикафедральная базилика Святого Петра и Святого Павла в Познани, старейшая кафедра на польских землях. Считается, что именно здесь в 966 году принял святое крещение князь Мешко (Мечислав) I из династии Пястов (правил в 960—992 гг.) — фактический основатель польского государства. Здесь же, в стенах собора, в «Золотой часовне», нашли свое упокоение первые правители объединенной Польши — сам Мешко I и его сын и преемник Болеслав I Храбрый (умер в 1025 г.).

Об исторических памятниках, находящихся в стенах кафедрального собора, можно было бы написать целую книгу. Главной же реликвией этого храма на протяжении десяти веков был и остается меч святого Петра.

Каким образом этот древний меч попал в Познань? Впервые о нем упоминает известный польский хронист

Ян Длугош (1415—1480). В одной из своих последних работ, «Жизнеописании познанских епископов» (*Vitae Episcoporum Posnaniensium*, 1480 г.), он сообщает о том, что меч святого Петра был подарен в 968 году папой Стефаном VII первому познанскому епископу Иордану:

«Папа Стефан VII, отправляя епископа Иордана к проживающему в Познани князю Мечиславу, чтобы вступление его на Познанскую кафедру тем приятнее сделать духовенству и люду, дал ему меч, которым, как считается, святой Петр отсек в Гефсиманском саду ухо Малху, слуге первосвященника, или другой такой же, сделанный вместо этого и благословленный; и то в память славного дела апостола. Таким образом, через этот меч должна была церковь в Познани получить долговечную реликвию, которой бы, как от видимого главы Церкви Христовой и преемника святого Петра к его чести, святости его имени и титула подаренной и удостоенной, могла бы радоваться. Этот меч еще и до сего дня в большом остается почете».

Длугош ошибается, называя имя папы Стефана VII, который в действительности умер еще в 931 году. Скорее всего, речь здесь идет об Иоанне XIII, понтификат которого пришелся на 965—972 годы. Что же касается меча, то его подлинность вызывала сомнения уже во времена Длугоша: рассказывая о реликвии, летописец прямо говорит, что этим мечом, «как считается», святой Петр отсек в Гефсиманском саду ухо Малху, но, может быть, это даже

не тот самый меч, а «другой такой же, сделанный вместо этого». Иными словами, в Познань могла быть прислана не сама реликвия, а только ее копия, специально сделанная ради этого случая и благословленная папой. Возможно, что меч являлся просто реликварием, заключавшим в себе часть подлинного меча апостола Петра. Что интересно, святой Петр с самого начала являлся единственным небесным патроном Познанского собора; лишь с 30-х годов XIX столетия Познанская кафедра официально стала именоваться собором святых Петра и Павла.

В источниках сохранились и другие упоминания и записи о таинственном мече, хранящемся в Познанском соборе. В 1699 году о нем писал познанский архидьякон Залашовский, который, как кажется, располагал даже более детальной информацией о реликвии, чем его знаменитый предшественник, Ян Длугош: «В ризнице Кафедрального собора хранится часть меча святого Петра апостола, принесенная в Познань Иорданом, первым познанским епископом, которая на некоторое время для обозрения верными выставляема бывает». То есть архидьякон был уверен, что подлинной реликвией является не сам меч, а «часть меча святого Петра»; последняя, возможно, была вмонтирована в меч-реликвиарий, подаренный папой епископу Иордану.

На протяжении нескольких столетий меч святого Петра выносился во время торжественных процессий и вы-

ставлялся для обозрения верующими. В 1721 году, когда традиция процессий с мечом прекратилась, его перенесли из собора в дом капитула, который был сочтен более достойным местом для хранения реликвии.

Первая научная работа, посвященная проблеме происхождения меча, появилась в 1859 году. Ее автором был каноник кафедрального капитула Ян Ябчинский. Ни он, ни позднейшие исследователи так и не пришли к однозначному мнению о том, является ли «меч святого Петра», хранящийся в Познанском соборе, подлинным либо представляет собой позднейшую копию, сделанную по образцу оригинала (очевидно, утраченного). В традиционной средневековой иконографии святой Петр очень часто изображается именно с этим или подобным ему мечом — это можно видеть на примере знаменитого алтаря Мариакского костела в Кракове, изготовленного в 1477—1489 годах. Витом Ствошем, выдающимся мастером поздней готики.

Форма меча не вполне обычна: с клинком, откованным из одной полосы железа и заметно расширяющимся к острию, он напоминает собой скорее мачете. Длина меча в современном виде составляет 70,2 см; первоначально он, очевидно, был на 1—2 см длиннее, но сейчас острие меча разрушено коррозией. Максимальная ширина клинка (у острия) составляет 9,4 см; на расстоянии 10,3 см от навершия рукояти имеется отверстие диаметром 0,4 см.

Рукоять защищена небольшой, просто исполненной крестовиной, служащей дополнением к клинку.

Ни обращение к историческим источникам, ни современные научные исследования не позволили однозначно решить вопрос о происхождении меча. Долгое время в среде ученых господствовало мнение, что «меч святого Петра» представляет собой копию подлинной реликвии, изготовленную, вероятно, в X столетии. Однако исследование, проведенное специалистами Музея Войска польского в Варшаве, неожиданно дало совсем иной результат: исходя из типологии и техники изготовления меча, это оружие, возможно, следует датировать I столетием н.э.; изготовлено оно было, по всей видимости, в восточных пограничных областях Римской империи. Мнение это, однако, не разделяют многие другие специалисты, в том числе и в самой Польше. Многие эксперты склонны считать, что это все же средневековая копия. Предлагаемые датировки лежат в диапазоне от X века до 1-й четверти XIV столетия. Однако независимо от того, когда был сделан меч, на сегодняшний день это самое древнее оружие, сохранившееся до наших дней в польских музеях, а как историческая реликвия он имеет, без сомнения, всемирное значение.

III

МЕЧ СВЯТОГО МАВРИКИЯ

Небольшой швейцарский городок Сент-Морис-ан-Вале, расположенный на дороге, ведущей из Женевы в Рим, в римские времена носил название Агуанум. Он связан с одной из ранних легенд о христианских мучениках. Эта история была сохранена для нас святым Эйхериусом, епископом Лионским (умер в 494 году нашей эры), написавшим труд *Passio martyrum Acaunensium*. В нем он рассказал о событиях, произошедших почти за 200 лет до этого.

Во времена правления императоров Максимиана и Галерия в Верхнем Египте был сформирован римский легион, получивший название Фиванского, — по названию древней столицы Верхнего Египта города Фивы. В его рядах насчитывалось 6600 человек, большей частью уроженцев Египта и Нубии. Командовал легионом офицер по имени Маврикий, по-видимому, выходец из Нубии

(во всяком случае, поздняя традиция неизменно изображает его чернокожим африканцем).

В 286 году император Максимиан включил Фиванский легион в состав римской армии, брошенной на подавление восстания багаудов в Галлии. После того как восстание было подавлено, Максимиан приказал в знак благодарности совершить человеческие жертвоприношения языческим богам. Вся армия должна была присоединиться к этим жертвоприношениям, а в качестве жертв предлагалось использовать пленных галлов, среди которых было много христиан. Фиванский легион, квартировавший в ту пору в Агуануме, в полном составе отказался подчиниться этому варварскому обряду (согласно преданию, легион сам целиком состоял из христиан). Максимиан был взбешен. Он приказал произвести в рядах мятежников децимацию (то есть каждый десятый воин должен был быть казнен). Этот приказ был исполнен, но тем не менее Фиванский легион во главе со своим командиром продолжал отказываться участвовать в языческих жертвоприношениях. Была произведена повторная децимация, но и это не помогло. Маврикий от имени всех воинов заявил императору: «Император, мы — твои слуги, но мы также и слуги истинного Бога. Мы несем военную службу и обязаны повиноваться тебе, но мы не можем отказываться от Того, кто наш Создатель и Властитель, даже при том, что ты отвергаешь Его. Во всем, что не противоречит Его за-

кону, мы с величайшей охотой повинемся тебе, как мы это делали до настоящего времени. Мы с готовностью выступаем против твоих врагов, кем бы они ни были, но мы не можем обогреть наши руки кровью невинных людей. Мы присягнули Богу прежде, чем принесли присягу тебе».

Тогда разъяренный Максимиан приказал умертвить всех воинов Фиванского легиона без исключения. Никто из них не оказал сопротивления, не соблазнился доказать свою правоту силой. «Так дикой жестокостью тирапа был сотворен великий сонм святых мучеников. Так был убит тот поистине ангельский легион мужей, которые, как мы в это верим, на небесах вместе с легионами ангелов славят Господа Бога нашего всегда, ныне, и присно, и во веки веков», — заключает свой рассказ Эйхериус.

Спустя сто лет после этих событий останки мучеников были обнаружены и перезахоронены святым Теодором, епископом Октодурума. В честь Маврикия и его воинов он построил в Агуануме базилику, руины которой можно видеть и сегодня. В следующем столетии епископ Эйхериус собрал множество рассказов о чудесах, связанных с мучениками, и, вероятно, в этом же веке Маврикий был канонизирован церковью. Маврикий стал популярным святым в Южной Германии и Северной Италии, в Средние века он являлся небесным заступником нескольких королевских династий, а позже — императоров Священ-

ной Римской империи. Короли, дворяне и князья церкви строили десятки церквей в его честь. В одной только Франции сегодня насчитывается более 650 храмов, посвященных святому Маврикию, и более семидесяти населенных пунктов носят его имя. Король Сигизмунд Бургундский в 515 году пожертвовал церкви участок земли близ Агуанума для постройки монастыря в честь святого Маврикия. В этом монастыре, который носит имя святого Маврикия, до сих пор ежедневно совершается особая литургия в память воинов-мучеников.

Исследователи не раз пытались отыскать факты, способные подтвердить легенду о святом Маврикии. В конце 1940-х годов в Сент-Морис-ан-Вале даже велись археологические раскопки. По мнению специалистов, изучавших различные версии легенды, епископ Эйхериус написал свой труд на основе более раннего устного предания, восходящего к епископу Теодору Октодурумскому, жившему за сто лет до Эйхериуса. Теодор, по-видимому, заимствовал это предание с христианского Востока, где также рассказывали о святом Маврикии, римском офицере, принявшем мученическую смерть вместе со своими 70 воинами. Версия о том, что весь Фиванский легион якобы состоял из одних христиан и был в полном составе истреблен по приказу императора-язычника, не выдерживает никакой критики. По всей видимости, это преувеличение, призванное произвести впечатление на читателей. Вообще маловеро-

ятно, что в римских войсках могло служить сколько-нибудь значительное количество христиан, поскольку они подвергались преследованиям, и вряд ли кто из римских администраторов решился бы доверить им оружие и уж тем более формировать из христиан отдельные воинские части.

Как бы то ни было, культ святого Маврикия начиная с V—VI веков получил широкое распространение в Европе. В христианской традиции мученик обычно изображается вместе с инструментами казни, поэтому святой Маврикий неизменно изображался с мечом — согласно преданию, римляне отсекли ему этим мечом голову. Приблизительно на рубеже X—XI веков наряду с мощами святого начинает почитаться и меч, с которым молва связывала мученичество святого Маврикия. Сегодня известны целых два меча святого Маврикия. Один хранится в императорской сокровищнице (Weltliche Schatzkammer) в Вене (Австрия), другой — в Королевском арсенале (Armeria Reale) в Турине (Италия). По однозначному заключению специалистов, оба меча созданы в эпоху Высокого Средневековья и, таким образом, не имеют никакого отношения к римскому воину, казненному в III веке. Это, однако, не снижает их художественной и исторической ценности — оба меча являются, пожалуй, наиболее яркими образцами средневекового рыцарского вооружения.

Меч святого Маврикия, хранящийся в Вене, известен на протяжении едва ли не тысячи лет. Считается, что им-

ператор Священной Римской (Германской) империи Генрих I (919—936) получил его (наряду со Священным копьем) от короля Рудольфа Бургундского в обмен на часть швейцарских земель. Более 800 лет меч святого Маврикия служил коронационным мечом императоров Священной Римской империи, а позднее — австрийских императоров. В последний раз он использовался при коронации императора Карла в 1916 году.

Возраст меча остается предметом дискуссий. Сотрудники Венского музея истории искусств, в ведении которого находится бывшая императорская сокровищница, полагают, что он был сделан во Франции в конце XII столетия. Ряд независимых экспертов считает, что меч несколько старше, и датируют его 1050—1120 годами. В любом случае реальный возраст меча составляет по крайней мере восемь столетий.

На позолоченном навершии рукояти меча выгравированы герб Священной Римской империи с одной стороны и личный герб императора Оттона IV (умер в 1218 г.) — с другой. Последнее обстоятельство заставляет некоторых специалистов предполагать, что меч мог быть изготовлен по случаю коронации Оттона IV в 1198 году. Выгравированный на навершии герб императора Оттона инвертирован (обращен снизу вверх), что указывает на то, что во время церемоний меч несли острием вверх. В нижней части навершия выгравирована надпись: BENEDICTUS

DOS DES MEUS QUI DOCET MANUS. На позолоченном перекрестье меча шириной 205 мм выгравирован другой девиз: CHRISTUS VINCIT. CHRISTUS REINAT на одной стороне и CHRISTUS INPERAT — на другой (правильное чтение — IMPERAT). Этот босвой клич времен Третьего крестового похода переводится как «Христос побеждает, Христос царствует, Христос властвует». Нет, однако, оснований полагать, что этот меч использовался в Крестовых походах: по всей видимости, он вообще никогда не знал какого-либо иного применения помимо церемониального.

На длинном и сравнительно тонком лезвии (его длина составляет 953 мм, ширина в основании — 43 мм) никаких надписей и знаков нет. Предполагается, что само лезвие может быть старше рукояти по крайней мере лет на пятьдесят, а то и сто, однако эта версия не бесспорна. Прекрасно сохранившиеся ножны меча представляют собой большую историческую редкость, поскольку большинство средневековых мечей дошли до наших дней без ножен. Специалисты полагают, что эти ножны были сделаны в Италии в последней четверти XI столетия, — дополнительное свидетельство того, что и лезвие может иметь более раннюю дату, чем рукоять. Материалом для ножен послужило оливковое дерево. Их длина составляет 1010 мм — на 50 мм больше, чем длина лезвия. С обеих сторон изделие украшено чешуйчатыми золотыми наклад-

ками с изображением фигур в пышных облачениях и коронах — по-видимому, монархов. Эти фигуры обращены головами к наконечнику ножен, что указывает на то, что во время торжественных процессий вложенный в ножны меч несли острием вверх. В дополнение к накладкам ножны щедро украшены красной, белой и синей эмалью.

Почему именно этот меч молва связывает с именем святого Маврикия? На этот счет высказано немало гипотез, но все они не бесспорны. Специалисты Венского музея истории искусств выяснили, что традиция, приписывающая этот меч святому Маврикию, родилась не ранее XIV столетия. Причины этого неизвестны. Возможно, что когда-то меч хранился вместе с мощами святого Маврикия и позднее стал прочно ассоциироваться с именем этого мученика.

Что касается второго меча, хранящегося в Турине, то его связь со святым Маврикием более определена. Первоначально он хранился в историческом аббатстве Сент-Морис-ан-Вале, по преданию, построенном на месте казни Маврикия и его воинов. Наряду с мощами святого он являлся объектом почитания. Существовало даже поверье, что бесплодная женщина, прикоснувшаяся к мечу святого Маврикия, в самом скором времени обретет способность к деторождению.

В 1591 году король Эммануил I Савойский перенес меч и часть мощей святого Маврикия в Королевскую часовню

в Турине. С 1858 года меч хранится в Королевском арсенале. Он до сих пор находится в прекрасном состоянии и выглядит так, как будто изготовлен только вчера. А между тем его возраст весьма почтенен! Только, увы, и этот меч не имеет никакого отношения к святому Маврикию...

По единодушному мнению специалистов, меч изготовлен в первой половине XIII столетия. В отличие от своего тезки из Вены, это очень простой меч, без каких-либо украшений. В то же время, пожалуй, именно этот меч может дать исчерпывающее представление о том, чем в реальности являлось средневековое рыцарское оружие. Очевидно, что его владелец был большим, крепким и очень сильным человеком, могучим и внушающим страх бойцом, а мастер, изготовивший меч, — опытным профессионалом. Это не церемониальная безделушка, а настоящий боевой меч, предназначенный для кавалерийского боя, массивный, выглядящий несколько грубо и неуклюже и в то же время завораживающий своей особой, магической красотой. Это — меч, и этим сказано все. Возможно, именно этот простой и суровый облик повлиял на то, что этот меч был когда-то избран в качестве меча древнего святого.

Полная длина меча составляет 105 см при длине клинка 91,7 см. Ширина лезвия в основании составляет 5,4 см, весит меч 1,34 килограмма. На лезвии чьей-то быстрой и верной рукой выгравированы знаки «Н + Н» и «+ Н +». Очевидно, что когда-то мечу пришлось соприкоснуться

с чем-то твердым, — близ острия хорошо заметна небольшая трещина. Это, однако, не след удара — скорее меч просто упал с большой высоты или пострадал иным образом, так как в этом же месте деформирована и оковка ножен. Лезвие тем не менее находится в таком замечательном состоянии, что даже сегодня им можно чинить карандаши. Рукоять меча сделана из дерева и обмотана тремя слоями льняной ткани, которая, в свою очередь, покрыта тонкой коричневой кожей или пергаментом. Так же просто и функционально, как сам меч, выглядят и ножны. Они изготовлены из двух дерсяннных планок, покрытых пергаментом, с простой железной оковкой.

До наших дней меч дошел в прекрасном состоянии во многом благодаря тому, что на протяжении нескольких веков хранился в специальном футляре из темно-коричневой кожи, изготовленном в 1434—1438 годах. Очевидно, что мастера, работавшие над футляром, были убеждены, что это именно меч святого Маврикия. Об этом говорит изображение святого, украшающее футляр. Его дополняют гербы Савойи, Пьемонта и Генуи и надпись по-латыни: *O bone mauricii defende tui cor amici ut nunquam subici laqueis possit inimici.*

Легенда о святом Маврикии, во многом недостоверная, как бы то ни было, донесла до наших дней сразу два великолепных произведения средневековых оружейников. И хотя оба этих меча в реальности не имеют никакого

прямого отношения к раннехристианскому мученику, они тем не менее сохраняют значение исторических реликвий — в силу своего почтенного возраста, художественных достоинств, богатого прошлого. Ну и в силу традиции, наконец...

IV

МЕЧ ПРОРОКА МУХАММЕДА

Одним из наиболее известных и ярких символов мусульманского Востока является Зульфикар — меч, в соответствии с коранической традицией принадлежавший пророку Мухаммеду. Для мусульман он означает приблизительно то же, что меч короля Артура — для жителей Британии. Особенно почитают Зульфикар мусульмане-шииты. Согласно исламской традиции, после смерти Мухаммеда меч по завещанию достался Али ибн Абу Талибу, зятю пророка, который, с точки зрения шиитов, был первым и единственным законным преемником Мухаммеда (халифом).

Существуют различные варианты названия меча, отражающие региональные особенности произношения: Зульфикар, Золфагар, Тульфикар, Дульфикар, Дульфагар и т.д. Среди арабов больше распространено название Тульфикар (Thulfiqar), в то время как персы предпочитают

именовать легендарный меч пророка Мухаммеда Зульфикаром (Zulfiqar). В зависимости от способа произношения по-разному переводится и название меча, но наиболее распространенный вариант перевода происходит от арабского Dhu al-Fiḡar или Dhu'l-Fiḡar — «ломающий позвонки». По другой версии, название меча происходит от арабского Dhu'l-Fakar — «обладатель метки» (из-за того, что лезвие меча имело на себе некие особые метки или знаки).

Происхождение меча окутано легендами. Рассказывают, например, что он принадлежал первому человеку — Адаму, который принес его на землю после изгнания из рая. Согласно наиболее распространенной версии, меч достался пророку Мухаммеду в качестве трофея после сражения у колодцев Бадр в 624 году, а до этого он принадлежал одному из вождей племени курейшитов. В руках пророка оружие приобрело магическую, сокрушительную силу.

По преданию, Мухаммед передал (по другой версии, завещал) Зульфикар своему зятю Али, великому воину. Большинство источников сходятся в том, что это произошло во время исторической битвы при горе Ухуд, произошедшей 23 марта 625 года. Одна из легенд утверждает, что меч для Али принес с небес сам архангел Гавриил (Джибрил) после того, как в жестокой сече тот уже сломал девять мечей. С Зульфикаром в руке Али бросился на вражеского предводителя Амра ибн Абдауда, сила ко-

торого пресвосходила силу тысячи воинов. Никто не отваживался сойтись с ним в единоборстве. Однако для Али не было препятствий. Одним ударом волшебного меча он разрубил пополам щит противника, разбил его плечом и поверг силача на землю. Видя это, пророк Мухаммед восхищенно воскликнул: «Нет героя кроме Али, нет меча кроме Зулфикара!» В последующие века этот девиз стал боевым кличем мусульманских армий, оружейники выгравировывали его на клинках мечей.

В руке Али Зулфикар стал самым известным мечом в истории ислама. По преданию, этот меч имел два лезвия и обладал волшебными свойствами: например, им невозможно было убить невинного человека. Когда Али не сражался, он оставлял Зулфикар висеть в воздухе, просто подбрасывая его, а в случае нужды меч чудесным образом оказывался у него в руке. Считалось, что Зулфикар защищает границы мусульманского мира от врагов. Однако, как гласит известная в Средней Азии легенда, этот меч ломался, если умерший где-либо мусульманин не был похоронен. Захоронение следовало произвести как можно быстрее — для того чтобы обломки Зулфикара срослись и он снова встал на стражу границ.

Сын Али, имам аль-Хусейн ибн Али, с Зулфикаром в руках сражался против омейядского халифа Язида ибн Муавия в битве при Кербеле (Ирак) в октябре 680 года. Память об этом сражении до сих пор жива среди мусульман-

шиитов. Войска Язида окружили небольшой отряд Хусейна, численность которого не превышала 300 человек. Получив несколько ран, Хусейн пал на поле битвы, почти все его люди были уничтожены. Время не смягчило горестных воспоминаний об этом событии. Шииты до сих пор переживают трагедию в Кербеле так, как будто она произошла только вчера. «Пей воду и проклинай Язида» — такую надпись можно увидеть в Кербеле на огромных кувшинах, выставленных на улице для страдающих от жажды прохожих. Считается, что само название «Кербела» происходит от выражения «карб аль-илаха» («рядом с богами») или от «аль-курб ва аль-бала» («скорбь и беда»). А меч Зульфикар после этих событий стал восприниматься как символ чести и мученичества.

После гибели Хусейна Зульфикар перешел в руки аббасидских халифов, а затем османских султанов. Постепенно меч приобретает все более реальные очертания, окружающий его ореол легенд и преданий рассеивается. В эпоху Средневековья он становится символом военной доблести и рыцарства. Турки-османы охотно приняли и использовали символику Зульфикара. Полулегендарный меч стал одной из эмблем турецких янычаров. Его изображение помещалось на военных знаменах, на могилах павших воинов.

Существуют различные варианты изображения Зульфикара. В одних случаях он изображается с двумя парал-

лельными лезвиями, очевидно, призванными подчеркнуть волшебные свойства меча. Однако гораздо чаще его изображают в виде ятагана с раздвоенным острием (согласно легенде, лезвие меча расколосось, когда Али неосторожно вытягивал его из ножен). Во всех мусульманских странах изготавливались клинки, символизировавшие Зульфикар. Самые ранние из известных образцов имели раздвоенный конец, образованный треугольным вырезом. На этих клинках по традиции выгравировывалась надпись на арабском языке: «Нет героя кроме Али, нет меча кроме Зульфикара!» Вариации на тему Зульфикара очень разнообразны: известны мечи-«зульфикары» с раздвоенными в вертикальной или горизонтальной плоскости остриями клинка, с «пламенеющими» или волнистыми со стороны лезвия или обуха клинками. Клинки также могли быть кривыми или прямыми и сочетаться с разными эфсами.

Ну а что же сам легендарный меч? Пройдя через столетия и приобретя поистине всемирную славу, ныне он хранится в сокровищнице дворца-музея Топкапы в Стамбуле. В Турции он известен как Дульфакар (Dhu al-Faqar). Это тот самый меч, что стал трофеем пророка Мухаммеда в битве у колодцев Бадр и в дальнейшем принадлежал имаму Али и его сыну Хусейну. На лезвии меча выгравированы две сходящиеся линии — возможно, именно отсюда родилась легенда, что меч имел два острия.

Известны еще восемь мечей, принадлежавших пророку Мухаммеду. Семь из них ныне находятся в сокровищнице дворца Топкапы. Считается, что один из них, посящий имя Кали (Кулай), — один из трех мечей, взятых пророком в качестве трофеев после сражения с еврейским племенем бану-курейса (бану-кайнака) в 627 году под стенами Медины (по другой версии, Абд аль-Муталиб, дед пророка Мухаммеда, обнаружил этот меч близ источника Земзем в Мекке). Лезвие меча имеет длину 100 см. На нем выгравирована арабская надпись: «Это благородный меч дома пророка Мухаммеда, посланника Аллаха». Другим мечом, захваченным в сражении с бану-курейса, является легендарный Ал-Баттар, по преданию, принадлежавший библейскому силачу Голиафу. Следующим обладателем меча был Давид, победивший Голиафа и ставший царем Израиля. Существует легенда, что именно этим мечом Иисус Христос поразит Антихриста в час своего Второго пришествия.

Меч Ал-Баттар, который также хранится в сокровищнице дворца Топкапы, называют «мечом пророков». На его лезвии (его длина составляет 101 см) выгравированы имена Давида, Соломона, Моисея, Аарона, Иосифа, Захарии, Иоанна Крестителя, Иисуса Христа и Мухаммеда. На мече имеются также древняя надпись на языке арабов-набатейцев и рисунок, изображающий царя Давида с отрубленной головой Голиафа.

Третий меч, принадлежащий к числу трофеев битвы при Медине, — Хатф, меч, по преданию, собственноручно выкованный царем Давидом. Он изготовлен по образцу меча Ал-Баттар, но имеет несколько большие размеры, его лезвие имеет длину 112 см и ширину 8 см. Согласно легенде, этот меч был боевым мечом царя Давида, а позже был передан им на хранение священникам-левитам. В дальнейшем меч неисповедимыми путями оказался в племени бану-курейса, а потом перешел в руки пророка Мухаммеда.

Меч Ал-Расуб, как считается, был семейным мечом, долгое время принадлежавшим семье пророка. Длина его лезвия составляет 140 см. Меч украшают золотые кружки, на которых выгравировано имя некоего Джафара аль-Садыка.

Меч Ал-Матхур, известный также как Матхур ал-Фиджар, принадлежал пророку Мухаммеду еще до того, как он получил первое откровение от Бога. Он достался пророку от его отца. С этим мечом Мухаммед отправился в свое историческое путешествие из Мекки в Медину, известное как «хиджра». Ал-Матхур сопровождал пророка во всех последующих походах и по завещанию был передан его зятю Али. Длина лезвия меча составляет 99 см. Рукоять украшена двумя золотыми змеями и инкрустирована изумрудами и бирюзой; на лезвии близ рукояти имеется надпись «Абдаллах ибн Абд аль-Муталиб», выполненная старинной куфической вязью.

Шестой меч, Ал-Микдам, когда-то также принадлежал пророку Мухаммеду и от него перешел к Али ибн Абу Талибу, а от него — к его сыновьям (по другой версии, он был захвачен в качестве военного трофея Али ибн Абу Талибом во время одного из набегов на Сирию). Длина лезвия меча составляет 97 см; на нем выгравировано имя «Аль-Дин Зайн аль-Абидин» (возможно, это имя мастера).

Седьмой меч, Ал-Кадиб, скорее похож на длинный стилет (его длина составляет 100 см). Это было оружие для защиты путников и паломников. На одной стороне лезвия выгравирована длинная надпись: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его» («Мухаммед ибн Абдаллах ибн Абд аль-Муталиб»). Меч Ал-Кадиб долгое время принадлежал египетским правителям из династии Фатимидов.

Меч Ал-Адб — единственный из девяти мечей пророка Мухаммеда, хранящийся за пределами Стамбула. Ныне он находится в Египте, в мечети имама Хусейна в Каире. Название меча в переводе означает «острый». Этот меч прислал Мухаммеду один из его соратников накануне сражения у колодцев Бадр. Меч Ал-Адб был в руках пророка во время битвы при горе Ухуд, а в дальнейшем омейядские и фатимидские правители использовали его в ритуальных целях: на этом мече подданные клялись в верности правящему халифу.

V

МЕЧ ЦАРЯ ГОУЦЗЯНЯ

В сентябре 1965 года, проводя археологические исследования в зоне строительства гидротехнических сооружений близ Цзинчжоу (провинция Хубэй), китайские ученые обнаружили более пятидесяти древних захоронений, относящихся к периоду «Весны и Осени» (Чуньцю, 722—476 гг. до н.э.) и эпохе «Сражающихся царств» (475—221 гг. до н.э.). Раскопки этих погребений велись с середины октября 1965 года до января 1966 года. Было найдено более 2000 различных предметов, имеющих большой научный интерес. А главное открытие было сделано в один из декабрьских дней 1965 года.

Исследуя погребение эпохи «Сражающихся царств», расположенное в 7 км от руин Цзинаня — столицы древнего государства Чу, ученые обнаружили человеческий скелет, слева от которого лежал длинный черный лаковый футляр. Он был настолько тщательно сделан, что оказал-

ся практически воздухонепроницаемым. И когда один из исследователей извлек из футляра необычайно красивый и блестящий бронзовый меч, все присутствующие были потрясены.

Несмотря на то что меч пролежал в подземной гробнице более двух тысяч лет, он выглядел так, словно его изготовили вчера. Его лезвие было настолько острым, что, когда один из археологов провел по нему рукой, из пальцев закапала кровь. Простой опыт показал, что меч легко разрубает стопку из двадцати листов бумаги.

На одной стороне лезвия в две колонки шла иероглифическая надпись, состоящая из восьми знаков. Это был очень древний трудночитаемый вариант письма, но тем не менее ученые смогли его разобрать. Надпись гласила: «Царь Юэ... сделал этот меч для [своего] личного пользования». Еще два плохо разбираемых знака представляли собой, по видимости, имя этого царя. О ком шла речь?

В истории царства Юэ, начиная с его создания в 510 году до н. э и его завоевания царством Чу в 334 году до н.э., известно девять правителей. Среди китайских ученых разгорелись споры по поводу точного определения личности владельца меча. После более чем двух месяцев интенсивного обмена мнениями исследователи начали склоняться к выводу, что этим царем мог быть только Гоуцзянь (Гоуцзянь-ван), правивший государством Юэ в самом конце периода «Весны и Осени». Долгое время

он враждовал с правителем соседнего царства У, и, хотя сперва Гоуцзянь потерпел жестокое поражение, спустя десять лет сумел вырвать победу из рук противника и разгромить царство У. Уж не этим ли самым мечом Гоуцзянь прокладывал себе путь к триумфу?

Длина меча составляет 55,6 см, включая почти 10-сантиметровую рукоятку, ширина лезвия — около 5 см. Каждая сторона лезвия покрыта рядами темных ромбов и украшена бирюзой, ближе к рукояти выбита надпись из восьми знаков, удостоверяющая принадлежность меча царю Гоуцзяню. Эфес пересвечивает шелком, а навершие эфеса составлено из 11 колец.

Несмотря на более чем двухтысячелетнее пребывание в земле, лезвие меча сохранило остроту и не имеет никаких признаков коррозии и даже потускнения. Чтобы разрешить эту тайну, специалистам Китайской академии наук пришлось прибегнуть к самым современным методам анализа. Было установлено, что меч изготовлен из бронзового сплава, состоящего из меди, олова и небольшого количества примесей алюминия, железа, никеля и серы. Пропорция металлов в разных частях меча различна: если тело лезвия главным образом состоит из меди, то ближе к краям содержание олова повышается, что придает режущей кромке повышенную твердость. При изготовлении меча металл был подвергнут сульфурации (насыщению серой), а орнамент на лезвии представляет собой резуль-

таг химической обработки. В целом же меч царя Гоуцзяня представляет собой лучший образец продукции древних китайских металлургов. Даже сегодня создать точную копию этого меча было бы довольно затруднительно.

Со времени находки меч царя Гоуцзяня приобрел в Китае едва ли не такую же популярность, как легендарный меч короля Артура в Европе. Имеющий сегодня статус национального сокровища меч хранится в музее провинции Хубэй.

VI

СВЯЩЕННЫЙ МЕЧ ЯПОНИИ

Японские императорские регалии носят название Священных сокровищ. Эти реликвии — навсрное, самые таинственные в мире; людей, воочию видевших их, можно, навсрное, пересчитать по пальцам. Тем не менее вряд ли кто возьмется утверждать, что Священных сокровищ не существует в природе. Другое дело, что о них неизвестно практически ничего достоверного — только легенды...

Самые ранние сведения о трех Священных сокровищах можно найти на страницах древних японских хроник «Кодзики» («Записи о деяниях древности») и «Нихон сёки» («Анналы Японии»), составленных в VII—VIII веках. Согласно легенде, однажды бог Сусаноо, находясь в царстве богини солнца Аматэрасу, причинил ей много разного рода неприятностей. Разгневанная Аматэрасу удалилась в небесный грот, и вся Равнина Высокого Неба погрузилась во тьму. Встревоженные боги собрались на

совет, чтобы придумать, как выманить Амата́расу из грота. Наконец, богиня Ама-но Узуме придумала повесить на дерево яшмовое ожерелье, зеркало и белые одежды, после чего боги начали хором звать Амата́расу. Увидев свое отражение в зеркале, богиня солнца, заинтересовавшись, вышла наружу, и сразу же солнечный свет вернулся в мир.

Позже бог Сусаноо, чтобы загладить свою вину, преподнес богине Амата́расу волшебный меч Кусанаги («Кусанаги-но Цуруги» — «Меч, Секущий Траву»). Этот меч, как рассказывает хроника «Кодзики», Сусаноо добыл в стране Идзумо (западная часть японского острова Хонсю). Однажды, спустившись там на землю, он повстречал старика Асинадзуту и его жену Тенадзуту, которые горько плакали. На вопрос, в чем причина их несчастья, старики рассказали Сусаноо, что восемь лет назад в этой стране поселился восьмиглавый и восьмихвостый змей, пожирающий молодых девушек. Он уже пожрал семь их дочерей, и вот теперь настал черед отдавать змею последнюю дочь, Кусинаду.

Сусаноо захотел помочь старикам. Он взял восемь бочек, наполнил рисовой водкой сакэ и выставил их на восьми платформах за забором с восемью воротами. Змей нашел приманку и, просунув в каждые ворота по голове, осушил все бочки до дна. Опьянев, он уснул. Тогда Сусаноо поочередно отрубил ему все головы, а потом принялся за хвосты. Отрубив четвертый хвост, он обнаружил

в теле змея большой меч, который затем подарил богине Аматэрасу.

Внук Аматэрасу Ниниги (Ниниги-но Микото) сошел с Неба на Землю, чтобы стать правителем страны Идзумо (Японии). Он стал японским родоначальником императорского дома. Вместе с ним на Землю спустились пять божеств, от которых произошли главные аристократические кланы Японии. Посылая на Землю своего внука, Аматэрасу вручила ему три Священных сокровища, которыми обладала: зеркало — символ мудрости, меч — символ силы и доблести и яшмовое ожерелье, символизирующее милосердие. Эти сокровища должны были вечно храниться в императорском дворце; без них власть императора будет считаться нелегитимной. Эти три предмета вплоть до настоящего времени являются символами императорской власти.

Как повествует «Кодзики», Ниниги, спустившись на Землю, женился на Конохана-сакуя-химэ, дочери О-Ямацуми, божества гор. Их правнук, Дзимму-тэнно, стал первым императором Японии. Согласно традиции, восшествие Дзимму-тэнно на престол произошло в 660 году до н.э., и этот год считается датой основания японского государства.

Из-за легендарного происхождения и плотного тумана тайны, окружающей Священные сокровища, до сих пор достоверно неизвестны ни их подлинная история, ни

точное местонахождение. Принято считать, что яшмовое ожерелье хранится в императорском дворце в Токио, зеркало — в знаменитом святилище Исе (префектура Мие), а меч — в синтоистском святилище Ацута в Нагое.

Легендарный меч «Кусанаги-но Цуруги» занимает в истории Японии практически то же место, что и меч короля Артура Эскалибур — в истории Британии. Судя по скудным сведениям различных источников, древних и современных, этот меч изготовлен в стиле бронзового века — он обоюдоострый, короткий и прямой и сильно отличается от более позднего японского меча-катаны. Более раннее его название — «Ама-но Муракумо-но Цуруги» («Меч, Собирающий Облака»). Согласно преданию, в правление двенадцатого японского императора, Кейко, одна из жриц святилища Исе отдала меч своему племяннику, великому воину Ямато Такеру, чтобы защитить его от грозящей ему опасности. Этот подарок действительно пригодился Ямато Такеру, когда во время охоты один из его недоброжелателей заманил его в ловушку. Его слуги убили под Ямато Такеру лошадь, другие начали пускать горящие стрелы в заросли сухой травы, где укрывался Такеру. На воина двинулась стена огня. В отчаянии Ямато Такеру выхватил меч и начал рубить им траву, чтобы пламя не подобралось к нему, и с удивлением увидел, что волшебный меч не только легко срезает траву, но и способен управлять ветром, меняя его направление. Воспользовавшись этим, Такеру

погнал пламя в сторону своих врагов. Избавившись таким образом от напасти, он переименовал меч в «Кусанаги-но Цуруги» — «Меч, Секущий Траву».

Современные исследователи согласны в том, что эта популярная легенда, объясняющая происхождение легендарного меча, от начала и до конца выдуманна. В старояпонском языке «куса» означает «меч», а «наги» — «змею», и, таким образом, название меча переводится как «змеиный меч». Хотя под этим названием меч впервые упоминается в хронике «Кодзики», эта книга представляет собой сборник японских мифов и не считается историческим документом. Первое достоверное упоминание о мече можно найти в «Нихон сёки». Хотя эта хроника также содержит множество исторически недостоверных легенд, в ней есть записи некоторых событий, современных или близких по времени к дате ее создания, и эта часть хроники считается вполне надежным источником. Согласно «Нихон сёки», меч Кусанаги хранился в императорском дворце и был удален из него в 688 году после того, как в нем усмотрели причину болезни императора Тэмму. С тех пор и до сего дня меч хранится в святилище Ацута, но он недоступен для публичного осмотра, и потому его существование не может быть подтверждено. В период Эдо (1615—1868) один синтоистский священнослужитель оставил записки, в которых утверждает, что видел меч, и приводит его описание. Согласно этому описанию, меч достигал в длину

около 84 см, имел форму листа аира и находился в хорошем состоянии.

Хотя некий меч действительно может сегодня храниться в святилище Ацута, это вряд ли будет легендарный Кусанаги. Дело в том, что настоящий меч, по-видимому, был уничтожен еще в XII столетии. На это недвусмысленно указывает «Повесть о Хэйке» — собрание устных преданий, записанных в 1371 году. Эти предания рассказывают об эпохе длительных междоусобных войн, которые вели в конце XII века могущественные кланы Тайра (в китайском прочтении Хэйке) и Минамото. Оба клана поочередно захватывали японский трон, то и дело меняя императоров. К исходу этой войны, когда войскам Тайра пришлось оставить столицу, они увезли с собой малолетнего императора Антоку, который принадлежал к роду Тайра. Естественно, они взяли с собой и Священные сокровища. Минамото захватили столицу, возвели на престол своего императора, но без Священных сокровищ его власть не могла считаться законной. Следовало срочно вернуть святыни.

Преследуемые врагами, Тайра вынуждены были погрузиться на корабли и покинуть берега Японии. На борту флагманского корабля находились император и Священные сокровища. Флот Минамото преследовал их. Корабли противников сошлись в Симоносекском проливе, закипел бой. Воины Минамото взяли на бордаж флагманский корабль. Тогда Киёмори, бабушка 8-летнего императора

Антоку, вынудила его самого и его окружение совершить самоубийство. По преданию, она сама опоясалась Священным мечом, взяла в руки ларец со Священным зеркалом и отдала шкатулку со Священной яшмой своей верной служанке, после чего она, взяв за руку императора, бросилась вместе с ним в море. Однако кто-то из воинов Минамото успел подцепить императрицу багром и вытянуть из воды. Служанка же просто не успела последовать за своей госпожой. Таким образом, Минамото смогли спасти Священную яшму и ларец со Священным зеркалом. Что касается меча, то он отвязался от пояса императрицы и пошел на дно...

«Повесть о Хэйке» хотя и рассказывает о реальных исторических событиях, тем не менее является всего лишь сборником эпической поэзии, долгое время передававшейся из уст в уста и записанной спустя почти 200 лет после описываемых событий, так что ее надежность как исторического источника весьма сомнительна. Между тем, согласно некоторым хроникам, уже десятый японский император, Судзин, приказал изготовить точную копию меча Кусанаги после того, как стало известно, что настоящий меч... украден! Позже императорские чиновники утверждали, что на самом деле украдена точная копия меча, а сам меч цел и невредим, однако это следует расценивать как попытку поставить все с ног на голову. Более вероятно, что копия была сделана после того, как

стало ясно, что меч утрачен навсегда. Правда, историки считают императора Судзин легендарной личностью, так как в точности неизвестен ни исторический период, в который он правил, ни события его правления.

Согласно другим сообщениям, меч Кусанаги был украден (повторно?) в VI столетии неким китайским монахом. Однако судно, на котором монах возвращался на континент, затонуло, и в результате море выбросило Священный меч прямо на берег в Исе, где его нашли служители местного святилища. Учитывая несколько фантастическую природу этой истории, ее историческая достоверность сомнительна.

Как бы то ни было, из-за категорического отказа жрецов святилища Ацута показать меч широкой публике и упорных слухов о том, что подлинный меч утрачен еще как минимум восемь-девять столетий назад, следует признать, что меч Кусанаги — наиболее спорный объект в числе трех Священных сокровищ Японии. Это обстоятельство, однако, лишь добавляет таинственности к истории Священных сокровищ, о которых слышали многие, но не видел никто, за исключением горстки избранных. Последний раз меч появлялся на публике в 1989 году, во время церемонии возведения на трон императора Акихито, однако легендарный клинок при этом находился в футляре, так что и на этот раз тайна осталась неразгаданной...

VII

СЕМИЛЕЗВИЙНЫЙ МЕЧ

Семилезвийный меч — одно из национальных сокровищ Японии. Этот железный меч длиной 74,9 см имеет совершенно необычную форму: от его центрального лезвия, подобно ветвям, отходят еще шесть малых лезвий, придавая оружию странный и более чем экзотический вид. Надпись на одной стороне лезвия сообщает, что меч создан в 4 году китайской эры Тайва (Тайхэ), что соответствует 369 году нашей эры. Эту дату некоторые исследователи соотносят с сообщением старинной японской хроники «Нихон сёки» («Анналы Японии») о том, что приблизительно в это же время (с учетом некоторого расхождения в календарях) правитель корейского государства Пэкче по имени Кынчхого присылал своего посла к японской императрице-регентше Цзингу.

Но почему речь зашла о Корее? Дело в том, что современные исследователи, занимаясь изучением меча, приш-

ли к выводу, что он происходит или из Кореи, или, что менее вероятно, из Китая. Техника его изготовления заставляет обратиться прежде всего к корейским корням меча, а точнее — к эпохе трех древних царств Пэкче, Когурё и Силла, существовавших на территории Корейского полуострова в I — VII веках нашей эры (в VII веке царства Пэкче и Когурё вошли в состав объединенного государства Силла). Специалисты приписывают создание меча мастерам из Пэкче и полагают, что он предназначался для ритуальных целей. Внешний облик меча навеян образами корейского шаманизма и заставляет вспомнить о распространенном в корейской космогонии мотиве Мирового Древа с семью ветвями.

На обеих сторонах лезвия меча сохранилась трудночитаемая надпись, инкрустированная золотом. Существуют различные варианты ее перевода, и все они довольно спорны и являются предметом острых дискуссий между корейскими и японскими историками. Надпись на одной стороне приблизительно можно перевести так:

«Этот семилезвийный меч был сделан из <...> очищенного много раз, в полдень в одиннадцатый <...> день <...> месяца, четвертый год Тайхэ <...> эра. <...> отразить врага и служить правителю <...> сделанный...».

На второй стороне лезвия читается следующее:

«Никогда прежде не было такого меча <...> Пэкче. <...> кто обязан своей жизнью императору Цзинь, сделали этот

меч для правителя Ши страны Ва в надежде, что это перейдет по наследству к их потомкам» (существует версия, что вторая надпись сделана совершенно другим человеком и в другое время, чем первая). Упоминание некоего императора из династии Восточная Цзинь (317—420 гг.) и использование китайского летоисчисления заставляют некоторых ученых предполагать, что меч мог быть сделан в Китае. Другие исследователи считают, что меч, вероятно, был изготовлен по заказу одного из правителей корейского государства Пэкче или его высокопоставленным придворным в качестве подарка правителю страны Ва — так в Древнем Китае и Корее именовалась страна Ямато — Япония. Исходя из текстов на лезвии меча, ученые разных стран высказывают прямо противоположные предположения: это был подарок от равного равному; этот меч правитель Пэкче отправил своему японскому вассалу; отправка меча в Японию означала признание вассалитета со стороны правителя Пэкче. Согласно другим гипотезам, меч был вообще изготовлен в Китае, а надписи появились на нем уже позднее, в разное время, и связаны с совершенно разными событиями. Если же оружие действительно произведено в Корее, то в этом случае оно является вершиной творческих и технических достижений оружейников страны Пэкче.

Как бы то ни было, удивительный меч считается сегодня реликвией сразу двух стран — Японии и Кореи. Само

его существование доказывает, что уже к 372 году между обоими государствами имелись тесные и дружественные отношения. Оригинал меча ныне хранится в Японии, в святилище Исоноками, а многочисленные копии, изготовленные в разные времена, можно увидеть во многих музеях и святилищах Японии и Южной Кореи.

VIII

ЗАГАДКА ЭСКАЛИБУРА

Меч из легенд

В 1485 году в Англии вышло в свет обильное сочинение Томаса Мэлори (ок. 1405—1471) «Смерть Артура», ставшее наиболее полным сводом романов о знаменитом короле Артуре. Несмотря на то что Мэлори находился под несомненным влиянием французской рыцарской литературы, в основу его труда лег кельтский (а точнее, бриттский) эпос, отразивший реальные исторические события, связанные с борьбой бриттов сперва с римлянами, а позднее с англами и саксами.

Наряду со многими другими легендами, повествующими о жизни короля Артура, Мэлори собрал и пересказал предания об Эскалибуре — легендарном мече, которому молва порой приписывала волшебные свойства. В наши дни, наверное, не отыщется другого меча — реального

или легендарного, — который приобрел бы столь же широкую известность, как Эскалибур. Это знаменитое оружие тесно связано с мифами и легендами о короле Артуре, Камелоте и рыцарях Круглого Стола.

По мнению современных исследователей, Эскалибур вошел в цикл повестей о короле Артуре уже в очень ранние времена. Очевидно, что в столь же ранние времена родилась по крайней мере одна из двух наиболее популярных традиций, объясняющих происхождение меча. В своем сочинении Мэлори приводит обе эти традиции, не очень заботясь о соответствии между ними.

В первой части «Повести о короле Артуре», входящей в цикл повестей «Смерть Артура», рассказывается о том, как юный Артур извлек из камня таинственный меч, подтвердив тем самым свое королевское происхождение:

«В величайшей из церквей Лондона — был ли то собор Святого Павла, во французской книге (речь идет об одном из множества французских источников, которыми пользовался Мэлори. — *Авт.*) не говорится, — задолго до наступления дня все сословия королевства собрались на молитву. И когда отошла заутреня и ранняя обедня, вдруг узрели люди во дворе храма против главного алтаря большой камень о четырех углах, подобный мраморному надгробию, посредине на нем — будто стальная наковальня в фут вышиной, а под ней — чудный меч обнаженный и вкруг него золотые письмена: “Кто выгадит сей меч из-

под наковальни, тот и есть по праву рождения король над всей землей английской”.

Подивились люди и поведали о том архиепископу.

— Повелеваю вам, — сказал архиепископ, — оставаться всем во храме и молиться Богу; пусть ни один не коснется меча, покуда не будет завершена торжественная обедня.

Когда же окончилась служба, все лорды вышли подивиться на камень и на меч. И когда узрели они письма, попытались иные, кто хотел стать королем, но ни один не сдвинул, не шелохнул меча.

— Нет среди вас того, — молвил архиепископ, — кто добудет этот меч, но отриньте сомнения, Бог укажет его. Однако вот мой совет, — молвил архиепископ, — поставим здесь десять рыцарей, мужей доброй славы, и поручим им охранять сей меч.

Так и было сделано, и возвестили повсюду, чтобы всякий, кто пожелает, приходил и пытался выдернуть меч из-под наковальни. В день же Нового года устроили бароны турнир с поединками, дабы все рыцари, кто желал сразиться и явить свое искусство, могли на нем выступить. А задумано все это было затем, чтобы съехались все лорды и собрался простой люд, ибо архиепископ уповал на то, что Бог откроет, кому владеть мечом.

И вот в день Нового года, когда отслужили службу, бароны выехали на поле, иные — сразиться в поединке,

иные — погарцевать и явить свое искусство. Случилось так, что приехал на турнир и сэр Эктор, у которого были в окрестностях Лондона обширные владения, а с ним его сын сэр Кэй и юный Артур, приходившийся тому молочным братом. Перед тем незадолго, в день Всех Святых, сэр Кэй посвящен был в рыцари. Но, когда направлялись они на турнирное поле, хватился сэр Кэй своего меча — он оставил его в отчем доме, — и просил он юного Артура съездить за его мечом.

— Хорошо, я поеду с превеликой охотою, — молвил Артур и во весь опор поскакал за мечом.

Когда же прискакал он домой, оказалось, что госпожа со всей челядью отправилась смотреть турнир. Разгневался тогда Артур и сказал себе: “Поскачу на церковный двор и возьму меч, что застрял между камнем и наковальней, не допущу, чтобы брат мой сэр Кэй был без меча в такой день”.

Вот, прискакав на церковный двор, спешился Артур и привязал коня к ограде, потом пошел к сторожевому патру, но рыцарей там не было, ибо все отправились на турнир. Тогда, ухватив меч за рукоять, одним быстрым могучим рывком выдернул он его из камня, сел на коня, поскакал своей дорогой и, подъехав к брату своему, сэру Кэю, отдал ему меч.

Сэр Кэй только взглянул, тотчас узнал тот самый меч, что торчал в камне, и поскакал он к отцу своему сэру Эктору и сказал ему:

— Смотрите, сэр, вот меч, что торчал в том камне, и потому быть мне королем над этой страной.

Когда узрел сэр Эктор тот меч, повернулся он и поскакал к церкви, там спешились они все трое, вошли в храм, и он повелел сэру Кэю поклясться на книге и ответственность, как добыл он тот меч.

— Сэр, — отвечал сэр Кэй, — это брат мой Артур принес его мне.

— А как вы добыли сей меч? — спросил сэр Эктор Артура.

— Сэр, я поведаю вам. Когда я всрнулся домой за мечом моего брата, я не застал там никого, и некому было дать мне меч. И подумал я, что не быть же брату моему сэру Кэю без меча, и, поспешив сюда, выдернул сей меч из камня безо всякого труда.

— А не нашли вы тут рыцарей при мече? — спросил сэр Эктор.

— Нет, — отвечал Артур.

— Ну, — сказал тогда сэр Эктор Артуру, — вижу я, что быть вам королем над этой землей.

— Почему же именно мне? — удивился Артур. — Какая на то причина?

— Причина та, что так хочет Бог, — сказал сэр Эктор. — Ибо только тому человеку дано было вытащить сей меч, кто будет законным королем над этой страной.

А теперь посмотрим, сможете ли вы засунуть его обратно туда, где он был, и вытащить еще раз.

— Дело немудреное, — молвил Артур и снова засунул меч под наковальню. Попробовал вытянуть его сэр Эктор, но тщетно.

— Попробуйте и вы, — сказал он сэру Кэю. Потянул тот изо всей силы, но и ему не дано было преуспеть.

— Ну, а теперь тащите вы, — сказал сэр Эктор Артуру.

— Охотно, — отвечал Артур и вытащил меч с легкостью. Тут опустился сэр Эктор на колени, а с ним и сэр Кэй.

— Увы мне! — вскричал Артур. — Возлюбленный мой отец и милый брат, почему стоите вы на коленях предо мною?

— Нет-нет, господин мой Артур. Я никогда не был вам отцом, ни кровным родичем, но вижу, что вы еще выше родом, нежели я о вас думал.

И поведал ему сэр Эктор обо всем — как взял он его на воспитание и по чьей воле и как принял он его на руки от Мерлина.

Сильно опечалился Артур, когда узнал, что сэр Эктор ему не отец.

— Сэр, — молвил сэр Эктор Артуру, — соизвольте ли вы быть мне добрым и милостивым господином, когда станете королем?

— А иначе позор был бы мне, — отвечал Артур, — ибо вы — человек, которому я больше всего на свете обязан, вам и моей прекрасной госпоже и матери, вашей жене, что вскормила и вырастила меня, как родного сына. И если будет на то Божия воля, чтобы стать мне королем, как вы говорите, тогда скажите лишь, чего пожелаете вы от меня, и все вам будет. Не допустит Бог, чтобы не исполнил я вашего желания.

— Сэр, — сказал сэр Эктор, — лишь об одном прошу у вас: сделайте сына моего, вашего молочного брата сэра Кэя, сеншалем всех ваших владений.

— Быть по сему, — отвечал Артур. — И более того, жизнью своей клянусь, что иному никому не достанется эта должность, покуда мы оба живы.

Тут отправились они к архиепископу и повесдали ему, как извлечен был меч и кем. А в день Крещения Господня собрались туда все бароны, дабы еще раз попытаться, кто пожелает, вытащить меч, и перед лицом их всех одному лишь Артуру удалось его вытащить. Многие лорды тут разгневались и говорили, что позор превеликий им и всему королевству, если будет ими править худородный юнец. И такая тут разгорелась распря, что решено было отложить дело до Сретения Господня, а тогда всем баронам съехаться снова, до той же поры отрядили десять рыцарей дено и ночью сторожить меч, разбили шатер над камнем и мечом и по пятеро стояли стражей.

На Сретение Господне съехалось туда великое множество баронов, и каждый пытался вытащить меч, но ни один не преуспел. Артур же и на Сретение, как и на Рождество, извлек тот меч с легкостью, отчего бароны еще пуще разгневались и отложили все дело до великого праздника Пасхи. Но, как преуспел Артур доселе, так было и на Пасху. Однако иные среди могучих лордов негодовали, что королем быть Артуру, и снова отложили решение до праздника Пятидесятницы. Тогда архиепископ Кентерберийский по наущению Мерлина повелел собрать лучших рыцарей, каких только можно было, и тех рыцарей, кого больше всех любил Утер Пендрагон и кому он больше всех в свои дни доверял. И приставлены были к Артуру такие рыцари, как сэр Бодуин Бретонский, сэр Кэй, сэр Ульфиус, сэр Брастиас, — и все они, а с ними и многие иные день и ночь пребывали при Артуре до самого праздника Пятидесятницы.

На праздник Пятидесятницы многие мужи разных сословий изъявили охоту вытащить тот меч, но ни один не сумел кроме Артура, он же снова извлек его на глазах у лордов и народа. И тогда весь народ закричал единогласно:

— Желасм Артура себе в короли! Не допустим, чтобы и дальше медлили с решением, ибо все видят: на то Божия воля, чтобы быть ему нашим королем. А кто против, убьем того.

Тут пали все на колени, и богатые, и неимущие, и возопили: “Смилуйся, Артур, прости, что не признавали тебя так долго!” Артур простил их и, взявши меч обеими руками, склонил его пред алтарем, где стоял архиепископ. Так был он возведен в рыцари достойнейшим из бывших там мужей. Вслед за тем была устроена коронация, и там поклялся он своим лордам и общинам быть им настоящим королем и стоять за истинную справедливость отныне и до конца дней своих».

О том, как назывался меч, извлеченный Артуром из камня, Мэлори на этих страницах умалчивает, но ниже (в главе VII) прямо называет его Эскалибуром:

«Повернулся сэр Артур вместе с рыцарями своими и разил всех кругом, и все время был сэр Артур первым в самой гуще битвы, покуда не убили под ним коня. Тут размахнулся король Лот и поверг наземь короля Артура. Но четыре рыцаря подхватили его и посадили на другого коня. И тогда вытащил он свой меч Эскалибур, и заблистал он в глазах врагов его ярче тридцати факелов. И обратились они в бегство, и многие были перебиты».

В дальнейшем извлеченный из камня меч сломался в одном из поединков: «...меч короля Артура переломился пополам, и сильно опечалился король». Тогда-то, как повествует Мэлори, при содействии своего друга и помощника волшебника Мерлина Артур и получил из рук Владычицы Озера «настоящий» меч Эскалибур:

«В пути говорит король Артур:

— У меня нет меча.

— Не беда, — отвечал Мерлин, — тут поблизости есть меч, и, если я захочу, он достанется вам.

Едут они дальше и видят озеро, широкое и чистое. А посреди озера, видит Артур, торчит из воды рука в рукаве богатого белого шелка, и сжимает она в длани своей добрый меч.

— Смотрите, — сказал Мерлин, — вон меч, о котором говорил я вам.

Тут видят они вдруг деву, по водам к ним идущую.

— Кто эта дева? — спросил Артур.

— Это Владычица Озера, — отвечал Мерлин. — Есть на озере большая скала, а на скале той стоит прекраснейший из замков, богато убранный. Сейчас дева эта приблизится к вам, и вам надлежит говорить с нею лобезно, дабы она отдала вам тот меч.

Вот приблизилась дева к Артуру и приветствовала его, а он ее.

— О дева, — сказал Артур, — что это за меч держит вон та рука над водой? Хотелось бы мне, чтобы был он мой, ибо у меня нет меча.

— Сэр Артур, — отвечала девица, — меч этот мой, и, если вы отдадите мне в дар то, что я у вас попрошу, вы его получите.

— Клянусь, — сказал Артур, — что подарю вам, что бы вы ни попросили.

— Хорошо, — согласилась дева, — войдите вон в ту барку и подгребите к мечу, и можете взять его себе вместе с ножнами. А я попрошу у вас обещанный дар, когда придет срок.

Спешились король Артур с Мерлином и привязали коней к дереву; и вошли они в барку. А когда поравнялись они с мечом, что держала рука, вынул Артур из руки рукоять меча и взял его себе. А рука скрылась под водой. Пристал Артур к берегу, и поехали они дальше.

<...>

Стал разглядывать король Артур меч свой, и очень он ему пришелся по вкусу. А Мерлин спросил его:

— Что больше вам нравится, меч или ножны?

— Меч мне больше нравится, — отвечал Артур.

— Не угадали, — говорит Мерлин, — ибо ножны эти стоят десяти таких мечей; покуда будут они у вас на боку, вы не потеряете ни капли крови, как бы жестоко ни были вы изранены. Потому храните ножны и держите их всегда при себе».

По словам самой Владычицы Озера, название меча означает «Руби сталь». Однако волшебная сила меча заключалась не в нем самом, а в ножнах: как объяснил Артуру Мерлин, пока эти ножны будут при короле, он не

потеряет ни одной капли крови, сколько бы ран ему ни нанесли. Ряд версий легенды сообщает, что клинок Эскалибура был с обеих сторон покрыт выгравированными на нем надписями, а в первом бою Артура, когда меч был впервые обнажен, его клинок вспыхнул светом тридцати факелов, ослепив противников короля...

Несдолго до своей смерти Мерлин вновь предостерег Артура, строго наказав ему «беречь меч Эскалибур с ножнами, ибо будут у него меч и ножны похищены женщиной, которой он более всех доверяет». Но Артур не слишком серьезно отнесся к словам волшебника. Безгранично (и, как и предвидел Мерлин, напрасно) доверяя своей сестре, фее Моргане, он отдал ножны ей. Моргане же тайно замыслила гибель Артура. Она приказала изготовить другие ножны для Эскалибура, совершенно подобные настоящим, а подлинные ножны отдала своему возлюбленному — рыцарю по имени Акколон Гальский, сопернику Артура:

«И тут вдруг как раз является к нему карлик с широким ртом и плоским носом, поклонился сэру Акколону и говорит, что прибыл он от феи Моргане: “И она шлет вам привет и велит собраться с мужеством, ибо завтра предстоит вам сразиться с одним рыцарем в рассветный час. А потому шлет она вам Эскалибур, меч Артура, вместе с ножнами, и закликает вас вашей любовью, чтобы вы бились до последнего и не давали пощады, ведь об этом условились

вы, когда говорили с ней в последний раз наедине. А ту девицу, что принесет ей голову короля, с которым у вас будет бой, она сделает королевой”.

— Я понял вас, — отвечал Акколон. — И выполню, о чем условился с нею, раз у меня теперь есть этот меч.

Артуру же Моргана отослала поддельные ножны и меч:

«...когда Артур уже сидел на коне, прибыла туда девица, посланная от феи Морганы, и подала сэру Артуру меч, во всем подобный видом Эскалибуру, а также и ножны и сказала Артуру:

— Она шлет вам меч ваш с любовью.

Он поблагодарил ее, думая, что так оно и есть, но она была обманщица, ибо и меч, и ножны были подмененные, хрупкие, обманные».

Вступив в поединок с Акколоном, Артур сразу получил множество жестоких ударов. Истекая кровью, он заподозрил предательство:

«Акколон как ни ударит, так ранит Артура жестоко, удивиться можно было, что тот все еще на ногах; и кровь его бежала струею. Увидел Артур, как густо залита кровью земля, и тяжело стало у него на душе. И тогда заподозрил он предательство, что меч у него подмененный, ибо он не рубил сталь, как бывало раньше. И сильно устранился он, что быть ему убитым, ибо ему показалось, что Эскалибур в руках у Акколлона, ведь он всяким ударом поражал Артура до крови.

— Ну, рыцарь, — молвил Акколон Артуру, — берегись!

Артур же ничего не сказал в ответ, но нанес ему такой сокрушительный удар по шлему, что тот склонился чуть не до земли и едва не упал. Тогда сэр Акколон отступил на шаг, занес над головою меч Эскалибур и обрушил на сэра Артура могучий удар, так что и он едва устоял на ногах. Тут они разъярились сверх меры и наносили один другому жестокие удары. Однако сэр Артур так истек кровью, что удивиться можно было, как он еще держится на ногах, но настолько он был преисполнен рыцарским мужеством, что по-рыцарски выдерживал всю боль. Сэр же Акколон не потерял крови ни капли и потому становился все веселее и бодрее, тогда как сэр Артур совсем ослаб и думал, что уже пришла его смерть, но не показывал вида, словно все ему нипочем, и наседал на Акколона из последних сил. Акколон же так осмелел из-за того, что в руках у него Эскалибур, и рубился с превеликой доблестью. Но все, кто смотрел тот поединок, говорили, что никогда не видели, чтобы рыцарь сражался лучше, нежели Артур, ведь он так сильно истек кровью; и все, кто там был, сожалели, что эти два брата-рыцаря не помирятся между собою.

А они все бились друг с другом свирепо и яростно, пока наконец не отступил чуть-чуть король Артур, чтобы перевести дух, а сэр Акколон стал звать его на бой, говоря: "Не время мне теперь дожидаться, покуда ты отдохнешь!"

И с теми словами набросился свирепо на Артура. Но Артур разъярился, что столь много потерял крови, и, высоко замахнувшись, ударил Акколону по племю так сильно, что едва не сшиб его с ног; и при этом меч Артуров сломился у рукояти и упал в траву окровавленную, лишь верная рукоять с перекладиной остались у него в руке. Как увидел это король Артур, понял он, что грозит ему смертельная опасность; но он лишь выше поднял свой щит и не отступил ни на шаг и не пал духом...

Тут начал Акколон вероломные речи, говоря:

— Рыцарь, ты побежден и дальше биться не можешь; к тому же ты безоружен и весь истек кровью. Мне совсем не по сердцу убивать тебя. И потому — сдавайся.

— Нет, — отвечал сэр Артур, — я не могу сдаться, ибо я поклялся душою вести этот бой до последнего дыхания моей жизни, и потому я предпочту умереть с честью, чем жить в позоре. И если б даже мог я сотню раз умереть, я и тогда предпочел бы эту сотню смертей, чем сдаваться тебе. Ибо хоть я и лишился оружия, но честь моя при мне, а что до тебя, то, если убьешь меня, безоружного, будет тебе великий позор.

— Ну что ж, — сказал Акколон, — что до позора, то он меня не остановит. А теперь берсись, ты уже все равно что мертв!

И с теми словами нанес Акколон ему такой удар, что едва не сшиб его с ног».

На помощь Артуру пришла наблюдавшая за поединком девица-колдунья — посланница Владычицы Озера. При помощи своих чар она заставила подлинный Эскалибур выпасть из руки Акколопа:

«Артур сразу прыгнул к нему с резвостью, схватил и тут же почувствовал, что в руке у него — его меч Эскалибур.

— А! — промолвил Артур. — Ты так долго был не со мной и так много вреда мне тем причинил!

И видит он на боку у Акколопа ножны. Подскочил он вдруг к нему, сорвал ножны у него с пояса и забросил так далеко, как только мог.

— А, сэр рыцарь, — молвил тут король Артур, — нынче причинил ты мне великий урон этим мечом. Но теперь пришла твоя смерть, ибо обещаю тебе, прежде чем мы расстанемся, столь же щедро вознаградить этим мечом тебя, как ты наградил меня, ибо много страданий принял я из-за тебя и совсем истек кровью.

И с тем ринулся на него сэр Артур со всей мощью и повалил его наземь, а тогда сорвал с него шлем и так ударил его плащом мечом по голове, что кровь побежала у него из ушей, носа и рта.

— А теперь я тебя убью! — сказал Артур».

Смертельно раненный Акколон рассказал Артуру о предательстве Морганы. Однако та продолжала строить козни против короля. Узнав, что Акколон убит и что Ар-

тур вновь завладел своим мечом, Моргана отправилась в монастырь, где король остановился на ночлег, с намерением похитить Эскалибур и ножны:

«И направилась прямо туда, где он спал, и никто не смел ослушаться ее повеления. Вот видит она: Артур спит на своем ложе, а в правой руке у него Эскалибур обнаженный. Как увидела она это, то поняла в сокрушении, что не сможет взять меч, не разбудив Артура а тогда уж она погибла. И потому взяла она только ножны и усакала своей дорогою. Когда проснулся король и хватился ножен, то стал во гневе спрашивать, кто побывал здесь, и ему отвечали, что сестра его, королева фея Моргана, побывала у его ложа, спрятала ножны у себя под плащом и усакала».

Артур и его рыцари бросились в погоню. Моргана, видя, что ее настигают, подъехала к озеру, расположенному поблизости, и со словами: «Что бы ни случилось со мной, эти ножны мой брат не получит!» — закинула ножны в самое глубокое место озера. И «пошли они на дно, ибо были тяжелыми от золота и драгоценных камней»; таким образом, ножны оказались утрачены навсегда и Эскалибур лишился значительной части своей волшебной силы. Тем не менес Артур с Эскалибуром в руках двинулся против армии римского императора Луция и сумел поразить своим легендарным мечом великана Галапаса.

Израненный в битве Артур, умирая, приказал своему рыцарю сэру Бедиверу бросить Эскалибур в озеро.

«И отправился сэр Бедивер на берег. А по пути рассмотрел он благородный меч, увидел, что рукоять с перекладиной вся усажена драгоценными камнями. И тогда сказал он себе: “Если я заброшу этот богатый меч в воду, от того никакого не будет добра, но лишь урон и ущерб”. И потому Бедивер спрятал Эскалибур под корнями дерева, а сам поспешил воротиться к королю и сказал, что будто бы дошел до берега и зашвырнул меч в воду.

— Что же ты там видел? — спросил король.

— Сэр, — он отвечал, — я не видел ничего, но лишь волны и ветер.

— Неправду ты говоришь, — сказал король. — А потому отправляйся туда поскорее снова и выполни мое повеление. Как мил ты мне и дорог, прошу тебя, не жалея, забрось его в воду.

И пошел сэр Бедивер назад, и выпули меч, и взял его в руку, и снова подумалось ему, что грех и позор бросать такой добрый меч. И тогда он опять спрятал его и воротился назад, и опять сказал королю, будто бы был у моря и исполнил его повеление.

— Что же ты там видел? — спросил король.

— Сэр, — он отвечал, — я не видел ничего, но лишь колыханье волн и плеск прибоя.

— А, обманщик и предатель своего короля! — воскликнул король Артур. — Дважды ты меня предал. Кто бы подумал, что ты, кто мне так мил и дорог, кто прославлен как столь доблестный рыцарь, предашь меня ради драгоценностей этого меча! Смотри же, отправляйся снова, да поспеши, промедление твое грозит мне гибелью, ибо холод охватил мое тело. И если ты и на этот раз не сделаешь, как я тебе сказал, я убью тебя моими руками, как только увижу, ибо ты ради моего драгоценного меча обрекаешь меня на смерть.

И снова ушел сэр Бедивер, пришел туда, где лежал меч, вытащил его поспешно и принес на берег. И там намотал он перевязь на рукоять и зашвырнул меч в воду как только смог далеко. В тот же миг поднялась из волн рука, поймала меч, сжала пальцами, трижды им потрясла и взмахнула и исчезла вместе с мечом под водою».

После этого умирающего Артура забрала таинственная лодка, в которой находились королева и много прекрасных дам, головы которых покрыты были черными капюшонами. Провожаемая взглядом сэра Бедивера лодка унесла тело героя на Авалон — легендарный остров блаженных, расположенный в Западном океане. Именно на этом острове, как утверждает предание, и был выкован легендарный меч Эскалибур...

Сколько все-таки было мечей?

Как уже было сказано, сочинение Мэлори стало сводом различных легенд о короле Артуре, поэтому нет ничего удивительного в том, что отдельные фрагменты его повествования вступают в противоречие друг с другом или даже дают совершенно взаимоисключающие версии происходящего. Кроме того, «за бортом» романа Мэлори осталось множество других редакций легенды, включая ряд наиболее ранних. Если же собрать все предания о короле Артуре воедино, то история меча под названием Эскалибур будет выглядеть еще более запутанно...

Наверное, тут надо задержаться и напомнить о том, как складывалась и развивалась легенда о короле Артуре и его необыкновенном мече. Считается, что родилась эта легенда в эпоху борьбы бриттов с пиктами и германцами (V—VII вв.) Как пишет Мак-Кенди в книге «Кельтская Шотландия» «На историческую сцену в это мрачное время выходят туманные фигуры: Кунедд (или Кеннет), сын Коэля Хена, правитель области, приблизительно соответствующей современному Эрширу; Оуэн ап Максим, сын Максима Великого; Эмрис Вледиг — Аврелий Амбросиан; Утер; и Артур, образ которого впоследствии перешел в легенду, к созданию которой приложила свою руку вся Западная Европа». Возможно, что в основу рассказов о короле Артуре легли также более ранние кельтские предания, повествующие о разных эпохах заселения Британ-

ских островов и образовавшие в итоге причудливый сплав мифов и легенд.

В самых ранних преданиях о короле Артуре его легендарный меч носит название Каледфолх (Каладфолх) — валлийский термин, в свою очередь, происходящий от ирландского «Каладболг» — «Твердая Молния». «История бриттов» («История королей Британии») Гальфрида Монмутского, написанная на рубеже 1130—1140 годов, — первый неваллийский источник, упоминающий о мече. Гальфрид Монмутский (руководствовавшийся при создании своего труда, в частности, созданной в IX веке «Историей бриттов» Ненния), сообщает, что меч короля Артура был откован в Авалоне. Что же касается его названия, которое у Гальфрида Монмутского звучит как «Калибурн», то оно, как установили специалисты, представляет собой латинизированное валлийское «Каледфолх». Большинство кельтологов сегодня склонно полагать, что название «Калибурн» почерпнуто Гальфридом из некоего староваллийского текста, ныне утраченного, в котором название меча фигурировало в форме «Каледболх»; в этой форме архаичное «болх» (bwlch) еще не трансформировалось в «фолх» (fwlch). Когда же легенда о короле Артуре перешагнула границы Англии и вступила в старофранцузскую литературу, название «Калибурн» приобрело офранцузенную форму — «Эскалибур» или «Экскалибур» (в средневековых европейских источни-

ках встречается невероятное разнообразие этого термина — Escaliborc, Escalibor, Excalibor, Calabrun, Calabrum, Calibourne, Callibourc, Calliborc, Calibourch и т.д.).

Менялось имя, менялась и история меча. В нескольких ранних французских сочинениях (например, «Персевале» Кретьена де Труа) Эскалибур принадлежит сэру Гавейну — племяннику короля Артура, одному из рыцарей Круглого стола. В более поздних версиях легенды Эскалибур принадлежит исключительно королю. В романе «Мерлин» Робера де Борона (ок. 1200 г.) появляется история молодого короля Артура, вытягивающего Эскалибур из камня и таким образом доказывающего, что он является истинным королем Британии, законным наследником короля Утера Пендрагона. В позднейших сочинениях Артур получает меч от Владычицы Озера или от загадочной руки, выступившей из озера (в некоторых редакциях легенды эта рука забирает меч у смертельно раненного Артура). Томас Мэлори приводит обе версии происхождения меча, в результате чего, с одной стороны, появляется ощущение, что речь идет о двух разных мечах, но, с другой стороны, дело еще более запутывается, поскольку тот же Мэлори именует меч, выпутый из камня, Эскалибуром (об этом см. выше). Надо заметить, что средневековые авторы так и не пришли к мнению о том, являются ли «меч из камня» и «меч из озера» одним и тем же оружием; в большинстве версий легенды это все-таки разные мечи.

Очевидно, что уже к XIII столетию Эскалибур представлял собой вещь абсолютно легендарную — по крайней мере для континентальной Европы. Корни происхождения меча можно было отыскать только на Британских островах, однако и эта загадка, как выясняется, более чем запутанна...

Загадка происхождения: реликвия древних кельтов?

Поскольку легенды о короле Артуре имеют кельтское происхождение, то логично попытаться разрешить загадку происхождения Эскалибура, обратившись к истории кельтских народов, населявших Британские острова. В валлийской традиции меч короля Артура, как упоминалось выше, носит название «Каледфолх» (Каладфолх) или «Каледболх». В «Житии Святого Ке» (Bewpans Ke), сочинении рубежа XV—XVI веков, написанном на корнуэльском языке (более близком к бретонскому языку, чем к валлийскому), название меча звучит как «Калесфол» (Calsvol), что этимологически точно соответствует валлийскому «Каледфолх». Неясно, было это название заимствовано у валлийцев или оно восходит к очень раннему, общему для всех бриттских племен названию меча короля Артура.

Меч Каледфолх фигурирует в нескольких ранних валлийских текстах, включая поэму «Сокровища Аннуна»

(Preiddeu Annwfn, предполагаемое время создания — VI—VIII вв.). Кроме того, упоминание о мече короля Артура не раз можно встретить на страницах «Мабиногиона» — популярного сборника валлийских легенд, составленного в XI—XII вв. В этих легендах в сильно мифологизированном виде отразились события ранней истории Британии. В повести «Килох и Олвен», входящей в «Мабиногион» и написанной около 1100 г., меч Каледфолх упоминается в числе самых ценных предметов, принадлежавших Артуру:

«Тогда Артур сказал: “Раз уж ты хочешь этого, я принимаю твой дар до тех пор, пока дует ветер, пока льют дожди, пока светит солнце, пока море не вышло из берегов, пока земля тверда под ногами. Свидетелями тому — моя корона, и моя мантия, и мой меч Каледфолх, и мое копье Ронгомиант, и мой щит Винебгортухир, и мой кинжал Карнуэнхан, и моя супруга Гвенвифар”».

Один из рыцарей Артура, Лленлсаут Ирландец, воспользовался мечом Каледфолх для того, чтобы убить Диурнаха, наместника ирландского короля:

«Артур отправил послание Одгару, сыну Аэдда, королю Ирландии, прося у него котел Диурнаха, его наместника. Одгар попросил у Диурнаха его котел, но тот сказал: “Видит Бог, любой, узнавший пользу этого котла, отказался бы отдать его”. И посланцы Артура вернулись из Ирландии ни с чем. Тогда Артур сел на свой корабль «При-

двен» с малым числом спутников, и прибыл в Ирландию, и вошел в дом Диурнаха. И когда они поели и попили, Артур потребовал у него котел. Диурнах сказал: «Если я и отдам его кому-нибудь, то только по просьбе Одгара, короля Ирландии». Услышав отказ, Бедуир встал, и взял котел, и взвалил его на спину Хигвидда, слуги Артура, который был братом по матери Какимри, другого слуги Артура, и обязанностью его было носить котел Артура и чистить его. А Лленлеауг Ирландец схватил меч Калед-фолх, взмахнул им и убил Диурнаха и многих его людей. Воины Ирландии пытались завязать бой, но Артур и его спутники убили их всех и сели на корабль, унося с собой котел, полный ирландского золота».

Хотя и не названный по имени, меч короля Артура ярко описан в «Видении Ронабви», одной из повестей, также входящих в «Мабиногион»:

«— Иддаут, — спросил Ронабви, — от кого это бежит войско?

— Император Артур никогда не бежит, и поистине ты не должен так говорить. Муж, которого ты видишь, — Кэй, самый доблестный из рыцарей Артура, и те, кто в середине войска, спешат увидеть его великолепие, а те, кто на краю, разбегаются, чтобы их не растоптал его конь.

Тут они слышали, как зовут Кадора, графа Корнуолла. И он вышел с мечом Артура в руке, на котором были изображены две золотые змеи. Из рта у них, когда меч вы-

нимали из пожен, вырывались языки пламени, и нелегко было смотреть на них из-за их пугающего обличья.

Тут порядок восстановился, и граф вновь вошел в шатер.

— Иддаут, — спросил Ронабви, — кто тот, что нес меч Артура?

— Это Кадор, граф Корнуолла, который подносит оружие Артуру перед сражениями».

Большинство специалистов склонно связывать валлийское название меча Каледфолх с ирландским «Каладболг» (справедливости ради надо сказать, что некоторые исследователи считали происхождение валлийского «Каледфолх» от ирландского «Каладболг» маловероятным; возможно, оба названия появились еще в очень давние времена, а позднее меч Каледфолх стал связываться в бриттской традиции исключительно с личностью Артура). Меч Каладболг (иногда он выступает еще под названием «Каладхолг» — «Твердое лезвие») принадлежал знаменитому Фергусу мак Ройгу, герою ульстерского (уладского) цикла ирландской мифологии; молва также связывала его с именами некоторых других великих героев Ирландии. Саги описывают этот меч как двуручный; он светился в воздухе, подобно радуге, и обладал такой силой, что им можно было срезать вершины холмов. Меч Каладболг фигурирует в классической ирландской повести X столетия «Разрушение Трои» (Togail Troi) и в тексте знаменитой

саги уладского цикла «Похищение быка из Куальнге», часть которой, по мнению специалистов, была создана в VII веке, а некоторые фрагменты — возможно, даже раньше.

Сюжетным фоном саги является война двух ирландских королевств: Ульстера и Коннахта. Фергус мак Ройг, сводный брат ульстерского короля Конхобара, вынужденный бежать из своего королевства, выступает в этой войне на стороне короля Айлиля и королевы Медб — правителей Коннахта. Первоначально Айлиль, обнаруживший связь Фергуса со своей женой Медб, приказывает отобрать Каллаболг у героя, однако вынужден вернуть оружие перед лицом военной угрозы со стороны уладов:

«И тогда сказала Медб Фергусу:

— Пришло тебе время помочь нам, себя не щадя, ибо прогнали тебя из родных краев и земель, а у нас ты нашел и владения, и кров, и немало заботы в придачу.

— Был бы со мною мой меч, — отвечал ей Фергус, — высоко взгромоздил бы тела на тела, руки на руки, макушки голов на макушки голов, головы на кромки щитов; столько рук и ног уладов раскидал бы я на восток и на запад, сколько градин меж двух сухих полей, вдоль которых скачут королевские кони, если б только при мне был мой меч.

И сказал тогда Айлиль своему вознице Фер Лога:

— Принеси же скорее мой меч, что разит челоуэчьи тела, о возница! Слово мое порукой, что, если ныне ты бу-

дешь владеть и сражаться не хуже, чем в день, когда взял ты его у меня на склоне Круахнайб Ай, все воины Ирландии и Шотландии не уберегут тебя от моей кары.

Тут вышел вперед Фер Лога, неся драгоценный меч, сияющий, словно факел, и передал его Айлилю, а тот вложил в руки Фергуса. Приветствовал его Фергус и молвил:

— В добрый час, о Каладболг, меч Лейте! Истомились герои богами войны. Против кого обратить этот меч?

— Против врагов, что подступают к тебе отовсюду, — сказала Медб, — пусть никто, кроме верного друга, не знает сегодня пощады и милости.

Взял тогда Фергус свое оружие и двинулся в бой. Взялся Айлиль за оружие. Взялась Медб за оружие и двинулась в бой. Трижды они побеждали у северного края сражения, пока лес мечей и копий не заставил их вновь отступить...

Отправился тогда Конхобар на север, где трижды клонилась победа к ирландцам, и поднял свой щит против щита Фергуса, сына Ройга. Щит же его, Окайн Конхобуйр, был с четырьмя золотыми углами и покрыт четырьмя слоями красного золота. Три могучих, геройских удара обрушил Фергус на Окайн Конхобуйр, и застонал тогда щит короля. Когда же стонал он, ему отвечали щиты всех уладов.

Но, как ни сильны и могучи были удары Фергуса, еще вернее и крепче удерживал щит Конхобар, так что угол щита не коснулся и уха.

— О воины, — молвил Фергус, — кто против меня поднимает свой щит в день битвы Похищения у Гайрех и Илгайрех, где сошлись войска четырех великих королевств Ирландии?

— За этим щитом стоит воин моложе тебя и сильнее, — отвечали ему, — чья мать и отец благородней твоих, тот, кто изгнал тебя из родных краев, земель и владений, тот, кто принудил тебя жить среди зайцев, лисиц и оленей, тот, кто не дал тебе клочка земли длиной и в шаг в твоих краях и владениях, тот, кто запятнал тебя убийством трех сыновей Уснеха, которым давал ты защиту, кто сокрушит тебя ныне перед лицом всех ирландцев, Конхобар, сын Фахтна Фатаха, сына Роса Руайд, сына Рудрайге.

— Воистину это и выпало мне! — воскликнул Фергус, и, обхватив обеими руками рукоять Каладболга, замахнулся так, что острие прикоснулось к земле за спиною, желая обрушить три могучих геройских удара на уладов, чтобы осталось среди них меньше живых, чем убитых.

Вышел Конхобар сразиться с Фергусом. Вот был каков меч Фергуса, меч Лейте из сидов — словно радуга, светился он в воздухе, когда заносили его для удара. Фергус, между тем, приподнял свою руку и снес верхушки трех холмов, что и до сей поры стоят, напоминая об этом, на болотистой равнине. Зовутся они три Масла Миде.

Когда же услышал Кухулин удары Фергуса по Окайн Конхобуйр, то молвил:

— Скажи, друг мой Лаэг, кто посмел нанести удары по Окайну господина моего Конхобара, пока я жив?

— Это могучий меч, огромный, словно радуга, проливает кровь, возбудитель сражения. Это герой Фергус, сын Ройга. Меч колесничный сокрыт был у сидов».

Сойдясь в поединке с Конхобаром, Фергус поверг его на изукрашенный золотом щит, но Кормак, сын короля, стал просить за жизнь отца. Тогда Фергус прекратил избиение уладов. Позже мстительный Айлиль убил Фергуса, купавшегося в озере вместе с Медб, но и сам в итоге был убит. Могилу Фергуса с тех пор не мог найти никто: считалось, что она была скрыта чарами. Неясной осталась и судьба меча. Открытым остается вопрос: является ли Каледфолх валлийских преданий о короле Артуре и Каладболг Фергуса одним и тем же мечом, и если да, то каким образом следует выстраивать его историю? Если считать, что валлийский эпос о короле Артуре начал формироваться в V—VI веках, а «Похищение быка из Куальнге» действительно было создано в VII веке, то тогда логично предположить, что ирландскому герою неисповедимыми путями достался Каледфолх, меч легендарного Артура, в ирландской транскрипции получивший название «Каладболг», которое много столетий спустя превратилось в латинизированное «Калибурн», а потом — в офранцузенное «Эскалибур». Но если однажды будет доказано, что предание о Фергусе и его волшебном мече относится к го-

раздо более ранним векам кельтской истории, вся картина повернется на 180° и станет гораздо более запутанной...

Загадка происхождения: реликвия греко-римской античности?

Средневековые хронисты, писавшие о ранней истории Британских островов, неизменно пытались соединить события этой истории с событиями истории римской. В их среде особенно была популярна «Энеида» Вергилия. Почерпнутые из нее факты эти хронисты упорно пытались соединить с фактами ранней истории Британии, в результате чего на свет появилось несколько увлекательных литературных произведений, которые, однако, с большим трудом можно назвать историческими, — настолько переплелись в них вымысел и правда. Именно в этой причудливой среде греко-римско-кельтских мифов и легенд родилась другая версия происхождения Эскалибура...

Старинные предания донесли до нас упоминания о загадочном мече под зловещим названием «Желтая Смерть» (лат. — *Crocea Mors*). О нем упоминает в своей «Истории бриттов» Гальфрид Монмутский (ок. 1100—1154/55), средневековый английский автор, труды которого в большой мере повлияли на зарождение «классического» цикла легенд о короле Артуре. В валлийских версиях легенды этот меч носит название *Angau Coch* («Красная Смерть») или *Agheu Glas* («Серая Смерть»).

Предание рассказывает, что этот меч был изготовлен самим богом-кузнецом Вулканом (Гефестом). Свое название «Желтая Смерть» он получил оттого, что был щедро украшен желтой яшмой и золотом; угрожающее определение «смерть» означало, что этот меч беспощадно разил всех, на кого обрушивал удар его обладатель, и не было защиты от этого удара...

Богиня Венера поспешила одарить этим мечом своего сына, троянского принца Энея. Схватив упавший с неба меч, Эней ясно услышал донесшиеся до него слова: «Этим завоюешь». По версии «Энеиды» Вергилия, Вулкан по просьбе Венеры отковал только доспехи для Энея, а меч, украшенный желтой яшмой, у героя уже имелся: «Меч у него на боку был усыпан яшмою желтой» (Вергилий, «Энеида». Кн. 4, 260). Прибыв в Лациум и одолев всех своих противников, Эней вступил в брак с Лавинией, дочерью царя Латина, и в дальнейшем стал царем Лациума. Потомки Энея основали великий город Рим.

В годы Римской республики легендарный меч был утерян и найден только Юлием Цезарем в годы его юности. Молодой Цезарь воспринял эту находку как знак того, что боги избрали его с тем, чтобы он стал императором всей тогдашней ойкумены. Меч сопровождал его во всех военных походах, включая поход в Британию в 55 году до н.э.

Как сообщает Гальфрид Монмутский, в устье Темзы, у города Доробеллум, легионы Цезаря уже поджидало вой-

ско короля бриттов Кассибеллана. «Кассибеллан со всеми своими полчищами двинулся им навстречу и, подойдя к укреплению Доробелл, держит там с военачальниками и знатью королевства совет, как бы отбросить с побережья врагов... Все они, стремясь поднять в остальных боевой дух, настойчиво убеждали Кассибеллана напасть немедленно на лагерь Цезаря и выбить его оттуда, пока он не успел захватить какой-нибудь город или укрепление. Ибо если он завладеет крепостями их королевства, говорили они, изгнать его окажется делом куда более трудным; ведь у него будет тогда где отсиживаться со своими воинами. И так как все согласились с этим, бритты устремляются к тому берегу Темзы, на котором Цезарь разбил свой лагерь и поставил палатки. Там, как только противники построились в боевой порядок, бритты вступили в рукопашную схватку с римлянами, отвечая на дротики дротиками и на удары ударами...»

В горячке боя случилось так, что брат короля бриттов, принц Ненний Кентерберийский, шедший во главе своего отряда, натолкнулся на римскую когорту, при которой находился сам Юлий Цезарь. Началась яростная битва:

«И вот когда воины обеих сторон стремительно неслись друг на друга, случай толкнул Ненния и Андрогей, возглавлявших кантийцев и граждан города Тринованта (По мнению Гальфрида Монмутского, так римляне называли

Лондон. — *Авт.*), с римским отрядом, при котором находился неприятельский полководец. Когда они сошлись, когорта полководца была почти полностью рассеяна, а бритты сомкнутым строем продвигались вперед. И когда между ними и римлянами закипела жаркая сеча, случай свел Ненния с Юлием.

Бросаясь на него, Ненний безмерно радовался, что на его долю выпало счастье нанести хотя бы один удар такому знаменитому мужу. Заместив над своей головой меч Ненния, Цезарь, накрывшись щитом, отвел от себя удар и, обнажив свой меч, изо всей силы обрушил его на шлем Ненния. Подняв свой меч, он собрался повторить удар, дабы поразить насмерть бритта, но тот в предвидении этого заслонился щитом, в котором и застрял меч Юлия, соскользнувший с большой силой со шлема Ненния. И так как набежавшие отовсюду воины помешали противникам в сумятице общего боя продолжить единоборство, римскому полководцу так и не довелось извлечь свой меч из щита Ненния. А тот, завладев описанным образом мечом Цезаря, отбросил в сторону тот, которым был вооружен, и, вытащив из своего щита застрявший в нем меч, поспешил кинуться с ним на врагов.

На кого бы он с ним ни обрушивался, тому он либо отсек голову, либо наносил рану такого рода, что у него не оставалось ни малейшей надежды выжить. И вот ему, рас-
свирспевшему и неистовому, попадется под руку трибун

Лабием, которого он убивает в первом же столкновении. Наконец, по миновании большей части светлого времени, после стремительных бросков бриттов, отважно кидавшихся на пришельцев, победа по Божьему изволению досталась им, и Цезарь, потерпев поражение, укрылся со своими в лагере и на судах. Той же ночью, собрав всех своих, он полностью перешел с ними на корабли, радуясь, что отныне его лагерь — владения бога Нептуна. И так как его приближенные отсоветовали ему упорствовать и продолжать военные действия, он, поддавшись их увещаниям, возвратился в Галлию».

В стане бриттов царило ликование: грозный враг отступил! Как пишет далее Гальфрид Монмутский, «Кассиеллан созвал соучастников одержанной им победы и щедрой рукой, сообразно заслугам и доблести каждого, их одарил. Но вместе с тем его не покидали печаль и тревога, потому что жизнь его брата Ненния держалась на волоске. Поразил же его Юлий в описанной выше схватке, нанеся ему неисцелимую рану. На пятнадцатый день после битвы он был похищен неумолимою смертью и переселился из нашего мира в иной; погребли его в Тринованте у северных городских ворот. Устроители его по-королевски пышного погребения положили вместе с ним в каменный саркофаг меч Цезаря, который тот, сражаясь с Неннием, вонзил в его щит. Этот меч прозывался Желтою Смертью, ибо никто из пораженных им не выжил».

Около пятисот лет легендарный меч пролежал в могиле принца Ненния, однако память он нем не умирали никогда. В первой половине 400-х годов власть над Британией захватил Вортегирн, вождь племени гевиссеев. Он распорядился извлечь меч Юлия Цезаря из могилы Ненния и выставить его на всеобщее обозрение на центральной площади Лондона. Чтобы его не украли, меч было приказано вонзить в железную наковальню высотой 1 фут (позже известную как «наковальня Вулкана»), а сама наковальня вставлена в большой известняковый камень. Вортегирн рассчитывал, что этот трофей давней победы над римлянами поднимет народный дух, поскольку в это время над Британией, измученной набегами пиктов с севера, нависла новая грозная опасность — саксы.

Судя по всему, ожидаемого эффекта акт переноса меча не произвел. Горожане быстро утратили интерес к легендарному оружию, и вскоре меч остался интересен только для воров, которые время от времени пытались вытащить его из камня. Ни одному, однако, это сделать не удалось. Кто-то из неудачливых похитителей, как рассказывают, вырезал под рукояткой меча надпись: «[Трудно] освободить [железо] из известняка», что по-латыни звучит как *ex calce libera*. Из этой латинской фразы, как считается, и происходит название легендарного меча короля Артура — Эскалибур (Гальфрид Монмутский называет его Калибурн).

Между тем, пока полузабытый меч продолжал уныло торчать посреди лондонской площади, Британия погрузилась в анархию и гражданскую войну. Епископ Брайс горячо молился, прося Бога послать знамение, указывающее на окончание смуты. И тогда он неожиданно узрел стоящий посреди площади камень, из которого торчала рукоять меча. Голос, исходивший с небес, произнес: «Кто сумеет извлечь меч Цезаря из “наковальни Вулкана”, тот должен стать королем Британии, поскольку Бог всегда споспешествует тем, кого Он избрал». И с этого момента история меча Желтая Смерть полностью сливается с историей другого легендарного меча — Эскалибура...

Меч святого Гальгано

С XII столетия легенда о короле Артуре и рыцарях Круглого стола прочно входит в пространство общесвропейской культуры. Во Франции, в Германии, Италии создаются ее новые версии, украшенные новыми подробностями, которых никогда не знала кельтская традиция. Многие из этих подробностей авторы поэмы о короле Артуре черпали непосредственно из окружающей их действительности, поэтому неудивительно, что сегодня у древних легенд обнаруживаются самые неожиданные корни. Не стала исключением и легенда об Эскалибуре...

Вот уже без малого девятьсот лет гости старинного аббатства Сан-Гальгано, расположенного неподалеку от

итальянского города Сисна, с безмерным удивлением взирают на главную здешнюю достопримечательность: средневековый рыцарский меч, вонзенный глубоко, по самую рукоять, в... каменный утес!

Долгое время в среде досужих обывателей бытовало мнение, что этот меч — лишь поздняя фальшивка, предназначенная для привлечения туристов и паломников. Однако всесторонние металлографические исследования, проведенные осенью 2001 года в университете города Павия, показали, что меч датируется XII столетием!

«Перед нами стояла очень трудная задача, но в итоге мы можем с уверенностью говорить, что химический состав металла, стиль и методы изготовления соответствуют той эпохе, — заявил руководитель исследований Луиджи Гарлачелли. — Тем самым мы опровергли тех, кто утверждал, что этот меч — фальшивка недавнего происхождения».

Это заявление вызвало новую волну интереса к загадочному «мечу в камне». Что это за меч, каким образом восемь веков назад он смог пронзить скалу?

Старинная легенда связывает историю меча с рыцарем Гальгано Гвидотти (1148—1181), чей родовой замок располагался неподалеку от Сиены. Отличавшийся необузданным нравом, жестокостью и распущенностью, полный высокомерия и эгоизма, Гальгано являлся настоящим бичом здешних мест, и все окрестное население страдало

от его выходок. Но в 1180 году произошла удивительная встреча: Гальгано явился архангел Михаил и указал ему путь к спасению души. Для этого Гальгано должен был поселиться в пещере и поститься. Потрясенный рыцарь выполнил это указание. Однако его родственники, недовольные внезапным постничеством недавнего удальца, стали ежедневно приходить к пещере и всячески пытаться вернуть его к прежней жизни. Раздосадованный Гальгано сел на лошадь, решив отдаться на волю Божию, и лошадь принесла его на вершину крутого холма Монте-Сиепи. Внезапно громкий голос повелел ему остановиться; на вершине холма, только что пустынного, Гальгано увидел круглый храм, а на его ступенях — Иисуса Христа и Деву Марию, окруженных апостолами. Гальгано застыл, ошеломленный; между тем видение исчезло. Однако голос с небес продолжал звучать. Он повелел рыцарю отказаться от мирских удовольствий и стать отшельником. Гальгано робко возразил, что для него это столь же трудно, как вонзить меч в эту скалу. В доказательство своих слов он ударил мечом по скале, и... меч вошел в нее, как в масло. Лишь рукоять и несколько дюймов лезвия остались торчать снаружи...

Для Бога нет ничего невозможного. Поняв это, Гальгано остался жить отшельником на вершине Монте-Сиепи. Еще при жизни совершив несколько чудес, он умер год спустя и в 1185 году был канонизирован. Над его моги-

лой на вершине Монте-Сиепи было выстроено цистерцианское аббатство, а над скалой с торчащим из нее мечом поднялся круглый храм — точь-в-точь такой, какой предстал перед Сан-Гальгано в его видении...

Тайна меча Сан-Гальгано давно привлекала к себе внимание исследователей. Некоторые историки-медиевисты обнаруживают параллели в легенде о Сан-Гальгано и эпосе о короле Артуре. Известно, например, что королю Артуру, чтобы доказать свое королевское происхождение, пришлось выдернуть меч Эскалибур из камня. Но во всей Европе сегодня известен только один меч в камне — это меч Сан-Гальгано! Интересно и другое: легенды аббатства утверждают, что любой, кто пытался вытащить этот меч из камня, лишался рук, так что, если связать оба эти предания, перед королем Артуром и вправду стояла трудная задача...

В своей книге «Тайна Сан-Гальгано» итальянский исследователь Марио Моираги утверждает, что меч Сан-Гальгано в действительности является не чем иным, как знаменитым мечом легендарного короля Артура — Эскалибуром. Моираги уверен также, что легенда о короле Артуре имеет итальянское происхождение, хотя традиционно считается, что ее родина — север Европы или Франция.

Результаты анализов показали, что меч Сан-Гальгано датируется XII веком. Первые же свидетельства об

Эскалибуре (именно об Эскалибуре, а не о Калиберне, Каледфолхе, Каладболге и других его предшественниках) появляются лишь несколько десятков лет спустя. Самое раннее упоминание об Эскалибуре содержится в поэме «Персеваль» французского поэта Робера де Борона. По его версии, меч был воткнут в наковальню, стоявшую на вершине скалы. Широкое же распространение легенды о короле Артуре и его мече получили только в XIII столетии, когда история о мече Сан-Гальгано была известна уже повсюду в Европе.

Марио Моираги отмечает, что в легендах о Сан-Гальгано есть ряд примечательных совпадений с преданиями о сэре Персевале, который нашёл Святой Грааль. По мнению Моираги, это даёт основания полагать, что именно жизнь святого Гальгано, рыцаря-отшельника, навеяла легенды о короле Артуре, а сам Гальгано стал прообразом сэра Персеваля.

Но если личность короля Артура продолжает оставаться легендарной, то меч Сан-Гальгано вполне материален, и увидеть его сегодня, как и сотни лет назад, может любой желающий. Только не надо забывать старинные легенды и пытаться вытащить меч из скалы...

IX

МЕЧ КАРЛА ВЕЛИКОГО ИЛИ САБЛЯ АТТИЛЫ?

Легендарный император Карл Великий является одной из ключевых фигур европейской истории. Сын франкского короля Пипина Короткого, он родился в 742 году. В 768 году Карл вместе со своим братом Карломаном унаследовал отцовскую корону, а когда Карломан в 771 году скончался, Карл стал единственным правителем франков. Вскоре ему пришлось вступить в борьбу с лангобардами — врагами римского папы и язычниками-саксами. Его военные успехи заставили папу Адриана I в 774 году провозгласить Карла защитником Церкви. Следующие 10 лет его правления прошли в почти непрерывных битвах с саксами, ломбардцами и испанскими маврами. В войне с последними особую известность приобрела кампания 778 года, когда произошло легендарное сражение в Ронсевальском ущелье. В этом бою пал знаменитый паладин

Карла — граф Роланд, навеки вошедший в легенды. Это о нем была сложена знаменитая «Песнь о Роланде».

«Песнь о Роланде» донесла до нас название меча Карла Великого — Жуайез, что обычно переводится как «Радостный»:

Вот на лугу лег император спать.
Его копье большое — в головах.
В доспехах он остался до утра.
Броня на нем, блестящая и белая,
Сверкает золотой его шипяк,
Меч Жуайез свисает вдоль бедра —
Он за день цвет меняет тридцать раз.
Кто не слышал про острис коня,
Пронзившее распятого Христа?
Теперь тем острисом владеет Карл.
Его он вправил в рукоять меча.
В честь столь большой святыни свой булат
Он Жуайезом — «Радостным» — назвал.

И далее:

Карл первым стал изготавливаться к бою.
Шлем завязал, надел свой панцирь добрый
И бедра препоясал Жуайезом,
Мечом, блестящим, словно в полдень солнце.

На шею он повесил щит геронский,
Схватил копье, потряс его рукою,
Сел на копя лихого Тансандора,
Что добыл он у брода под Марсопой,
Где им убит был Мальпалеп Нарбоннский.
Он отпустил узду, припширил лошадь,
Мчит сквозь тридцатитысячное войско,
Взывает: «С нами бог и Петр-апостол!»

«Песнь о Роланде» повторяет распространенную в эпоху Средневековья легенду о том, что в рукоять меча Карла Великого было вделано легендарное копье сотника Лонгина. Семьсот лет спустя американский писатель Томас Булфинч (1796—1867) в своей книге «Легенды о Карле Великом, или Романсы Средневековья» (1863) изобразил, как Карл Великий казнит своим Жуайсзом сарацинского воина-начальника и этим же мечом посвящает своего соратника Ожье Датчанина в рыцари.

Легенды утверждают, что Жуайез являлся одним из легендарных четырех мечей власти. Рассказывают, что в одном из сражений Карл Великий потерял меч, но один из его рыцарей отыскал Жуайез. В благодарность Карл пожаловал этому рыцарю апанаж (удел), получивший название Жуайез в честь меча; современный французский город Жуайез в Провансе до сих пор сохраняет это название.

По одной из версий, в 814 году легендарный меч был предан земле вместе с телом скончавшегося Карла Великого, по другой, был передан в аббатство Сен-Дени и в дальнейшем вошел в число коронационных регалий французских монархов. До наших дней сохранились два меча, которые по традиции связываются с именем Карла Великого. Один ныне хранится в парижском Лувре, другой (это скорее не меч, а сабля) — в бывшей имперской сокровищнице, во дворце Хофбург в Вене.

Меч, находящийся сегодня в Лувре, принадлежит к числу самых известных мечей в мире. Традиционно в течение многих столетий он использовался во время коронации королей Франции и входил в число регалий французского королевского дома. Молва утверждала, что это и есть знаменитый Жуайез Карла Великого. Романтически настроенные любители исторических загадок даже полагают, что возраст этого меча намного старше, он мог быть изготовлен задолго до эпохи Карла Великого. Специалисты настроены более трезво, но и они затрудняются точно датировать овеянное легендами оружие.

Клинок у меча довольно тонкий и относительно широкий, его длина составляет 828 мм (общая длина меча — 980 мм), ширина в основании — 45 мм. Тяжелое золотое навершие эфеса сердцевидной формы имеет высоту 53 мм и сделано из двух половинок. Золотая рукоять 107-миллиметровой длины была украшена геральдиче-

скими лилиями, но при коронации Наполеона в 1804 году они были удалены. Золотая крестовина шириной 226 мм имеет форму двух крылатых драконов с лазуритовыми глазами; на ней сохранился латинский текст с указанием веса, читающийся следующим образом: *Deux marcs et demi et dix esterlins* («Две марки с половиной и десять стерлингов»). Общий вес меча составляет 1 кг 630 г.

Ножны для меча имеют длину 838 мм и ширину в устье 70 мм. Они покрыты фиолетовым бархатом и украшены геральдическими лилиями, вышитыми золотом (бархат и лилии были добавлены в 1824 году для коронации Карла X). Устье изготовлено из позолоченного серебра и усыпано драгоценными камнями.

Меч долгое время хранился в аббатстве Сен-Дени наряду с другими королевскими регалиями и Орифламом — боевым знаменем Французского королевства. Уже в Средние века бытовало убеждение, что это оружие принадлежало Карлу Великому. Большинство современных исследователей, отмечая прекрасное мастерство, с которым сделан меч, склонны полагать, что это все-таки не легендарный Жуайсез. Хранящийся в Лувре меч имеет гораздо более позднюю дату: XII—XIII века. Об этом свидетельствуют пропорции меча и ряд украшающих его декоративных элементов. В то же время меч не имеет никаких известных аналогий, а датировка его по стилевым признакам довольно спорна...

На сегодняшний день существуют две основные версии происхождения меча. Согласно первой, в основе его лежит все-таки Жуайез, легендарный меч Карла Великого. По мнению сторонников этой теории, об этом свидетельствует декор рукояти, не характерный для более поздних мечей; этот декор указывает на раннюю дату изготовления. Но клинок, скорее всего, следует считать более поздним: каролингские мечи были короткими и более широкими, напоминающими римский гладиус. Таким образом, меч составлен из разных частей, самые ранние из которых относятся приблизительно к 800 году, т.е. к эпохе Карла Великого. Некоторые специалисты видят даже сходство художественного оформления головки эфеса с декоративным стилем эпохи Сасанидов, и в этой связи было высказано мнение, что западноевропейский мастер (а меч, несомненно, изготовлен в Западной Европе) по неясным причинам пытался подражать этому стилю. Эта гипотеза отчасти помогает оценить возраст меча: период расцвета искусства Сасанидов — середина VII века, традиции этого искусства были живы еще около столетия; следовательно, меч вряд ли мог быть создан позже VIII века.

Приверженцы второй версии убеждены, что весь меч является поздним изделием. На это указывают общие пропорции меча, а не только клинка. Наиболее вероятный период его изготовления — не ранее 1150 года и не позднее начала XIII столетия. Декор меча близок по стилю основ-

ным течениям европейского искусства того времени. Возможно, этот меч в XIII веке заменил собой оригинальный Жуайез и был задуман как его более или менее точная копия — этим объясняются все архаические черты его облика. В последующие столетия меч, очевидно, несколько раз «подновлялся», и эти подновления окончательно запутали картину. Наиболее распространенная сегодня точка зрения такова: головку эфеса следует датировать X—XI веками, перекрестие — 2-й половиной XIII века, рукоять — XII века. В отношении клинка мнения расходятся: одни считают, что он все-таки средневековый, другие — что он относится к началу XIX века и появился после реставрации меча в 1804 году, проводившейся по случаю коронации Наполеона.

Самый первый факт использования этого меча в церемониальных целях зафиксирован в 1270 году, при коронации Филиппа Смелого. Церемония коронации обычно проводилась в Реймсском соборе, а королевские регалии привозили сюда из Сен-Дени, где они хранились все остальное время. Инвентарная опись, сделанная в 1505 году, упоминает коронационный меч Карла Великого наряду с тремя другими историческими мечами: это были меч Людовика IX (правил в 1226—1270 гг.), сопровождавший его в Первом крестовом походе, меч Карла VII (1422—1461) и меч Реймского архиепископа Турпина (ум. в 800 г.). Ни один из них не сохранился до наших дней; что же ка-

сается меча Карла Великого, то он уцелел лишь чудом и попал в хранилище Лувра 5 декабря 1793 года.

Если аутентичность французского меча продолжает вызывать споры, то сабля Карла Великого, хранящаяся в Вене, кажется, не вызывает никаких сомнений: это, конечно, не Жуайез, но оружие, бесспорно, принадлежавшее легендарному императору. До 1794 года сабля хранилась в Аахене, бывшей столице Карла Великого (правда, когда именно она попала туда — неизвестно, и вообще об истории этого оружия известно крайне мало). Полная длина сабли составляет 1060 мм, длина клинка, изготовленного из углеродистой стали, — 840 мм. Медная позолоченная рукоять украшена сложным растительным орнаментом. Деревянные ножны покрыты кожей и дополнены позолоченными медными устьем и длинным наконечником, покрытыми узорами, выдержанными в едином стиле с узором на рукояти. Исследователи, изучавшие саблю, обнаружили следы ремонта, которому подвергалось оружие в XV столетии.

По мнению специалистов, сабля имеет, несомненно, восточноевропейское происхождение и ее следует датировать 2-й половиной IX столетия (некоторые эксперты приводят в своих работах несколько иную датировку — рубеж IX—X вв.). Каким образом это традиционное оружие конных воинов евразийских степей вошло в число имперских регалий — неизвестно, но богатое художе-

ственное оформление ясно указывает на то, что сабля была изготовлена для какого-то богатого и знатного человека. Наиболее вероятно, что она попала к Карлу Великому в результате его походов на авар в 795—796 годах в качестве боевого трофея; согласно другой версии, сабля представляет собой изделие венгерских оружейников.

Существует, однако, романтическая легенда о том, что эта сабля — не что иное, как меч легендарного вождя гуннов Аттилы. Предания, уходящие своими корнями в глубокую, еще скифскую древность, называют этот меч «божественным», «небесным»: тот, кто владеет им, непобедим и будет владеть всем миром. По преданию, он упал с неба. Однажды меч нашел безвестный мальчик-пастух. Увидев торчащую из земли рукоять, он попытался вытащить оружие, но тут меч неожиданно запылал и сам выпрыгнул из земли. Дождавшись, когда стальной клинок остынет, мальчик взял меч и отнес его вождю своего народа — Аттиле. Он был уверен, что только правитель достоин обладать таким необычным мечом.

В изложении римского историка Иордана, написавшего сочинение «О происхождении и деяниях гетов», эта история выглядит несколько иначе. Ссылаясь на другого римского историка, Приска, Иордан сообщает:

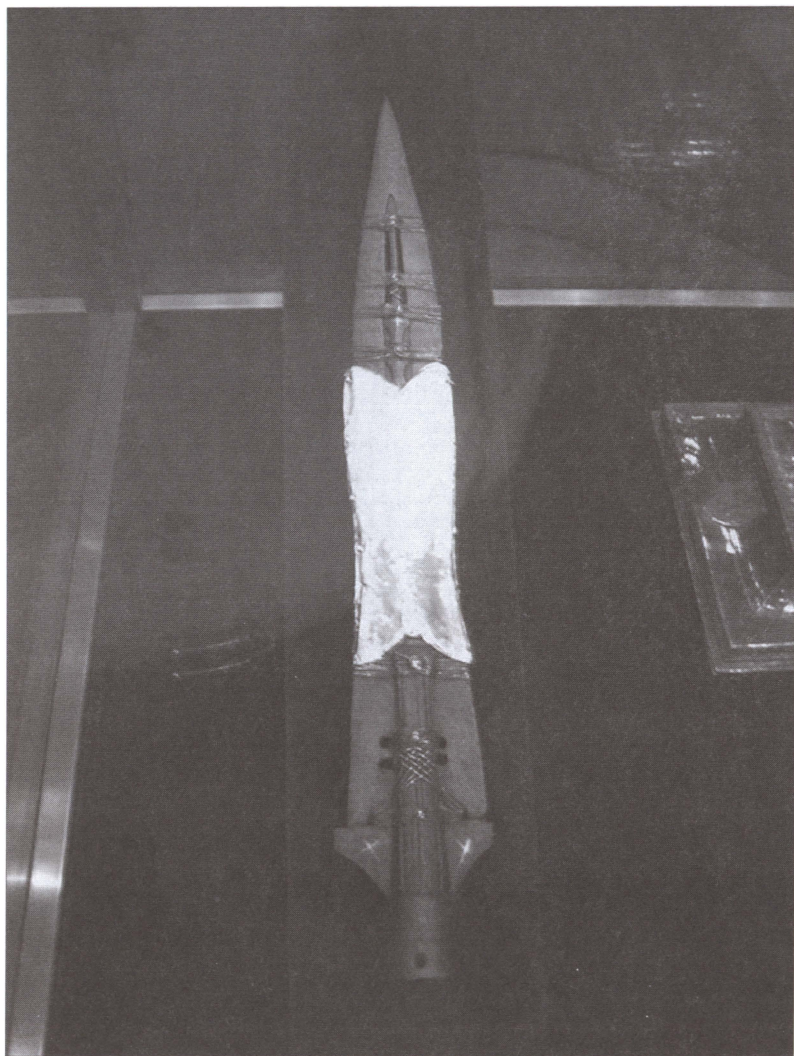
«Хотя он (Аттила. — *Авт.*) по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося свя-

щепным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах».

То, что Иордан вслед за Приском именует меч «Марсовым», безусловно, отражает точку зрения римлян: гунны не стали бы использовать имя римского божества. Более вероятно, что для них это просто был меч бога войны. В венгерских легендах этот меч именуется «мечом Бога».

Со слов Приска известно, что Аттила видел в чудесно обретенном мече знак особого покровительства небес, знак того, что ему предстоит завоевать весь мир и править им. В дальнейшем это обстоятельство, возможно, способствовало тому, что за Аттилой закрепилась репутация «Божьего бича». Таким образом, меч играл роль не только боевого оружия, но и символа высшей политической власти.

Став обладателем небесного оружия, Аттила повел гуннов на запад. Он сокрушил германские племена Восточной и Центральной Европы и обрушился на Римскую

Знаменитое копьё Судьбы в Хофбруке

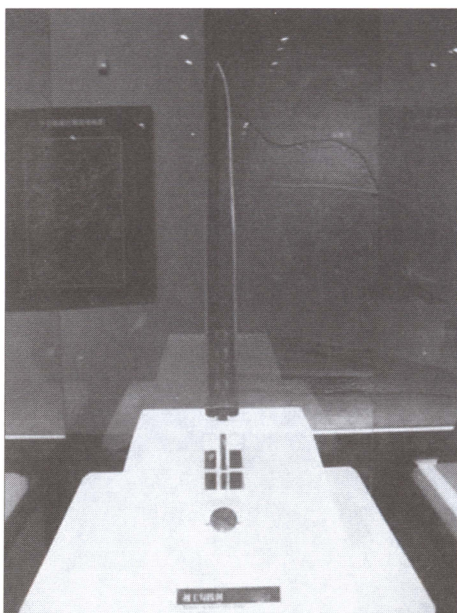
*Апостол Петр отрубает ухо рабу Малху.
Фрагмент картины «Арест Христа». Неизвестный художник*

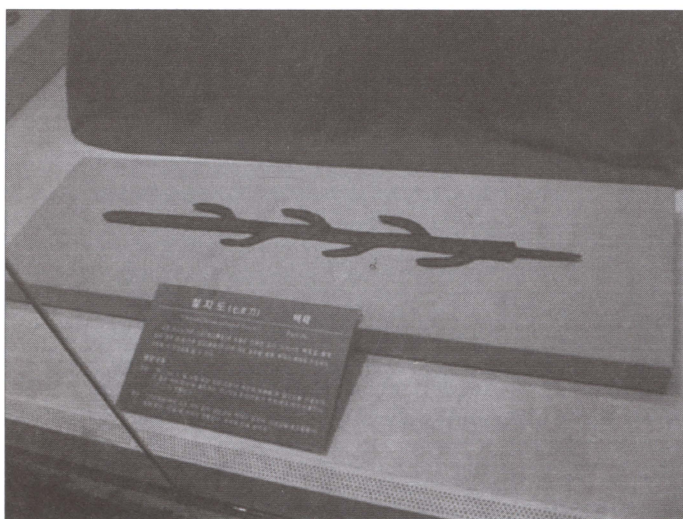
*Копия меча святого Петра,
выставленная в базилике Петра и Павла в Познани*

*Встреча святого Эразма и святого Маврикия.
Художник М. Грюневальд*

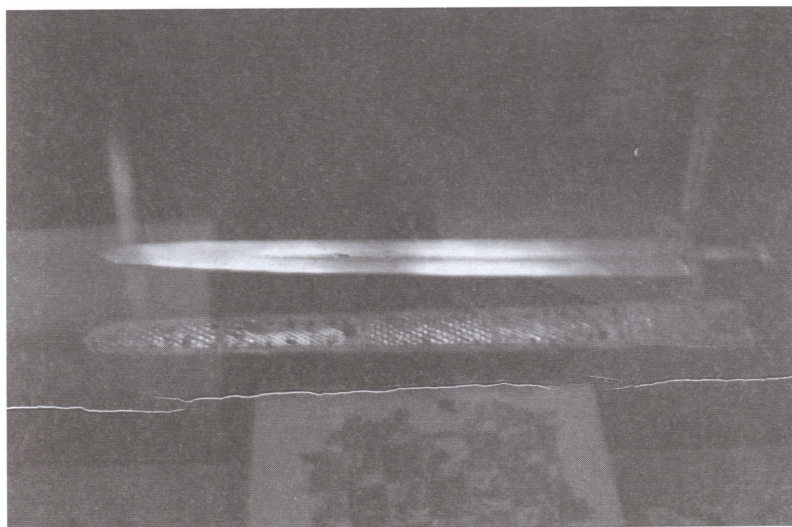
Меч Гоудзяня, эпоха Весен и Осеней

Семилезвийный меч — национальное сокровище Японии

*Рыцарь Роланд, трубящий в рог.
Средневековая миниатюра*

Тисона — меч Эль Сиды, национальное сокровище Испании

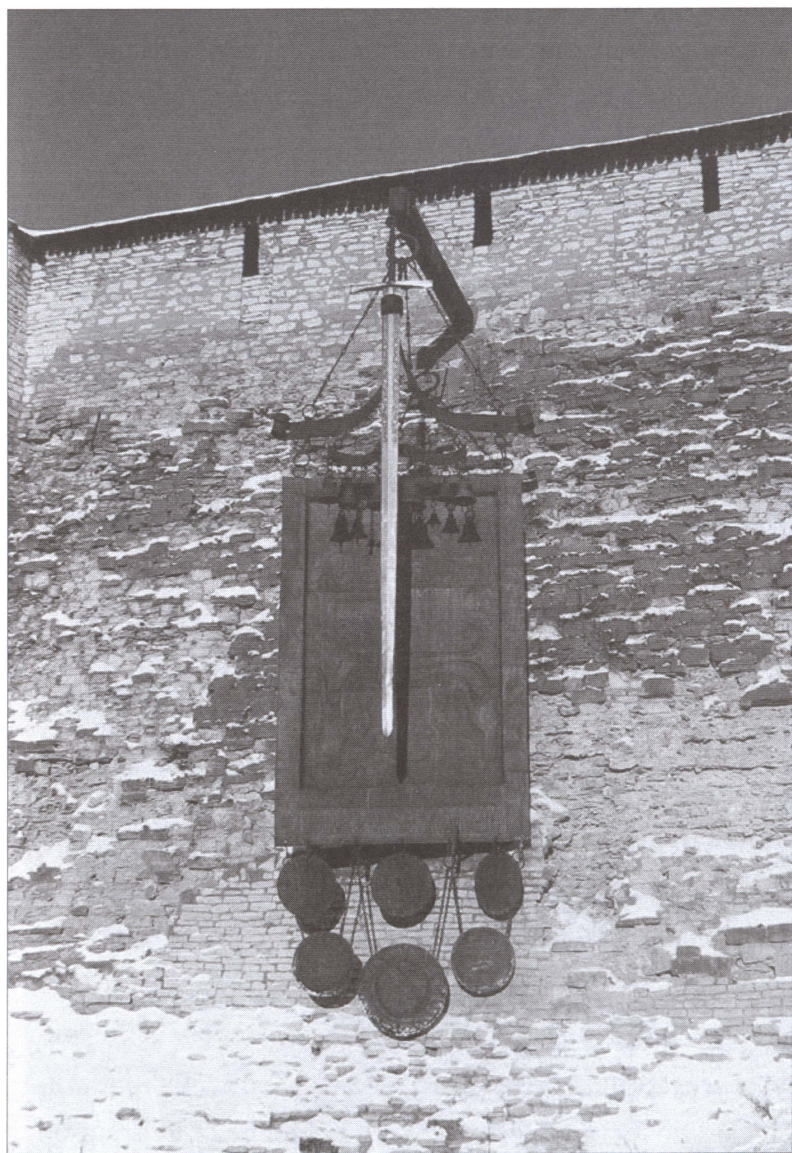
Памятник Эль Сиду в Бургосе

Памятник Скандербегу в Тиране

Памятник Уильяму Уоллесу в Абердине

Довмонтов меч на стене Псковского Крома

империю, все сметая на своем пути. Современники называли Аттилу «потрясателем Вселенной»; на руинах поверженных им царств обладатель Марсова меча создал самое сильное в мире государство — правда, распавшееся сразу после его смерти.

В XI столетии, спустя приблизительно пятьсот лет после смерти Аттилы, меч, который, как утверждалось, принадлежал легендарному гунну, неожиданно оказался во владении недавно воцарившихся королей Венгрии из династии Арпадов, которые выводили свое происхождение от Аттилы и с этим связывали свое право на власть. В дальнейшем мать венгерского короля Шаломона (Соломона, правил в 1057—1081 гг.) подарила этот меч баварскому герцогу Отто. Об этом и о дальнейшей судьбе меча рассказывает Ламперт Герсфельдский в своих «Анналах»: в 1071 году «...некий Лиупольд из Мерзебурга, любимец короля (речь идет о Генрихе IV, германском короле и императоре Священной Римской империи. — *Авт.*), услугами и советами которого тот обычно пользовался в самых доверительных делах, нечаянно упал с лошади и, напорвшись на собственный меч, тут же испустил дух. Это несчастье наполнило короля невыносимой болью и печалью; он тут же велел отвезти его тело в Херфельд и с величайшими почестями похоронить там посреди церкви; он также передал монастырю на помин его души 30 мансов в месте под названием Мартинфельд. Следует заметить,

что это был тот самый меч, которым знаменитый некогда король гуннов Атилл свирепо орудовал на погибель христиан и при уничтожении Галлии. Королева Венгрии, мать короля Соломона, подарила его баварскому герцогу Отто, после того как король при его совете и поддержке восстановил на отцовском троне ее сына. Когда же герцог Отто передал его в доказательство и обеспечение неразрывной дружбы сыну маркграфа Деди, то есть Деди Младшему, а тот, как сказано, был убит, меч перешел к королю, а от короля благодаря этому случаю — к Лиупольду. Поэтому большинство сторонников герцога Отто рассматривали смерть Лиупольда от меча, принадлежавшего этому герцогу, как Божий суд, потому что Лиупольд, как говорили, наиболее активно побуждал короля преследовать Отто и изгнать его из дворца. В «Деяниях гетов», которых называют также готами, об этом мече пишется, что он некогда принадлежал Марсу, которого язычники считали покровителем войны и изобретателем вооружений. Многие годы спустя некий пастух обнаружил его в земле, которой он был слегка припорошен, благодаря крови быка, ногу которого он поранил, когда тот пасся. Пастух передал его королю Атилле, и тому было дано пророчество всех гаруспиков того времени, что этот меч предназначен судьбой на погибель круга земного и уничтожение всех народов. О том, насколько правдив был этот оракул, до сих пор свидетельствуют развалины многих известнейших горо-

дов в Галлии, так что варвары называют этот меч также карателем Божьего гнева или бичом Божиим. Пусть все это будет сказано здесь в качестве небольшого отступления, раз уж мы упомянули об этом мече».

Сабля, хранящаяся в венской сокровищнице, действительно принадлежит к кругу изделий оружейников степных кочевых народов, но следует ли связывать ее с именем Атиллы — вопрос спорный. Легенда о происхождении меча имеет вполне реальные корни и, возможно, в поэтической форме отражает древний венгерский метод получения стали из железа: откованный меч втыкали в землю на вершине какого-либо кургана, холма или другой насыпи и оставляли его в таком положении в ожидании, когда в меч ударит молния. Упавший с неба мощный электрический разряд изменял молекулярную структуру железа, и в руках мастеров оказывалось готовое стальное изделие. Такие мечи, с точки зрения древних мадьяр, в буквальном смысле имели божественное происхождение, так как в их изготовлении участвовали сами небеса — молния в глазах венгров была «стрелой Бога». Поэтому историю с находкой меча, изложенную в легенде об Аттиле, в известном смысле можно считать правдоподобной. Но вот принадлежала ли в действительности «сабля Карла Великого» знаменитому вождю гуннов? Доказать эту увлекательную гипотезу невозможно. В нее можно только верить или не верить...

Х

ДЮРАНДАЛЬ, МЕЧ РОЛАНДА

Мой светлый Дюрандаль, мой меч булатный,
Как ты на солнце блещешь и сверкаешь!
Ты в Морианском доле дан был Карлу —
Тебя вручил ему господний ангел,
Чтоб ты достался лучшему вассалу,
И Карл меня тобою препоясал.
С тобой я покорил Анжу с Бретанью,
С тобою Мэн и Пуату я занял;
С тобой громил я вольный край нормандский;
С тобой смирил Прованс, и Аквитанью,
И всю Романью, и страну ломбардцев;
С тобою бил фламандцев и баварцев;
С тобой ходил к полякам и болгарам;
С тобой Царьград принудил Карлу сдаться;
С тобой привел к повиновенью саксов,
Ирландцев, и валлийцев, и шотландцев,

И данниками Карла сделал англоv;
С тобою вместе покорил все страны,
Где ныне Карл седобородый правит.
С тобой расстаться больно мне и жалко.
Умру, но не отдам тебя арабам.
Спаси нас, Боже, от такого срама!

С этими словами прославленный граф Роланд, герой средневековой эпической поэмы «Песнь о Роланде», обращается к своему мечу. Подобно многим другим мечам, известным нам из мифологии, литературы и истории, меч Роланда имеет собственное имя. Его зовут Дюрандаль. Мечам, своим постоянным спутникам в бранных делах, средневековые воины часто давали названия, отражавшие лучшие качества металла, его закалку и твердость. Считается, что имя меча Роланда Дюрандаль происходит либо от прилагательного *dur* — «твердый», либо от глагола *durget* — «быть прочным, устойчивым», что указывает на его исключительную твердость. Существует и иное объяснение: в «Саге о Карле Великом» этот меч носит имя Дюрумдаль (*Dyrumdali*), от старонорвежского *dyrum* — «дорогой», «драгоценный», и *dali* — от *dalr*, что означает «впадина», «вмятина». В итальянских источниках меч Роланда (Орландо) именуется Дурлиндана, Дуриндана; священник Конрад, автор немецкого варианта «Песни о Роланде» (XIII век), называет его Дурендарт. Как бы то

ни было, все без исключения сходятся на том, что Дюрандаль был необыкновенным мечом.

Согласно итальянскому преданию, этот меч когда-то принадлежал знаменитому троянскому герою Гектору. По другой версии, его вручил императору Карлу Великому сам Ангел Господень. Граф Роланд получил Дюрандаль из рук Карла Великого. В Средние века в рукоять меча зачастую помещали особо чтимые реликвии. Не был исключением и Дюрандаль: из «Песни о Роланде» мы узнаем, что в его рукояти хранились

...кровь Василья, зуб Петра нетленный,
Власы Дениса, божья человека,
Обрывок риз Марии-приснодевы.

Эти реликвии были вделаны в рукоять меча самим Роландом.

Поводом для создания эпической поэмы послужили события августа 778 года, когда Карл Великий совершил набег на захваченные арабами («сарацинами», «маврами») земли Северной Испании. Войска Карла осадили Сарагосу, однако спустя несколько недель император был вынужден снять осаду и вернуться во Францию. В Пиренеях, в Ронсевальском ущелье, на арьергард Карла напали баски, поддержанные маврами. Весь отряд и его начальник были убиты. Карл Эйнхард, биограф и приближенный

императора, в своей «Жизни Карла Великого» сообщает о том, что в этом сражении погибли «Эгтихард, королевский стольник, Ансельм, пфальцграф, и Хруодланд, префект Бретонской марки». Упоминание о «Хруодланде» (Роланде) — единственное историческое свидетельство существования рыцаря с таким именем. Согласно преданию, Роланд был племянником Карла Великого, но этот факт нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Как бы то ни было, именно эпизод с гибелью франкского арьергарда в Ронсевальском ущелье в августе 778 года лег в основу героической эпопеи о Роланде и со временем, обогатившись рядом позднейших дополнений, получил широкое распространение по всей Западной Европе. Противниками франков в поэме представлены сарацины (хотя в реальности воины Карла погибли в сражении с басками), а сам благородный Роланд стал идеалом христианского рыцаря.

Наряду с Роландом широкую популярность приобрел и его меч Дюрандаль. Согласно одной из легенд, ударом этого меча Роланд открыл проход в Пиренеях, известный сегодня как Брешь Роланда. Особым драматизмом наполнены строки поэмы, в которых рыцарь навсегда прощается со своим верным мечом. Роланд не допускает мысли, что его оружие достанется сарацинам, и перед смертью пытается уничтожить меч, разбив его о камень:

Почуял граф, что смерть его настигла,
Встал на ноги, собрал остаток силы,
Идет, хотя в лице и ни кровинки.
Пред темной глыбой он остановился,
По ней ударил десять раз сердито.
О камень меч звенит, но не щербится.
Граф молвит: «Богоматерь, помоги мне,
Пора нам, Дюрандаль, с тобой проститься.
Мне больше ты уже негодишься.
С тобой мы многих недругов побили,
С тобой большие земли покорили.
Там Карл седобородый правит ныне.
Владеть тобой не должен враг трусливый:
Носил тебя вассал неустрашимый,
Такого край наш больше не увидит».
Бьет граф теперь мечом по глыбе красной.
Сталь не щербится — лишь звенит о камень.
Бьет граф Роланд теперь по глыбе серой.
Немало от нее кусков отсек он;
Сталь не щербится — лишь звенит, как прежде,
Меч, невредим, отскакивает кверху.
Граф видит — все усилия бесполезны
И тихо восклицает в сокрушение:
О Дюрандаль булатный, меч мой светлый,

<...>

Да не послужит сталь твоя неверным.
Пусть лишь христианин тобой владеет,
Пусть трус тебя вовсе не наденет!

Все усилия сломать меч оказываются тщетными — Дюрандаль слишком прочен. На залитом кровью поле битвы, где не осталось ни одной живой души, а лишь горы трупов, умирающий Роланд прикрывает своим телом Дюрандаль и рог Олифант. До последней минуты он рассчитывает спасти меч от рук врагов:

Почувл граф, что близок час кончины;
Чело и грудь обьял смертельный холод...
Бежит Роланд... и вот под сенью ели
На мураву зеленую он пал.
Лежит ничком, к груди своей руками
Прижал он меч и зычный Олифант,
Он лег лицом к стране испанских мавров,
Чтоб Карл сказал своей дружине славной,
Что граф Роланд погиб, но победил.

Как сложилась дальше судьба легендарного меча? Предания, бытующие на юге Франции, утверждают, что Дюрандаль не погиб. Его можно видеть и сегодня!

Историческое селение Рокамадур, расположенное на юго-западе Франции, давно стало настоящей меккой для художников и археологов: первых привлекает необычайная живописность этих мест, вторых — богатое прошлое окрестностей Рокамадура. Однако более всего это селение славится своим знаменитым санктуарием Девы Марии, на протяжении многих столетий привлекавшим сюда паломников из разных стран Европы, среди которых были и короли, и епископы, и дворяне, и простолюдины. Старинные постройки лепятся прямо к поверхности скалистого утеса, поднимающегося на высоту около 150 метров. Увенчивает эту группу массивных зданий церковь Нотр-Дам (построена в 1479 г.), где хранится деревянная статуя Черной Мадонны, особо почитаемая местными жителями. Врата церкви выходят на террасу, известную под названием плато Сен-Мишель. Здесь паломников ждет необычное и волнующее зрелище: из трещины в скале торчит старинный рыцарский меч, прикованный к скале. Меч покрыт ржавчиной, а его лезвие, как говорят, обломано, но это и есть Дюрандаль, меч легендарного Роланда...

Подлинность этого предания никто не проверял, хотя меч можно увидеть собственными глазами и даже потрогать его. Примечательно, что легенды связывают основание Рокамадура со святым Марциалом (Марсилием), проповедовавшим Евангелие на юго-западе Галлии. Имя

Марсилий тоже встречается в тексте «Песни о Роланде», правда, так там зовут не христианского святого, а мусульманского правителя Сарагосы. Тем не менее совпадение имен любопытное. Любопытен и такой факт: как говорят, именно меч из Рокамадура вдохновил Дж. Р. Р. Толкиена на создание образа сломанного меча в его знаменитой эпосе «Властелин колец». В романе Толкиена меч носит имя Андрил, и некоторые энтузиасты видят в этом переосмысленное название меча благородного рыцаря Роланда — Дюрандаль.

XI

МЕЧ ЭДУАРДА ИСПОВЕДНИКА

В церемонии коронации британских монархов традиционно используются пять мечей, каждый из которых символизирует один из аспектов королевского достоинства. Их несут в процессии перед королем или королевой при входе в Вестминстерское аббатство. Этот обычай был установлен еще в 1399 году королем Генрихом IV. Впрочем, из пяти мечей только один, как считается, является подлинно средневековым, участвовавшим еще в коронации Генриха IV, остальные относятся к позднему времени, поскольку большая часть английских коронационных регалий, включая церемониальные мечи, была уничтожена во времена диктатуры Кромвеля. И лишь сломанный меч Милосердия, или меч Эдуарда Исповедника, дошел из глубины веков до наших дней и ныне является одной из наиболее драгоценных реликвий английской короны.

Согласно преданию, этот меч когда-то принадлежал Эдуарду Исповеднику — одному из последних англосаксонских королей Англии из Уэссекского дома. Сын Этельреда Неразумного и Эммы Нормандской, он правил в 1042—1066 годах и был известен своей святой жизнью (в 1161 году Эдуард Исповедник был канонизирован). После его смерти королевская власть в Англии оказалась дезорганизована, чем не замедлили воспользоваться вторгшиеся с континента норманны во главе с Вильгельмом Завоевателем.

Как предполагают ряд специалистов, меч (точнее, сам клинок) датируется XI столетием, и, следовательно, он действительно мог принадлежать Эдуарду Исповеднику; по другой версии, оригинал меча утрачен, а ныне существующий меч изготовлен для коронации Карла I (правил в 1625—1649 гг.). Ножны меча покрыты бархатом и расшиты золотой нитью. Стальной клинок, инкрустированный медью, обломан приблизительно на расстоянии шести дюймов от острия; обломанный конец меча оставлен тупым. Когда и при каких обстоятельствах меч был сломан, неизвестно; предание рассказывает, что это спустившийся с небес ангел обломал наконечник меча, чтобы не дать свершиться несправедливости и предотвратить неправомерное убийство. Известно также, что уже в эпоху средневековья родилась традиция нести этот меч перед королем в торжественных процессиях как знак королев-

ского милосердия (отсюда его название — меч Милосердия). Впервые в этом качестве меч был использован в 1236 году во время коронации Генриха III. Мечом Милосердия пользовались также во время церемонии посвящения в рыцари.

Меч Эдуарда Исповедника известен еще под именем Куртана (Curtana). Этот термин представляет собой латинизированную форму англо-французского *courtain* (в итальянском языке — *cortana*) и происходит от латинского *curtus* — укороченный, короткий. Убедительного объяснения этому названию нет, а между тем оно имеет очень странную параллель в истории раннего Средневековья. Дело в том, что название Куртана (Courtain, Cortana) носил один из двух мечей легендарного Ожье Датчанина, сына Гудфреда, короля Дании (VIII в.). Как рассказывает предание, у Ожье был сын, который во время игры в шахматы был убит сыном Карла Великого. Пылая жаждой мести, Ожье вознамерился убить своего врага, но внезапно был остановлен голосом с Небес, призвавшим его проявить милосердие (предполагается, что именно в этот миг ангел обломил наконечник меча). В дальнейшем, как рассказывает «Песнь о Роланде», Ожье стал одним из самых преданных рыцарей Карла Великого и под его знаменами участвовал в походе против сарацинов:

Ожье Датчанин сроду не был трусом.

Вовеки мир бойца не видел лучше.

<...>

Консей бароны шпорят, вскачь несутся,

Язычников нещадно бьют повсюду.

Разят арабов император Карл,

Ожье, Немон, анжусец Жоффруа,

Что носит императорский штандарт.

Особенно Ожье Датчанин храбр.

Коню он шпоры дал, понесся вскачь,

Убил того, кто нес с драконом стяг:

Ожье Амбора вышиб из седла,

Конем хоругвь эмира растоптал,

Эмир увидел, что дракон упал,

Что знамя Магомста — у врага,

И понял тут язычник Балиган,

Что Карл Великий прав, а он не прав.

Как утверждает предание, меч Ожье Датчанина был сделан из того же самого металла, что и два других легендарных меча: Жуайез Карла Великого и Дюрандаль Роланда. Об этом свидетельствовала надпись, выгравированная на его клинке: «Меня зовут Кортана, [я] той же стали и закалки, как Жуайез и Дюрандаль». На мече Эдуарда Исповедника такой надписи нет, и этот факт, к сожа-

лению, сводит к нулю романтическую гипотезу о том, что этот меч мог первоначально принадлежать легендарному сподвижнику Карла Великого. Существует точка зрения, согласно которой термин «куртана» вообще следует относить не к конкретному мечу, а к определенному типу укороченных церемониальных мечей.

Наряду с прочими реликвиями английской короны меч Эдуарда Исповедника ныне хранится в лондонском Тауэре.

XII

ТИСОНА, МЕЧ СИДА

В 711 году воины арабского халифата, подчинив Северную Африку, начали вторжение в Европу. Остановленные у границ Франции Карлом Великим, арабы ограничились только завоеванием Пиренейского полуострова, и единственным островком христианства на Пиренеях оставалось крошечное испанское королевство, занимавшее в ту пору дальний северо-западный угол полуострова. Вступившие на испанскую землю завоеватели были поражены мужеством испанцев. «Они как львы в своих крепостях и как орлы в своих гнездах», — писал арабский полководец Муса.

«Все, дошедшее до своего предела, начинает убывать», — говорит арабская пословица. Выдохшееся наступление мавров (испанское название «мавры» (*mogros*) распространялось на всех мусульманских завоевателей, пришедших из Северной Африки (Магриба), как арабов,

так и берберов) сменилось реконкистой — так в Испании называют процесс освобождения Пиренейского полуострова от арабского владычества. Почти восьмисотлетняя борьба с маврами была не только цепью военных походов, но и широким колониционным движением, связанным с закреплением и экономическим освоением отвоеванных территорий. Этот сложный, противоречивый, еще не в полной мере изученный процесс определил особенности развития народов Пиренейского полуострова, оказал влияние на уклад жизни народа, содействовал росту национального самосознания.

Героическая эпоха реконкисты породила множество ярких исторических деятелей, вокруг которых постепенно стал складываться романтический ореол. Одной из таких легендарных личностей стал доблестный рыцарь Родриго Диас де Вивар (1043—1099). В народном эпосе, в котором описываются его боевые подвиги и драматическая история любви к красавице донье Химене, он получил прозвище Сид, Сид Кампеадор. На многие века Сид стал образцом кастильского рыцаря: сильный, верный, храбрый, мудрый, образованный, он был добрым христианином и смелым воином.

Сид родился в небольшом селении Вивар, расположенном в 7 км от Бургоса (по другой версии, в самом Бургосе). Его отец умер, когда будущему герою едва-едва исполнилось 15 лет. Юность Сиды прошла при дворе кастильского

короля Фернандо I, где он воспитывался вместе с сыном монарха, принцем Санчо. В дальнейшем их связывали крепкие узы дружбы. При дворе и в школе при монастыре Сан-Педро де Карденья Сид получил хорошее образование. Позже он даже представлял интересы монастыря в судебных процессах, а король Альфонсо VI поручал ему ответственные дипломатические миссии. Однако более всего Сид прославился на поле брани.

С 1065 года Сид принимал участие во всех военных действиях, которые испанские короли вели против мавров, покрыв себя доблестью и совершив множество подвигов. Он был правой рукой кастильского короля Санчо II, друга своей юности. Как подлинный герой эпоса, Сид был несравненным воином и полководцем. Никто не мог победить его в единоборстве. Мужество Сиды, неоднократно проявленное им в боях, стало нарицательным.

После гибели Санчо II при осаде Саморы в 1072 году кастильский трон занял Альфонсо VI. С этого времени судьба Сиды резко изменилась. Новый монарх завидовал популярности неустрашимого рыцаря и боялся его. Он удалил Сиды от двора, напоследок подсластив эту горькую пилюлю: с согласия Альфонсо VI Сид в 1074 году женился на донье Химене Диас, правнучке короля Альфонсо V. Это, однако, не улучшило отношений прославленного рыцаря с королевским двором, и в 1081 году Сиду пришлось отправиться в свою первую ссылку. В знак со-

лидарности 300 лучших кастильских рыцарей отправились в изгнание вместе с ним.

Шесть лет Сид провел в ссылке. Он возвратился в Бургос в 1087 году. И хотя Альфонсо VI в дальнейшем не раз поручал ему ответственные задания, натянутые отношения с королем продолжали сохраняться. В 1089 году монарх вновь отправил Сиду в изгнание. Несмотря на это, в последующие десять лет популярность Сиды в народе достигла своего пика. А в 1094 году Сид совершил свой главный подвиг: руководимые им кастильские войска после долгой осады овладели Валенсией.

Став королевским наместником Валенсии, Сид проявил себя незаурядным и мудрым администратором. Вместе с тем в последние пять лет жизни ему еще не раз приходилось браться за оружие. Незадолго до смерти он еще раз снискал себе громкую славу, разгромив под стенами Валенсии 150-тысячную армию алморавидского полководца Мухаммада.

10 июля 1099 года Сид умер. Весь христианский мир оплакивал его смерть. Отважный рыцарь был похоронен в кафедральном соборе Бургоса рядом со своей супругой, доньей Хименой. Посмертная слава Сиды, пожалуй, даже превзошла прижизненную. В народе о нем рассказывали легенды, поэты и драматурги не раз обращались к жизни и подвигам легендарного рыцаря. Наиболее известны средневековая «Песнь о моем Сиде» (XII в.) и трагедия

французского драматурга Пьера Корнеля «Сид» (1637). А одной из наиболее почитаемых реликвий Испании стал меч Сиды — легендарная Тисона, слава которой сопоставима со славой Эскалибура, знаменитого меча короля Артура.

Этот меч Сид захватил в качестве трофея у арабского полководца Малик Букара (Бухара). Он изготовлен в Кордове (Андалусия). Длина меча составляет 103 см, весит он 1,1 кг. На лезвии выгравированы две надписи. Одна из них гласит: YO SOY LA TIZONA FUE FECHA EN LA ERA DE MILLE QUARENTA («Я — Тисона, меня сделали в 1040 году эры»). Под «эрой» здесь подразумевается испанское средневековое летоисчисление, которое берет свое начало в 38 году до Р.Х. Таким образом, меч можно датировать 1002 годом христианской эры. Вторая надпись представляет собой начало христианской молитвы «Аве, Мария» («Радуйся, Мария») на латинском языке: AVE MARIA ~ GRATIA PLENA ~ DOMINUS TECUM.

На протяжении последних шестидесяти лет начиная с 1944 года меч Сиды экспонировался в Музее испанской армии (бывший Королевский арсенал) в Мадриде. Владелец его, однако, было семейство маркизов Фальсес. Еще в 1516 году испанский король Фердинанд наградил этим мечом маркиза Фальсес в благодарность за его службу. Как говорят, помимо меча ему были предложены на выбор обширное землевладение и дворец, но маркиз предпочел

меч Сиды. В дальнейшем Тисона постоянно хранилась в семье и передавалась из поколения в поколение. В конце 1930-х годов, во время гражданской войны в Испании, республиканские солдаты похитили меч из разграбленного фамильного замка в Наварре и попытались контрабандой вывезти его из Испании, однако эта попытка была пресечена франкистами. Франсиско Франко, который очень любил сравнивать себя с Сидом, неоднократно пытался заполучить меч легендарного рыцаря, но ему удалось добиться лишь согласия маркизов Фальсес на то, чтобы меч отныне демонстрировался в Музее испанской армии.

В конце 2006 года владелец меча, дон Хосе Рамон Суарес дель Отеро-и-Вельюти, маркиз Фальсес, принял решение продать меч испанскому государству. И тут разразился скандал. Владелец оценил меч в 6 миллионов евро, но позднее снизил эту цифру до 1,5 миллиона евро. Испанское министерство обороны отказалось покупать меч за такие деньги, предложив маркизу всего-навсего 400 тысяч евро. Маркиз пригрозил, что продаст меч за границу. В дело вмешалось испанское правительство: ссылаясь на закон об охране культурного наследия, оно запретило маркизу вывозить национальную реликвию за пределы Испании. В итоге покупатель все-таки нашелся: в мае 2007 года меч приобрели власти провинции Кастилия и Леон, с тем чтобы поместить его в кафедральном соборе Бургоса, рядом с могилами Сиды и доньи Химены.

Стоимость сделки составила 1,6 миллиона евро. И тут министерство культуры Испании выступило с неожиданным заявлением: меч Сиды... фальшивка!

В подтверждение своих слов представители министерства ссылались на четыре авторитетных заключения, подписанных специалистами Центра национального наследия Испании, Археологического института, Королевской исторической академии и независимым экспертом — профессором-медиевистом Хосе Годоем. Сходясь в том, что этот меч никогда не принадлежал легендарному рыцарю, авторы экспертных заключений существенно расходились во мнениях относительно того, что может представлять собой это оружие. Одни безоговорочно признавали, что меч изготовлен в XI столетии, другие (Хосе Годой) отодвигали эту дату на три-четыре столетия позже. В заявлении министерства культуры утверждалось, что о том, что выставленный в Музее испанской армии меч не является подлинным мечом Сиды, стало известно еще в 1999 году. Вместе с тем невозможно отрицать высокую историческую ценность этого оружия: подобных экземпляров во всей Испании сохранилось только четыре. Что же касается стоимости меча, то она, по оценкам специалистов, могла составлять 200—300 тысяч евро...

Последняя фраза сильно подпортила эффект, произведенный неожиданным заявлением министерства культуры. Поползли слухи, что испанское правительство просто

некрасиво и мелочно торгуется из-за бесценной исторической реликвии. До сих пор никто не сомневался в том, что меч, более 60 лет демонстрировавшийся в военном музее, когда-то принадлежал национальному герою страны. Эти сомнения почему-то всплыли только тогда, когда речь зашла о покупке меча. Правительство Кастилии и Леона продолжает настаивать на подлинности меча. Еще ранее эксперты Королевского арсенала заключили, что меч действительно некогда принадлежал Сиду. Они датируют это оружие XI столетием и подтверждают, что он изготовлен в одной из андалузских мастерских. Кроме того, маркиз Фальсес представил документы, подтверждающие историю меча по крайней мере до 1400 года.

Как бы то ни было, легендарное оружие вернулось к своему хозяину и ныне хранится в кафедральном соборе Бургоса — города, где Сид, возможно, родился и где вот уже более девяти столетий он спит вечным сном.

Рожденный в час добрый, стал всюду известен.

В Арагоне с Наваррой царят его дети.

Монархи испанские — Сидово семя.

Гордятся они достославным предком.

Расстался мой Сид с этим миром бранным

В троицын день, да простит его небо!

Дай Бог того же и всем нам, грешным.

Вот что за подвиги Сид содеял.

На этом рассказ наш пришел к завершению.

Аминь! Да сподобится рая писавший.

Писано в мае Педро аббатом

В год тысяча триста и сорок пятый.

Кто книгу прочел, пусть вина поставит,

А коли нет денег — закладывай платье.

(«Песнь о моем Сиде»)

XIII

КОЛАДА, ВТОРОЙ МЕЧ СИДА

Колада — название второго меча Сид Кампеадора, также вошедшего в легенды. Согласно преданию, сила этого меча зависела от доблести воина, владевшего им. Как и Тисона, Колада неоднократно упоминается в эпической поэме «Песнь о моем Сиде». Согласно поэме, этот меч стал боевым трофеем Сиды, одолевшего в поединке графа Барселонского Раймунда Беренгария:

Победа досталась Кампеадору.

Пленил он Раймунда, Коладу добыл —

Тысячу марок меч этот стоил.

С Коладой в руках Сид отвоевал у мавров Валенсию. Однако поверженный было неприятель вновь собрал свои силы. Во главе большой армии предводитель мавров Малик Букар двинулся к стенам Валенсии, одновременно

отправив к Сиду посла с требованием, чтобы тот добровольно оставил город и впредь не нарушал мир. В ответ Сид заявил вражескому посланцу: «Ступай и скажи Букару, этому вражьему сыну, что не минет три дня, как он получит то, чего добивается». На следующий день Сид собрал своих воинов и повел их на врага:

По милости Божьей взял верх он в битве,
Одолел супостата с людьми своими.
Рвутся растяжки шатров сарацинских,
Из земли вылетают колья резные.
Мой Сид из лагеря Букара выбил.
Из лагеря выбил, погоню начал.
Видеть бы вам, как щиты отлетают,
Как головы в шлемах валятся наземь,
Как мечутся кони, лишившись хозяев!
Целых семь миль продолжалась скачка.
У моря с Букаром Сид поравнялся,
Занес Коладу, сплеча ударил,
Повыбил из шлема карбункулы разом,
Навершье рассек, раздробил забрало,
От лба раскроил до пояса мавра,
Убил короля из заморского края.

В дальнейшем Сид подарил мечи Тисону и Коладу своим зятям, каррионским инфантам Фернандо и Диего, ко-

торые, однако, нанесли герою оскорбление: они избili своих жен — дочерей Сиды — и бросили их на дороге:

Не оставили женам ни шуб, ни накидок,
До исподнего сняли, что на них было.
Шпоры остры у изменников низких,
Плети ременные крепко свиты.
Донья Соль это видит и молвит тихо:
«Фернандо и Дьего, явите милость.
У вас на боку две пшаги стальные,
Колада с Тисоной, что дал наш родитель.
Обезглавьте нас, и умрем мы безвинно,
Знают все, христиане и сарадины:
Ни в чем перед вами мы не согрешили.
Дурной вы пример, нас избив, подадите,
Навеки за это чести лишитесь,
На себя навлечете везде укоризну».
Не вняли злодеи, как их ни просили,
Избивают они сестер беззащитных,
Плетьми ременными хлещут с гиком,
Шпорами колот — кровь так и брызжет.
У женщин рубцами тело покрыто,
Исподнее взмокло, и все обагрилось,
А сердце ноет от тяжелой обиды.
Вот счастье бы им ниспослал вседержитель,
Кабы мой Сид там тогда объявился!

Несчастных до смерти чуть не забили,
Алсет кровь на одежде их нижней.
Примахались у братьев руки и спины —
Лютовали инфанты в полную силу.
Сидовы дочери без чувств поникли.
Бросили их в дубраве пустынной.

Сид был возмущен этим преступлением. Он обратился к королю с просьбой отобрать легендарные мечи у изменников:

Встал Сид и принял к руке венценосца:
«Они за любовь мне воздали злобой.
Пусть шпаги вернут: я не тесть им больше».
Рассудили судьи, что иск законен.

Оба инфанта были вынуждены вернуть оружие. Однако впереди их ждал поединок с двумя рыцарями Сиды, Педро Бермудесом и Мартином Антолинесом, вызвавшимися защитить честь дочерей Сиды. Перед поединком Сид вручает возвращенный ему меч Коладу Мартину Антолинесу:

Мартин Антолинес, копейщик ловкий,
Вслед за Бермудесом к Сиду подозван:
«Возьмите Коладу, вассал мой достойный.

Владел ею прежде, чем я ее добыл,
Раймунд Беренгарий, граф Барселонский.
Дарю ее вам, чью изведаль доблесть.
Себя вы покроете в час урочный
При этой шпаге славой большою».

Вооруженный Коладой Мартин Антолинес принимает участие в поединке с инфантом Диего Гонсалесом:

Антолинес шпагу вырвал из ножен.
Сверкнул клинок, озарил все поле.
Бьет дон Мартин что есть силы наотмашь,
Рассек на инфанте шлем золоченый,
Завязки на нем порвал, как бечевки,
Забрало пробил до подкладки холщовой.
Шпага насквозь через холст проходит,
Волосы режет, касается кожи.
Осталось на Дьего полшлема только.
От удара Колады струхнул каррьонец,
Понял, что целым не выйдет из боя.
Показал он противнику спину тотчас,
Даже меч на него со страху не поднял.
Тут дон Мартин по хребту его ловко
Плашмя огрел Коладой тяжелой.
Инфант в испуге воскликнул громко;
«От этой шпаги спаси меня, Боже!»

Коня погнал он за вепки галопом.

Поле осталось за бургосцем добрым.

Большая часть из того, о чем рассказывает поэма, несомненно, является легендой (например, дочери Сиды никогда не были замужем за особами королевской крови), хотя в целом эта легенда все же основана на реальных событиях. Что же касается меча Колады (и в равной степени Тисоны), то рассказ поэмы представляет собой лишь одну из версий истории меча. По-видимому, Сид действительно обладал этим мечом. Любопытно, что ни Коладе, ни Тисоне легенды не приписывают никаких чрезвычайных, волшебных свойств и не говорят о каком-то особенном, сверхъестественном их происхождении; единственное, на чем делает акцент «Песнь о моем Сиде», — это особая красота мечей, богато украшенных золотом:

Сверкают клинки так, что глазу больно,

Эфесы золотом блещут червонным.

Происхождение Колады не вполне ясно. По мнению испанского энциклопедиста Себастьяна де Коваррубиаса (1539—1613), название меча происходит от *асеро colado* — так называлась чистая сталь без примесей. Очевидно, из такой стали был откован меч. Предполагается, что Сид действительно получил этот меч в качестве военного тро-

фея, одолев графа Барселонского; в то же время одна из версий легенды приписывает мечу мавританское происхождение: он якобы принадлежал тому самому Малику Букару, войско которого Сид разгромил у стен Валенсии.

Согласно легендам, оба меча, Тисона и Колада, были практически идентичны. В действительности же Тисона представляла собой одноручный меч, а Колада — двухручный, и, соответственно, последний имеет значительно большую длину.

Сегодня исторический меч Колада хранится в Королевском дворце в Мадриде. Подлинность реликвии неоднократно подвергалась сомнению, однако однозначно сказать, что этот меч не принадлежал Сиду, сегодня не может сказать никто; традиция же уверенно приписывает меч легендарному герою Средневековья.

Откованный из толедской стали обоюдоострый клинок имеет длину 82,5 см; общая длина меча составляет 100 см, вес — ок. 1,2 кг. Рукоять, завершающаяся круглым яблоком, обмотана металлической проволокой. В верхней части клинка выправирована надпись: *Lo Soy La Colada Fue Fecha En Era de Nice Trinita* («Я — Колада, сделана в эпоху Святой Троицы»). Мастерство, с которым изготовлен меч, поражает; некоторые технологические приемы не берутся воспроизвести даже самые лучшие современные мастера-оружейники.

XIV

МЕЧ КНЯЗЯ ДОВМОНТА

Этот меч на протяжении многих десятилетий считался символом независимости Пскова; им по традиции препоясывались псковские князья, его изображение помещали на псковских монетах. Принадлежал этот меч легендарному князю Тимофею (Довмонту), с именем которого связаны, пожалуй, наиболее яркие страницы истории средневекового Пскова.

Довмонт жил во второй половине XIII столетия (точная дата его рождения неизвестна). Он происходил из рода литовских князей и был противником знаменитого Миндовга, в убийстве которого, как считается, Довмонт принимал едва ли не непосредственное участие. В 1266 году, в ходе последующих междоусобиц, Довмонт был вынужден бежать из Литвы в Псков. «Побились литовцы друг с другом, блаженный же князь Довмонт с дружиною своею и со всем родом своим покинул отечество свое, землю Ли-

товскую, и прибежал во Псков, — сообщает летописная «Повесть о Довмонте». — Был этот князь Довмонт из рода литовского, сначала поклонялся он идолам по заветам отцов, а когда Бог восхотел обратить в христианство людей новых, то снизошла на Довмонта благодать Святого Духа, и, пробудившись, как от сна, от служения идолам, задумал он со своими боярами креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа. И крещен был в соборной церкви, в Святой Троице, и наречено было ему имя во святом крещении Тимофей».

В том же 1266 году Тимофей-Довмонт был посажен псковичами на княжение. Долгих 33 года служил беглый литовский князь вольному Пскову, прославившись как удачливый полководец и умелый администратор. При Довмонте Псков обрел фактическую независимость от «старшего брата» — Новгорода; князь вел успешные военные действия против Литвы и Ливонского ордена, не раз спасая Псков от набегов крестоносцев. 18 февраля 1268 года псковская дружина во главе с Довмонтом приняла участие в знаменитой битве при Раковоре (ныне Раквере, Эстония). Еще при жизни князь приобрел широкую популярность и авторитет в среде псковичей, а после смерти (в 1299 г.) вошел в устное предание и в летописи как доблестный защитник независимости Пскова. Уже в XIV веке Довмонт почитался псковичами как патрональный святой — по сообщениям летописей, в 1374 году в городе был построен

храм в его честь. В XVI веке Тимофей-Довмонт был канонизирован русской православной церковью, но общерусского признания он так и не получил, оставшись местночтимым псковским святым.

Как святыня почитался в Пскове и меч князя Довмонта, долгие годы хранившийся в ризнице Троицкого собора — главного храма Псковской земли. Этот меч сопровождал полководца во многих успешных сражениях; в 1271 году Довмонт поразил им в лицо самого магистра Ливонского ордена, сойдясь с ним на поле брани:

«Магистр земли Рижской... ополчился в силе страшной, безбожной и пришел ко Пскову в кораблях, и в ладьях, и на конях, и с орудиями стенобитными, намереваясь пленить дом Святой Троицы и князя Довмонта схватить, а мужей-псковичей мечами посечь. Услышав о том, что ополчилось на него множество сильных врагов без ума и без Бога, Довмонт вошел в церковь Святой Троицы и, положив меч свой пред алтарем Господним, пал на колени, молясь со слезами, говоря так: “Господи Боже сил, мы, люди твои и овцы пажити твоей, имя твое призываем, смилуйся над кроткими, и смиренных возвысь, и надменные мысли гордых смири, да не опустеет пажить овец твоих”. И взял игумен Сидор и все священники меч и, препоясав Довмонта мечом и благословив его, отпустили. Довмонт в ярости мужества своего, не дождавшись полков новгородских, с малою дружиною мужей-псковичей

выехав, Божьей силою победил и побил полки врагов, самого же магистра ранил в лицо».

В 1272 году этот меч как символ победы над крестоносцами был повешен перед главным алтарем Троицкого собора в Пскове. После смерти Довмонта он приобрел статус государственной реликвии. Родилась традиция благословлять Довмонтовым мечом всех поступающих на службу Пскову новых князей; меч Довмонта чеканился на псковских монетах. На протяжении шести столетий меч постоянно хранился в Троицком соборе, у гробницы Тимофея-Довмонта. Лишь после переворота 1917 года он был передан в Псковский музей.

До наших дней меч сохранился в хорошем состоянии. Длина его составляет около 0,9 м, ширина перекрестия — 25 см. Стальной клинок, предназначенный как для рубки, так и для колющих ударов, с выступающим посередине ребром, имеет в верхней своей части с обеих сторон клейма, выполненные методом точечной инкрустации. По этим клеймам специалисты смогли определить, что меч изготовлен в немецком городе Пассау (Нижняя Бавария); возможно, его следует считать боевым трофеем, захваченным Довмонтом в одном из сражений с крестоносцами. Деревянная рукоять меча обвита серебряной с позолотой проволокой. Все металлические детали эфеса — перекрестие и дисковидное навершие — также выполнены из позолоченного серебра. В центре навершия (яблока) сохра-

нились окруженные гравированным орнаментом гнезда, в которые когда-то были вставлены крупные драгоценные или полудрагоценные камни. Деревянные ножны обтянуты зеленым бархатом и почти на треть длины окованы серебром; серебряный наконечник украшен гравированными листьями.

Датируется меч периодом жизни Тимофея-Довмонта — второй половиной XIII века. На сегодняшний день это единственный средневековый меч из числа хранящихся в музеях России, «биография» которого относительно хорошо известна и подтверждается летописными сообщениями. Конечно, полностью ручаться за его принадлежность именно Довмонту нельзя, однако по совокупности всех известных о нем сведений, включая историческую традицию и сходство с мечом на ранних изображениях князя, можно предполагать, что это подлинный меч легендарного Тимофея-Довмонта.

XV

МЕЧ УИЛЬЯМА УОЛЛЕСА

На вершине крутого лесистого холма Абби Крэйг, расположенного в северном предместье старинного шотландского города Стерлинг, над долиной реки Форт, высится Национальный мемориал Уоллеса. Место для памятника выбрано не случайно — именно в ближайших окрестностях Стерлинга разыгрались события двух крупнейших битв шотландской истории: битвы на Стерлингском мосту в 1297 году и битвы при Баннокберне в 1314 году. В 1297 году на холме Абби Крэйг располагался лагерь восставших шотландцев. Отсюда шотландская армия во главе с Уильямом Уоллесом выступила к Стерлингскому мосту, где наголову разгромила англичан, пытавшихся перейти реку Форт.

Памятник в виде массивной неоготической крепостной башни высотой около 70 м был сооружен в 1869 году. Сегодня на первом этаже башни развернута выставка,

рассказывающая о жизни и борьбе Уильяма Уоллеса — национального героя Шотландии. В отдельной витрине выставлен меч Уоллеса — драгоценная реликвия, связанная с памятлимыми событиями борьбы шотландцев против английского завоевания.

Шотландский рыцарь Уильям Уоллес (1272—1305) наряду с его современником Робертом Брюсом является крупнейшей фигурой в истории шотландского Средневековья. В эпоху войн за независимость, которые вела Шотландия на рубеже XIII—XIV веков, его имя стало настоящим знаменем сопротивления. О самом Уоллесе, о его жизни и характере нам сегодня неизвестно почти ничего; дошедшие до наших дней предания о его громадном росте и неимоверной силе довольно туманны и не во всем достоверны. Второй сын небогатого шотландского рыцаря, он, по обычаю того времени, был предназначен к тому, чтобы стать монахом или священником (унаследовать имущество и рыцарское достоинство отца должен был старший сын), но гибель отца в сражении с англичанами в 1291 году полностью изменила его судьбу. В эти годы Шотландия находилась в состоянии глубокого кризиса — последний король из династии Мак-Альпинов Александр III трагически погиб 19 марта 1286 года, не оставив прямого наследника, после чего появилось множество претендентов на опустевший трон. Арбитром в споре попросили выступить английского короля Эдуарда I, однако тот имел

свои собственные тайные планы, и в итоге к концу 1292 года Шотландия оказалась оккупирована англичанами.

Уильям Уоллес одним из первых отказался подчиняться оккупантам. В 1291 году, после убийства английского солдата, он был объявлен преступником и вынужден был вести жизнь изгоя. В 1297 году английский шериф убил жену Уоллеса; в отместку он во главе небольшого партизанского отряда напал на резиденцию шерифа и убил его вместе с его солдатами. Эта акция получила широчайший отклик по всей стране: вся Шотландия восстала, как один человек. Король Эдуард бросил против повстанцев многочисленную армию во главе с Джоном Уорреном, графом Суррейским и своим казначеем Хьюго Крессингемом. У реки Форт близ Стерлинга путь англичанам преградила гораздо меньшая по численности армия шотландцев во главе с Уильямом Уоллесом. Предложения Джона Уоррена о мире были с презрением отвергнуты. «Мы пришли сюда не мириться, а освободить родину», — сказал шотландский вождь. 11 сентября 1297 года разыгралось знаменитое сражение у Стерлингского моста. Из-за тактической ошибки английских военачальников, умело использованной шотландцами, армия короля Эдуарда потерпела сокрушительное поражение, после чего восстание перекинулось на юг Шотландии. В итоге вся страна была освобождена от оккупантов, и армия Уоллеса даже совершила набег на Северную Англию.

У шотландцев по-прежнему не было короля, и волею судьбы Уильям Уоллес оказался во главе освобожденной им страны, получив титул «блюстителя королевства». Между тем английский король Эдуард не собирался легко сдаваться. В 1298 году он двинул в Шотландию новую армию. Измена в рядах шотландцев дала ему возможность настичь отступающую армию Уоллеса и вынудить его принять сражение на неудобной позиции близ Фалкирка. Шотландцы отчаянно сражались, и в какой-то момент чаша весов склонилась в их пользу, однако в итоге англичанам все же удалось одержать верх. Тысячи шотландцев пали на поле битвы. Уоллес с горстью людей с трудом сумел избежать пленения и, покинув Шотландию, отправился во Францию, а оттуда в Рим, пытаясь добиться дипломатической поддержки борьбы шотландцев, однако большого успеха на этом поприще ему достичь не удалось. В 1302 году Уоллес возвратился в Шотландию и, отказавшись воспользоваться королевской амнистией для участников восстания, начал партизанскую войну. Спустя три года англичанам при помощи предателя удалось схватить его. Королевский суд в Лондоне объявил Уоллеса изменником, клятвопреступником и разбойником и приговорил его к поистине зверской казни. Тело его было расчленено; голова героя, в насмешку увенчанная лавровым венком, была насажена на кол и выставлена для публичного обозрения на Вестминстерском мосту, а туловище разрубили

на четыре части, которые потом разослали в Ньюкасл, Берик, Перт и Стерлинг.

Уильям Уоллес был мертв, однако он пробудил Шотландию, и даже поражение при Фалкирке не заставило шотландцев склонить голову; разожженный Уоллесом пожар продолжал полыхать. Борьбу за независимость возглавила группа аристократов во главе с Робертом Брюсом. Во время очередной военной кампании в 1307 году английский король Эдуард I умер. Спустя семь лет его сын, Эдуард II, был разгромлен шотландцами в битве при Баннокберне, и Шотландия вновь обрела независимость; Роберт Брюс занял шотландский трон.

Сегодня Уильяма Уоллеса чтят в Шотландии как национального героя. Его меч — одна из самых известных реликвий шотландской истории. Предполагается, что именно с этим мечом в руках Уоллес сражался в битве у Стерлингского моста в 1297 году и у Фалкирка в 1298 году.

Меч огромен. Он двуручный; его общая длина составляет 1,68 м (при длине клинка — 1,32 м), а вес — почти три килограмма. Исходя из этих параметров, его обладатель должен был иметь рост около 190 см. Легенды утверждают, что Уоллес действительно был очень высок и силен (в некоторых источниках даже называется его рост — 6 футов 6 дюймов, то есть 198 см). В Шотландии XIII столетия средний мужчина имел рост 5 футов 7 дюй-

мов (169 см); таким образом, Уоллес выглядел на этом фоне настоящим гигантом.

О происхождении меча специалисты могут сказать очень немного. На клинке нет никаких клейм производителя. В то же время качество металла (клинок изготовлен довольно грубо) заставляет предположить, что меч, вероятно, был изготовлен в Шотландии. По качеству он заметно уступает мечам, импортировавшимся в ту пору с континента — из Фландрии или Германии; эти мечи были чрезвычайно популярны в среде шотландского рыцарства, особенно зажиточного.

Ширина клинка у основания составляет 2,25 дюйма; ближе к острию она сужается до 0,75 дюйма. Рукоять, как установили специалисты, относится к гораздо более позднему времени: концу XV — началу XVI столетия. На этом основании высказывалось предположение, что весь меч следует считать поздним, относящимся к эпохе Ренессанса, однако исследования показали, что это не так: клинок, несомненно, датируется гораздо более ранним временем, хотя нет никаких однозначных доказательств того, что меч действительно принадлежал Уоллесу. В пользу этого, однако, свидетельствует традиция. Как рассказывает предание, в августе 1305 года, после казни Уоллеса, меч шотландского национального героя был передан сэру Джону Ментэйту, коменданту замка Дамбартон. В стенах этого замка меч хранился на протя-

жении почти 600 лет, неизменно окруженный большим почтением.

В 1505 году шотландский король Яков IV распорядился выплатить некоему мастеру-оружейнику 26 шиллингов за то, чтобы тот «скрепил Уоллесов меч шелковыми шнурами», изготовил для него «новую рукоятку с яблоком», а также «новые ножны и новый пояс». Эти замены, вероятно, должны были придать национальной реликвии более презентабельный вид. Характерно, что еще в 1505 году этот меч твердо считался мечом Уоллеса. Что же касается ножен и пояса, то, согласно легенде, их пришлось заменить потому, что первоначальные ножны и пояс были изготовлены из кожи Хьюго Крессингема, английского военачальника, разбитого Уоллесом в сражении у Стерлингского моста; это, конечно, не более чем легенда.

Эфес, который в настоящее время имеется на мече Уоллеса, очевидно, представляет собой результат той самой реставрации начала XVI столетия. Поперечины сделаны из позолоченного железа и дополнены круглыми гардами. Рукоять обвита темно-коричневой кожей; завершением эфеса служит изготовленное из позолоченного железа яблоко, имеющее луковичную форму.

Меч Уоллеса хранился в замке Дамбартон на протяжении всех последующих веков, постепенно приходя в забвение. В 1803 году его видел и описал известный шотландский поэт Уильям Уордсворт, со своей сестрой Доро-

ти путешествовавший в ту пору по Шотландии. Один из солдат, служивших в гарнизоне Дамбартона, рассказал гостям, что это меч легендарного Уоллеса. Таким образом реликвия вновь попала в сферу общественного интереса.

В 1825 году меч был отправлен на реставрацию в Королевский арсенал, расположенный в лондонском Тауэре. Здесь его осматривал доктор Самуэль Мейрик, авторитетный специалист в области старинного оружия. Исходя из стилия, в котором сделан эфес (а он, как мы теперь знаем, относится только к 1505 году), он заключил, что меч следует датировать концом XV — началом XVI столетия. Он, однако, совершил серьезную ошибку, не приняв во внимание возраст клинка, который, несомненно, старше рукояти. Современные специалисты относятся к экспертизе Мейрика весьма скептически.

Новая волна интереса к мечу начала нарастать после того, как в 1869 году в Стерлинге открылся мемориал Уоллеса. Шотландская общественность и жители Стерлинга начали бомбардировать британское военное ведомство письмами и запросами с требованием передать меч из замка Дамбартон в Национальный мемориал. Военные первоначально отказывались выполнить это требование под тем предлогом, что меч, согласно экспертизе 1825 года, «псенастоящий». Однако в итоге военный министр распорядился передать меч на хранение в мемори-

ал Уоллеса. Пышно обставленная церемония передачи состоялась 17 ноября 1888 года.

С тех пор меч Уоллеса демонстрируется в Национальном мемориале, став фактически главной реликвией, связанной с именем легендарного героя. В глазах многих шотландцев уже не имеет значения, является ли он тем самым мечом, которым пользовался в сражениях Уильям Уоллес. Вполне достаточно того, что этот огромный и действительно старинный меч олицетворяет вполне реальную, масштабную историческую фигуру человека, поднявшегося на борьбу за независимость своей страны, своим примером увлекшего за собой тысячи соотечественников и в итоге одержавшего победу ценой собственной жизни.

XVI

ЩЕРБЕЦ

В древней польской столице Кракове, в готических залах бывшей королевской сокровищницы на Вавельском холме, в стеклянной витрине хранится Щербец — меч, который на протяжении многих столетий традиционно использовался в церемонии коронации польских королей. Ныне это единственная дошедшая до наших дней часть польских коронных драгоценностей — остальные утрачены во время многочисленных войн и политических неурядиц.

Древнейшими регалиями польской короны считаются копье святого Маврикия и золотая диадема, подаренные германским императором Оттоном III князю Болеславу Храброму (992—1025) в 1000 году. В «Хронике Галла Анонима» сообщается, что император, прибывший в польскую столицу Гнезно во время своего паломничества к мощам святого Адальберта (Войцеха), «снял со своей

главы цесарскую диадему и возложил ее на голову Болеслава в знак примирения и дружбы и дал ему в дар гвоздь от Креста Господнего и копье Св. Маврикия».

Этот обряд, строго говоря, не был коронацией. Настоящая коронация Болеслава Храброго — первая в истории польского государства — имела место в 1025 году, незадолго до смерти короля. В период феодальной раздробленности многие князья пытались возродить традицию торжественных коронаций и заказывали себе различные регалии, призванные символизировать их власть. Но лишь в 1-й половине XIV столетия этот обряд утвердился вновь. С этого времени в сокровищнице Вавельского замка появилось еще несколько государственных корон, использовавшихся для различных случаев: напшемная корона Казимира III Великого, короны Сигизмунда II Августа и Анны Ягеллонки, две золотые диадемы XIII века, предположительно изготовленные для Болеслава V Стыдливого и королевы Кинги. Одна из корон была сделана для короля Августа II Саксонского, избранного королем Польши в 1697 году. Ныне она находится в Королевском замке в Дрездене (Германия).

Вплоть до раздела Польши собрание коронных драгоценностей располагалось в Вавельском замке. 15 июня 1794 года в Краков вошли прусские войска. Королевские сокровища были вывезены в Берлин. В 1809 году все шесть польских королевских корон были размонтирова-

ны, а полученные из них золото (25 фунтов 27 лотов) и серебро (9 фунтов 77,8 лота) были пущены на чеканку монеты. Извлеченные из корон драгоценные камни и жемчуг отдали дирекции морской торговли для розничной продажи.

Сегодня из всех прежних важнейших королевских регалий в сокровищнице Вавельского замка остался лишь коронационный меч — символ государственной власти. Предание утверждает, что это именно тот самый меч, который Болеслав Храбрый выпербил, ударив им в Золотые ворота Кисва в 1018 году; отсюда и его название — Щербец. На самом деле киевские Золотые ворота были построены лишь в 1037 году — спустя 12 лет после смерти Болеслава Храброго, а сам меч, как установили исследователи, изготовлен не ранее последней четверти XII века и не позднее 1-й половины XIII века.

О ранней истории меча известно очень мало, причем сведения эти большей частью легендарны. Впервые под названием «Щербец» он появляется в «Хронике Великой Польши», написанной в конце XIV столетия. Согласно этому источнику, князь Болеслав Храбрый получил меч из рук ангела; с этим мечом он якобы отправился в поход на Киев, где меч и получил свою знаменитую щербину... Очевидно, что эта хроника, созданная спустя три столетия после описываемых в ней событий, не может считаться достоверным историческим источником, а рассказ о

сверхъестественном происхождении меча вообще заставляет отнести к ней как к литературному сочинению. Вдобавок регалии первых польских королей, к которым, очевидно, принадлежал меч Болеслава Храброго (если таковой меч вообще существовал), бесследно пропали после того, как чешский король Вацлав II, коронованный в 1300 году в Гнезно в качестве короля Польши, вывез их в Прагу; с той поры о них ничего неизвестно. Таким образом, никаких реальных подтверждений этой версии нет.

Если уж и говорить о том, что какой-то князь по имени Болеслав действительно мог «выщербить» свой меч, ударив им в киевские Золотые ворота, то претендентом на эту роль может считаться только Болеслав Смелый (правил в 1058—1079 гг.), правнук Болеслава Храброго. В 1069 году, помогая своему зятю, киевскому князю Изяславу, изгнанному горожанами, он захватил Киев и жестоко расправился с неспокойными. Вполне вероятно, что это его меч получил прозвание Щербец, — удар мечом в ворота захваченного города, возможно, являлся в ту пору неким ритуальным жестом, символизировавшим победу. Однако в анналах истории не осталось никаких указаний на этот счет.

Исторические источники сохранили память еще об одном Болеславе — Болеславе III Кривоустом (правил в 1102—1138 гг.). Как рассказывает средневековый хронист Винцент Кадлубек (1150—1223), этот князь имел меч

под названием «Журавль». Писец, переписывавший хронику Кадлубска в 1450 году, был уверен, что этот меч и есть легендарный Щербец; во всяком случае, над словом «Журавль» он аккуратно написал пояснение: «Щербец». Были ли эти два меча идентичны? Сегодня специалисты сомневаются в этом. Достоверно можно утверждать только одно: дошедший до наших дней меч был изготовлен на рубеже XII—XIII вв. и, таким образом, не мог принадлежать ни одному из трех вышеупомянутых Болеславов. Кроме того, этот меч с самого начала предназначался для церемоний и никогда не использовался в бою. Наиболее вероятно, что первоначально он представлял собой так называемый меч правосудия (*gladius iustitiae*), знак высшей судебной власти, и принадлежал одному из местных правителей в период раздробленности средневековой Польши.

На рукояти меча некогда имелась серебряная пластинка, ныне утраченная, на которой было выгравировано имя первоначального владельца — некоего князя по имени Болеслав. Точная копия Щербеца, долгое время хранившаяся в замке князей Радзивиллов в Несвиже (Белоруссия) и ныне также утраченная, донесла до нас текст этой надписи: «Болеслав, князь Польши, Мазовии и Ленчицы». Эта надпись, казалось бы, должна многое прояснить, однако она еще больше запутывает дело: в средневековой Польше никогда не было князя с подобным титулом. Ги-

потетически претендовать на эту роль могут князья из династии Пястов Болеслав IV Кудрявый (правил в 1146—1173 гг.) и Болеслав V Стыдливый (1243—1279), а также Болеслав I Мазовецкий (1229—1248) и Болеслав Набожный, князь Великопольский (1239—1247); как видим, круг претендентов достаточно широк, так что проблема происхождения меча остается нерешенной до сих пор.

Впервые меч был употреблен в качестве коронационного в 1320 году, при восшествии на престол Владислава Локотка, воссоединившего большую часть польских земель. Возможно, он унаследовал Щербец от своего дяди — Болеслава I Мазовецкого — или от своего тестя — Болеслава Набожного; если же меч принадлежал одному из двух других Болеславов, столицей которых был Краков, то Владислав Локоток мог просто найти его в королевской сокровищнице на Вавеле.

С этих пор Щербец стал неотъемлемой частью коронных драгоценностей и до 1764 года использовался при коронации всех польских монархов за исключением Владислава II Ягелло (1386), Стефана Батория (1576), Станислава I Лещинского (1705) и Августа III Сильного (1734). Во время ритуала коронации королю вручали меч после его помазания, но прежде возложения короны на голову. Глава польской церкви, архиепископ Гнезненский, торжественно брал в руки лежащий на алтаре обнаженный меч и вручал его стоящему на коленях королю.

При этом он произносил традиционную формулу, в которой перечислялись обязанности монарха: он должен был использовать этот меч, чтобы править справедливо, защищать Церковь, бороться со злом, оберегать вдов и сирот и «восстанавливать то, что повреждено, поддерживать то, что восстановлено, мстить за то, что несправедливо». Приняв из рук архиепископа меч, король передавал его коронному мечнику, который вкладывал оружие в ножны. Примас, которому помогали два мечника — коронный и литовский, — прикреплял ножны к поясу короля. После этого король поднимался с колен и, повернувшись лицом к зрителям, обнажив меч, трижды осенял себя крестным знаменем, после чего вновь вкладывал меч в ножны.

Вместе с другими королевскими регалиями Щербец хранился в Краковском кафедральном соборе, а позже был перенесен в коронную сокровищницу в Вавельском замке. За всю свою долгую историю он лишь несколько раз покидал стены Вавеля. В 1370 году венгерский король Лайош I, избранный на польский трон под именем Людовика I, вывез коронные драгоценности наряду с мечом в Буду. Его преемник на венгерском троне Сигизмунд (Жигмонд) I вернул их в Краков только в 1412 году. Дважды — в середине XVII и в начале XVIII столетия — Щербец и другие коронные сокровища вывозили в Силезию, чтобы спасти их от вторгшихся шведских армий. В 1733 году, во время «войны за польское наследство», сторонники коро-

ля Станислава Лещинского выкрали коронные драгоценности и в течение трех лет прятали их в разных местах, стремясь не допустить коронации своего противника, Августа III Саксонского. В 1764 году Щербец участвовал в церемонии возведения на престол последнего польского короля, Станислава Августа Понятовского.

В 1795 году, когда королевская сокровищница была разграблена пруссаками, меч вывезли в Германию. В 1809—1811 годах большая часть польских коронных драгоценностей была уничтожена, а некоторые предметы, включая Щербец, выставлены на продажу. В 1819 году меч оказался в руках князя Дмитрия Лобанова-Ростовского, российского министра юстиции, который предпринял попытку продать Щербец Винценту Красинскому, спикеру польского сейма и известному в ту пору коллекционеру старинного оружия. Истинного происхождения меча Лобанов-Ростовский не раскрывал, утверждая, что это трофей недавней русско-турецкой войны (1806—1812 гг.). Красинский, подозревая, что это все же Щербец, но не будучи уверенным в его подлинности, обратился за консультацией к Себастьяну Кампи, профессору Варшавского университета. Изучив присланную ему литографию меча, Кампи заподозрил подделку. Таким образом, сделка сорвалась, и в итоге Лобанов-Ростовский продал меч в коллекцию А.Н. Демидова, князя Сан-Донато. Более полувека меч хранился на его вилле близ Флоренции, а в

1870 году его приобрел за 20 000 франков А.П. Базилевский, российский посол во Франции. В 1878 году Щербец демонстрировался на Всемирной выставке в Париже, где впервые был опознан как древний коронационный меч польских королей. В 1884 году вся коллекция Базилевского была куплена императором Александром III для Эрмитажа. Споры по поводу подлинности меча не утихали еще долгие годы; так, на Международном музейном конгрессе, состоявшемся в Петербурге в 1913 году, он был объявлен точной копией XVII столетия.

В 1928 году, согласно условиям Рижского мирного договора 1924 года между Советской Россией и Польшей, Щербец был возвращен на Вавель. В сентябре 1939 года, когда началась Вторая мировая война, меч удалось вывезти во Францию, а в 1940 году, после падения Франции, — в Канаду вместе с золотым запасом польского государственного банка. Лишь в 1959 году Щербец снова вернулся на родину.

Исторический меч имеет сравнительно небольшие размеры: общая длина — 98,4 см, длина клинка — 82 см, максимальная ширина клинка — 5 см. За истекшие столетия форма клинка, возможно, отчасти изменилась из-за коррозии и интенсивной чистки и полировки, которой подвергался меч перед каждой коронацией. Эфес состоит из круглого яблока, плоской, прямоугольной в поперечном сечении рукояти и полукруглой гарды. Все части

эфеса покрыты пластинами-обкладками — золотыми и серебряными с позолотой, украшенными изображениями, выполненными в технике «ньелло» (чернение) и датированными XIII—XIV веками. Яблоко украшено растительным орнаментом, а на одной его стороне помещен тетраграмматон — монограмма Христа, состоящая из греческих литер «тау», «альфа» и «омега», увенчанных крестами. На рукояти представлены символы двух евангелистов: орел святого Иоанна и ангел святого Матвея, а также Агнец Божий — символ Христа. Они окружены надписью: **HEC FIGURA VALET AD AMOREM REGUM ET PRINCIPUM IRAS IUDICUM** («Сия ознака влияет на любовь королей и князей, на гнев судей»). Обратная сторона рукояти украшена львом святого Марка, волком святого Луки и еще одним изображением Агнца Божьего. В навершии изображены имена четырех евангелистов: **IHOANNES, MATTHEUS (Матфей), MARCUS, LUCAS**. На гарде с одной стороны выгравирован древнесврейский текст, начертанный латинскими буквами: **CON CITOMON EEBE SEDALAI EBREHEL** («Беззавестную веру возбуждают имена Бога Седалаи и Эбрехель»). С другой стороны — его продолжение, но уже на латинском: **QUICUM QUE HEC NOMINA DEI SECUM TULERIT PERICULUM EL OMNINO NOCEBIT** («Когда кто-либо те имена Бога при себе носить будет, тому ни одна опасность не повредит»). Во время реставрации, проведенной А.П. Базилев-

ским в XIX веке, часть обкладок рукояти была перемещена, и в настоящее время их расположение отличается от первоначального.

Узкие стороны рукояти также были украшены серебряными с позолотой пластинками, утраченными в XIX столетии. Содержание имевшихся на них надписей отчасти известно из зарисовок, сделанных Христофором Вернером, придворным живописцем короля Станислава Августа, в 1764 году. Одна из пластин была к тому времени уже сломана, и на ней сохранилась только часть надписи: *Iste est gladius... Boleslai Duc...* («Это меч... князя Болеслава...»); продолжение ее имелось на другой пластине: *Cum quo ci Dominus SOS [Salvator Omnipotens Salvator] auxilie tur adversus partes amen* («С которым Господь Спаситель, дабы помогал ему против неприятеля, аминь»). Недостающая часть первой надписи известна по точной копии Щербца, которая когда-то принадлежала семье Радзивиллов: *Iste est gladius Principis et haeredis Boleslai Ducis Poloniae et Masoviae, Lanciciae* («Это меч наследственного принцепса Болеслава, князя Польши, Мазовии и Ленчицы»). Выше уже говорилось о том, что князя с таким титулом в средневековой Польше никогда не существовало.

На клинке меча, в самом его начале, сегодня можно видеть длинную прямоугольную прорезь размерами 6,4×0,9 см. Это след от коррозии, иногда ошибочно трактуемый как ячейка для хранения реликвий. В XIX сто-

летию он был расточен и приобрел правильную форму. Сейчас это отверстие закрывает треугольный эмалевый щиток с изображением польского герба, который некогда находился на утраченных ножнах меча. Ножны с золотой оковкой были созданы, вероятно, в 1320 году и утрачены между 1819 и 1874 годами. Сегодня щиток — единственный сохранившийся элемент ножен.

Сомнения по поводу аутентичности Щербеца, приобретенного в свое время князем Лобановым-Ростовским, родились не на пустом месте. Дело в том, что к тому времени уже существовали как минимум две точные копии этого исторического меча. Одна из них, как говорилось выше, хранилась в фамильном замке Радзивиллов в Несвиже, и ее дальнейшая судьба после 1812 года (когда замок был разграблен в ходе военных действий) неизвестна. Некоторые эксперты еще в XIX столетии высказывали версию, что именно этот меч, а не подлинный Щербец попал в руки Лобанова-Ростовского. Согласно инвентарной описи 1740 года (включающей в себя детальное описание меча, вплоть до надписей на нем), Несвижский меч был подарен князю Михаилу Казимежу Радзивиллу (1702—1762) Якубом Собеским (1667—1737) — сыном короля Яна III Собеского. Семья Собеских, в свою очередь, также имела в качестве фамильной реликвии некий меч, упоминаемый в инвентарной описи имущества, хранящегося в сокровищнице Собеских в замке Жолквс (ныне Жолква,

Украина). Эта опись, датированная 1738 годом, сообщает о нем следующее: «кончар¹, покрытый золотыми пластинами, имеющими изображения четырех евангелистов; Скандербега». Последняя фраза выглядит просто парадоксальной, поскольку возводит происхождение меча к национальному герою Албании Скандербегу (1405—1468). На этом основании даже высказывалась гипотеза о том, что первая копия Щербеца была изготовлена и подарена Скандербегу еще в середине XV столетия. Позднее она неисповедимыми путями попала во владение семьи Собеских (это могло произойти, например, в 1683 году, когда Ян Собеский разгромил турок под Веной), а затем Якуб Собеский подарил меч Радзивиллу... Существуют, однако, большие сомнения в том, являются ли Жолкевский меч 1738 года и Несвижский меч 1740 года одним и тем же мечом.

Зато со второй известной копией Щербеца дело обстоит намного проще: она была произведена, вероятно, в Дрездене в начале XIX столетия, в то время, когда оригинал находился в прусских руках. Меч изготовлен без претензий на точность: рукоять вырезана из кости, а надписи в технике «нэслю» заменены простой черной краской. На яблоке вместо тетраграмматона и надписей изображен герб Речи Посполитой; клинок первоначально был значи-

¹ Кончар — меч с длинным узким трех- или четырехгранным клинком.

тельно короче, чем у оригинала. Этот меч, изготовленный с неизвестной целью, был приобретен в Дрездене польским историком искусств Эдвардом Раставецким, который в 1869 году пожертвовал его краковскому Ягеллонскому университету. В годы Второй мировой войны меч был утерян, но в 1947 году неожиданно оказался в США. В конце 1940-х годов он подвергся реконструкции: короткий клинок был заменен длинным, и на нем в подражание Щербецу было прорезано прямоугольное отверстие, к которому с обеих сторон прикреплены два маленьких геральдических щита. В таком виде в 2003 году обновленный меч был возвращен в Ягеллонский университет.

XVII

ГРЮНВАЛЬДСКИЕ МЕЧИ

«...В ярких лучах солнца было ясно видно, как они подъезжают на рослых, покрытых попонами боевых конях; у одного из них на щите был императорский черный орел на золотом поле, у другого, который был герольдом князя Щецинского, — гриф на белом поле. Ряды воинов расступились перед ними, и, спешившись, герольды через минуту предстали перед великим королем; склонив головы и воздав тем самым ему почести, они приступили к делу.

— Магистр Ульрих, — сказал первый герольд, — вызывает вас, ваше величество, и князя Витовта на смертный бой и, дабы поднять дух ваш, а храбрости у вас, видно, мало, посылает вам эти два обнаженных меча.

С этими словами он сложил мечи у королевских ног».

Эта сцена, описанная в известном романе Генрика Сенкевича «Крестоносцы», послужила прологом к знаменитой

битве при Грюнвальде, состоявшейся 15 июля 1410 года. Исход этой битвы памятен всем: объединенная польско-литовская армия нанесла решительное поражение силам Тевтонского ордена. А два меча, присланные магистром Ульрихом фон Юнгиненом польскому королю Владиславу II Ягелле и великому князю литовскому Витовту, после битвы очутились в Кракове, в коронной сокровищнице на Вавеле. Зловещие символы германской агрессии отныне стали олицетворением великой победы над Тевтонским орденом. С конца XV века Грюнвальдские мечи были подняты к рангу государственных и вошли в число королевских регалий. Во время коронации их несли перед королем как символы объединенного государства двух народов — Польши и Литвы. В промежутках между коронациями они хранились в коронной сокровищнице вместе с двумя другими государственными мечами: легендарным Щербцом и *Sigismuntus Iustus* — мечом короля Сигизмунда Старого (Сигизмунда I, правил в 1506—1548 гг.), который обычно использовался при посвящении в рыцари.

Внешне Грюнвальдские мечи ничем особенным не отличались. Это были простые средневековые рыцарские боевые мечи с длинными прямыми клинками. Лишь в XVIII столетии их рукояти были позолочены, а на клинках помещены плакетки с гербами Польского королевства и Великого княжества Литовского. Происхождение мечей

не вполне ясно: согласно одной из версий, они принадлежали тухольскому комтуру Генриху фон Швельборну, который, согласно Сенкевичу, «покаялся, что прикажет носить перед собой два обнаженных меча до тех пор, пока не обагрят их польской кровью»¹. В битве под Грюнвальдом этот комтур, однако, не проявил никаких чудес мужества — напротив, он позорно бежал с поля битвы, был настигнут погоней и убит.

Что же касается обстоятельств отправки великим магистром к польскому королю герольдов с мечами, то тут история выглядит несколько запутанней. Собственно говоря, весь этот рассказ, в некоторых своих чертах напоминающий просто красивую легенду, дошел до нас благодаря Яну Длугошу (1415—1480) — известному польскому хронисту, автору 12-томных «Анналов» (*Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae*), более известных как «Хроника Длугоша», и многих других исторических сочинений. Его отец сражался под Грюнвальдом и за свои боевые заслуги получил после битвы должность помощника старосты (королевского наместника) в Бжезнице. Казалось бы, Длугош должен был иметь информацию

¹ По Длугошу: «...Генрих, командор тухольский, спесь, ослепление и дерзость которого дошли до того, что, отправившись в этот поход, он приказывал, куда бы он ни шел, нести перед собой два обнаженных меча. Когда некоторые честные и скромные люди советовали ему не вести себя так надменно, то он обязался клятвой, что не вложит этих мечей в ножны, пока не обагрят их оба кровью поляков».

об этом сражении из первых рук. Однако, рассказывая о Грюнвальдском сражении, он не удержался и постарался несколько расцветить свое повествование яркими, но малодостоверными сценами (надо добавить, что этот летописец вообще имел некоторую склонность к литературной фантазии).

Прибытие в стан польского короля двух герольдов с мечами Длугош описывает так:

«...когда король уже хотел надеть шлем на голову и ринуться в битву, вдруг возвещают о прибытии двух герольдов; один из них нес знамя короля римлян, именно с черным орлом на золотом поле, а другой — князя Щецинского, с красным грифом на белом поле. Герольды выступили из вражеского войска, неся в руках два обнаженных меча без ножен, требуя, чтобы их отвели к королю, и были приведены к нему под охраной польских рыцарей во избежание оскорблений. Магистр Пруссии Ульрих послал их к королю Владиславу, чтобы побудить его немедленно завязать битву и сразиться в строю, прибавив к тому же еще и дерзостные поручения...».

Оказав королю подобающее уважение, послы изложили на немецком языке цель своего посольства, причем переводил Ян Менжик таким образом: “Светлейший король! Великий магистр Пруссии Ульрих шлет тебе и твоему брату (они опустили как имя Александра, так и зва-

ние князя¹⁾ через нас, герольдов, присутствующих здесь, два меча как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты выказываешь, вступил в бой и не таился дольше, затягивая сражение и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты считаешь поле тесным и узким для развертывания твоего строя, то магистр Пруссии Ульрих, чтобы выманить тебя в бой, готов отступить, насколько ты хочешь, от ровного поля, занятого его войском; или выбери любое Марсово поле, чтобы дольше не уклоняться от битвы". Так сказали герольды. И в самый момент этого объявления замечено было, что войско крестоносцев, в подтверждение сказанного герольдами, отступило на значительное расстояние, чтобы видно было, что оно на деле подтверждает достоверность заявления герольдов.

Это заявление было, конечно, глупым и неподобающим набожности крестоносцев: как будто бы им было ведомо, что успех находится в их власти и что кому судьба определит в этот день. Владислав же, король Польши, выслушав дерзкое и заносчивое посольство крестоносцев, принял мечи из рук герольдов и без всякого раздражения и негодования, а со слезами, без какого-либо осуждения, но с удивительным, как бы небесным смирением, терпением и скромностью дал герольдам ответ:

¹ Речь идет о великом литовском князе Витовте-Александре.

«Хотя у меня и моего войска достаточно мечей и я не нуждаюсь во вражеском оружии, однако ради большей поддержки, охраны и защиты моего правого дела и эти посланные моими врагами, жаждущими моей и моего народа крови и истребления, два меча, доставленные вами, я принимаю во имя Бога и прибегну к ним, как к справедливейшему карателю нестерпимой гордыни, к его матери, Деве Марии, и заступникам моим и королевства моего, святым Станиславу, Адальберту, Венцеславу, Флориану и Ядвиге. Я буду молить их обратить гнев свой на них, как на столь же дерзких, сколь и нечестивых врагов; ведь врагов моих нельзя утишить и умиротворить ни справедливостью, ни смирением, ни предложениями моими, пока они не прольют кровь, не растерзают утробу и не наденут нам на шею ярма. На надежнейшей защите Божией и его святых и их поддержке и заботе покоится моя уверенность, что они поддержат меня и мой народ силами своими и своим заступничеством и не допустят, чтобы я и народ мой были повержены столь лютыми врагами, у которых столь часто я искал мира. И в настоящий момент я не отверг бы мира, если бы он был возможен на справедливых условиях; я отвел бы даже теперь занесенную для битвы руку, если бы даже видел в этих двух мечах, принесенных вами, явное небесное знамение, предвещающее мне победу в бою. Выбора же поля битвы я для себя не требую и не притязую на это, но, как подобает христианину, человеку и

королю, установление его я предоставляю божественной воле, чтобы получить то место для сражения и тот исход войны, какие будут определены Божественной милостью и счастьем нынешнего дня; я уверен в том, что Всевышний положит ярости крестоносцев конец, которым и ныне и на будущее время укрощена будет их столь нечестивая и нестерпимая гордыня, ибо я твердо знаю, что вышние силы будут стоять за правое дело. Поле, на котором мы стоим и где нам предстоит сразиться, Марс, равный для обеих сторон, и справедливый судия подавят и унижат великую, превозносящуюся до небес гордыню моих врагов, по упованию моему, что Бог окажет помощь мне и моему народу в предстоящей битве».

Увлечшись романтической стороной повествования и вкладывая в уста своих героев велеречивую риторику, Длугош тем не менее интуитивно обращает внимание на одну важную деталь: горделивое заявление великого магистра, переданное устами герольдов, действительно было «неподобающим набожности крестоносцев». И потому: почему крестоносцы прислали польскому королю именно два меча, а не один, не пять и не десять? Что они хотели этим сказать? Что таится за этой символической?

Чтобы понять это, обратимся к книге, представляющей собой альфу и омегу христианской жизни. Речь идет о Библии. Эпизод с двумя мечами встречается нам в Евангелии от Луки (22: 36—38):

«Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч; ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: “и к злодеям причтен”. Ибо то, что о Мне, приходит к концу.

Они сказали: Господи! Вот здесь два меча.

Он сказал им: довольно».

О великом магистре Тевтонского ордена Ульрихе фон Юнгинене современники и позднейшие историки рассказывали всякое, но никто, кажется, не отрицал и не отрицает того факта, что это был набожный, рассудительный и уважаемый человек. По свидетельству того же Яна Длугоша, он до последнего часа рассчитывал на мирные переговоры с польским королем и только под давлением своих ближайших соратников решился бросить свои войска в битву. К слову сказать, Длугош и здесь не удержался от пафоса, объясняя колебания великого магистра его слабостью и нерешительностью:

«В это время магистр крестоносцев Ульрих фон Юннген, увидя, что и королевские, и его войска в великом множестве сошлись и стоят в боевом строю, по отрядам, готовые к сражению, устранился и, сменив самонадеянность, которая обуяла его до дерзости, на тревогу, удалился в сторону и не только предался скорби, но даже дал волю обильно текущим слезам. Между тем такое поведение магистра очень не понравилось его командорам, толпа ко-

торых его окружала; эльбингский командор Вернер Теттинген, подойдя к нему, при всех стал попрекать, убеждая вести себя как мужчина, а не как женщина, и лучше подать пример мужества, чем малодушия, своим рыцарям, ожидающим от него знака к битве. Без гнева снеся этот попрек, магистр Ульрих отвечает, что он пролил слезы, которые все видели, не по какой-либо робости или малодушию, а в силу своей набожности и истинной скорби о том, что именно при его магистерстве и правлении будет пролито столь много христианской крови, что даже тот, кто не станет очевидцем, сможет получить об этом представление. Он страшится также, как бы уже пролитая кровь и та, что сейчас будет пролита, не была бы взыскана с него, и поэтому он не в силах скрыть тревоги или скорби и горестных предчувствий. Он добавил также, что как муж решительный пойдет в битву без страха и в час испытаний будет тверд до конца, на чью бы сторону ни выпал жребий. А Вернер Теттинген пусть лучше смотрит за собой, заботясь лучше о себе и о своей особе, звании и положении; пусть он не мнит о себе и о своих силах столь надменно и высокомерно, чтобы, когда наступит битва, не пасть с тем большим позором, чем надменнее он превозносится над прочими».

Итак, великий магистр до самого последнего момента стремится оттянуть начало сражения. Что же тогда означает его послание — два обнаженных меча? В свете

вышеприведенной цитаты из Евангелия оно, очевидно, должно было звучать так: «Мы здесь по поручению Господа. Мы имеем с собой два меча, о которых заповедал нам Христос, чтобы обороняться, но мы готовы отдать их вам, если вы подчинитесь и повернете назад» (к слову сказать, Грюнвальдская битва вовсе не явилась результатом нападения крестоносцев на поляков, как это представляют некоторые авторы). Иными словами, это было предложение вооруженного мира. Однако ни король Ягелло и его советники, ни Ян Длугош и позднейшие историки не поняли аллегорического языка, которым изъяснялся великий мастер. В то время в стане поляков, хотя и давно уже принявших крещение, вряд ли бы нашелся богослов, который растолковал бы королю смысл послания, а войско литовского князя вообще состояло либо из новообращенных христиан, либо язычников. Вид обнаженных мечей вызвал в среде польского рыцарства ярость, как это ярко передает Ян Длугош, вложивший в уста короля Владислава Ягелло гордые слова: «У меня и моего войска достаточно мечей, и я не нуждаюсь во вражеском оружии!» Как события развивались дальше — известно.

Существует и иная версия отправки мечей в лагерь короля Ягелло: видя, что великий магистр колеблется, орденский маршал Фридрих фон Валленрод самостоятельно, без ведома Ульриха фон Юнингена, распорядился отослать к полякам двух герольдов с мечами, рассчитывая

тем самым спровоцировать короля на боевые действия. Дело в том, что к тому времени крестоносцы, построенные в боевой порядок, уже несколько часов — на жаре, в кошном строю — ожидали начала сражения, в то время как Ягелло во главе польского рыцарства остановился на берегу озера Любень, поджидая далеко отставшую пехоту и обозы. Эту задержку ряд историков впоследствии истолковали в пользу короля: якобы он до последней минуты ждал от крестоносцев предложения мира, но присланные мечи окончательно перечеркнули его надежду. Оставалось одно — идти в бой...

Как бы то ни было, Грюнвальдские мечи, отправленные после битвы в коронную сокровищницу в Кракове, на долгие годы стали историческими реликвиями, живой памятью о великой битве. «Упомянутые два меча, дерзостно посланные крестоносцами в помощь польскому королю, хранятся и по сей день в королевской сокровищнице в Кракове, служа всегда новым и неувядающим напоминанием на будущее время о дерзости и поражении одной стороны и о смирении и торжестве другой», — пишет Длугош.

На протяжении трех веков без Грюнвальдских мечей не обходилась ни одна церемония коронации. Только в 1733 году случился казус: на польский престол объявились сразу два претендента — Станислав Лещинский и саксонский курфюрст Август III Сильный. Сторонники

Лещинского похитили мечи, а также другие коронационные регалии и вывезли их в Ясногорский монастырь в Ченстохове. В итоге для коронации Августа III, состоявшейся в 1734 году, пришлось срочно изготовить пару других мечей (ныне эти мечи хранятся в сокровищнице саксонских королей в Дрездене).

В краковской сокровищнице Грюнвальдские мечи оставались до 1795 года. В том году в ночь с 3 на 4 октября сокровищница была разграблена прусскими солдатами. Польские коронационные регалии были вывезены в Берлин и в 1811 году по распоряжению короля Фридриха Вильгельма III уничтожены.

Судьба Грюнвальдских мечей, однако, была иной. Прусские солдаты, очевидно, не зная их истории и не осознавая их значения, не тронули их. Этим сумел воспользоваться Тадеуш Чацкий — известный деятель польской культуры той поры. С согласия австрийского императора Франца II Габсбурга он вывез мечи из Кракова и передал их в частное собрание князей Чарторыйских. Как показали дальнейшие события, этот ход, хотя и предпринятый из благих побуждений, оказался ошибочным: если бы мечи остались в краковском хранилище, то они, по-видимому, благополучно пережили бы времена австрийского владычества. Габсбурги совершенно не интересовались краковской сокровищницей (к тому же уже разграбленной) и не проявляли никакого внимания к тому, что в ней находи-

лось. Покинув же стены Вавельского замка, мечи оказались игрушками в руках случая...

В 1830 году, после поражения Ноябрьского восстания, частный музей в Пулавах, основанный в 1796 году княгиней Изабеллой Чарторыйской, был ликвидирован. Часть его экспонатов была вывезена за границу, другая часть рассредоточена и спрятана в тайниках или передана на хранение надежным людям. Таким образом ряд предметов оказался в руках приходского священника Юзефа Добржинского, настоятеля храма в селении Влостовицы (Влостово). Очевидно, в числе этих предметов были и Грюнвальдские мечи.

В 1848 году в доме священника появились русские жандармы. Они реквизировали часть хранившихся там предметов, в том числе старые шведские и турецкие знамена. Однако мечи «всплыли» из небытия только в мае 1853 года. После смерти священника Добржинского во Влостовицы приехал некто Япунский, представитель частного музея князя Андрея Замойского, который, как наследник, имел право претендовать на оставшееся имущество музея Чарторыйских. Однако местный войт (староста) наотрез отказался отдать старые книги, которые, по его словам, могли представлять собой неблагонадежную литературу, и «древнее оружие», которое он считал нелегальным. Таким образом, Грюнвальдские мечи, попавшие в список «нелегального оружия», вместо того чтобы

попасть в музей, были вывезены в отдел жандармерии в Люблин, а оттуда — в штаб русского военного гарнизона в Замостье. Здесь их следы окончательно теряются.

Память об этих исторических реликвиях не умирала никогда. В годы Второй мировой войны Грюнвальдские мечи, хотя и исчезнувшие, стали символом борьбы с германизмом. В 1943 году польские партизаны из Народной армии (Армия людова) учредили орден под названием «Крест Грюнвальда», которым награждались бойцы и подпольщики, а позднее — солдаты и офицеры Войска польского и иностранные граждане, отличившиеся в боях с немецкими оккупантами за свободу и независимость Польши. Этот орден (отмененный в 1992 году) имел три степени отличия, но кресты всех трех степеней имели на лицевой стороне знака, в самом центре, щит с изображением Грюнвальдских мечей, обращенных остриями вниз.

Сегодня в собрании музея Чарторыйских в Кракове имеется меч XV века, который, как считается, происходит с поля Грюнвальдского сражения. Одно время предполагалось, что это один из двух овечьих легендами Грюнвальдских мечей, однако сегодня это со всей определенностью исключено. Можно предположить, что Грюнвальдские мечи — вместе или порознь — до сих пор хранятся в запасниках какого-либо из российских музеев с пометкой «Мечи западноевропейские рыцарские, XV в. Происхождение неизвестно». По мнению специалистов,

выявить эти мечи и доказать их аутентичность практически невозможно, поскольку в XIX веке музейные экспонаты не документировались и тот факт, что они происходят из собрания Чарторыйских, нигде не мог быть отмечен; кроме того, за прошедшие десятилетия оружие не раз могло сменить владельцев. Так что, вероятнее всего, следует считать, что Грюнвальдские мечи пропали навсегда.

XVIII

ЗАГАДОЧНЫЙ МЕЧ ЖАННЫ Д'АРК

...Судьи буквально буравили глазами стоящую перед ними узницу:

— Вы были в Сент-Катрин-де-Фьербуа?

Узница, девушка приблизительно девятнадцати лет, спокойно и кротко отвечала:

— Да, я отстояла там три Святых мессы в один день.

Девушку звали Жанной. Она не знала в точности, какая ее фамилия, но судьям сказала, что ее отец именовался Жаком д'Арк...

— И что было после этого?

Судьи были явно заинтересованы.

— После этого я отправилась в замок Шинон, откуда послала письмо королю, желая узнать, позволит ли он мне увидеться с ним; я написала, что проехала сто пятьдесят лье, чтобы прийти на помощь ему, и что у меня есть

для него много хороших вестей. Еще я помню, что в моем письме была приписка, что я должна узнать короля среди других людей.

Девушка догадывалась, с каким намерением ей задан был вопрос, и ловко обошла стороной предмет, о котором так настойчиво допытывались ее судьи. Вместо этого она рассказала им о своей первой поездке в Шинон. Однако членов трибунала интересовало совсем другое...

— Расскажите нам о мече! — рявкнул один из судей.

— У меня был меч, который я взяла в Вокулёре, — ответила узница.

— Конечно, его дал вам Робер де Бодрикур, — заметил другой судья.

Жанна молчала.

— Расскажите нам о мече, который был найден в церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа! — прямо потребовал третий член трибунала.

Девушка глубоко вздохнула и подняла глаза к небесам. Ах, этот меч... Меч с небес, неисповедимыми путями ниспосланный на землю и укрытый близ алтаря Святой Екатерины в церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа... Даже ее судьи уже что-то слышали об этой истории. Возможно, вся Франция уже знает об этом. Но, раз слухи о чудесном мече так широко распространились, святая Екатерина, возможно, не будет возражать, если она все расскажет этим людям?

— Когда я была в Туре или в Шиноне, то послала в церковь Сент-Катрин-де-Фьербуа за мечом. Он был укрыт в земле, за алтарем, и его сразу там нашли; он был покрыт ржавчиной, и на нем были выбиты пять крестов.

— Как вы узнали, что этот меч находится там?

— Мне сказали об этом мои голоса. Один оружейник из Тура отправился его искать.

— Расскажите нам о человеке, которого вы послали искать меч!

— Я никогда не видела этого человека. Я только написала тамошним священникам, хотят ли они, чтобы у меня был меч, и они отправили его мне.

— Этот меч хранился вместе с другими реликвиями или нет?

— Он был спрятан в земле, не очень глубоко, позади алтаря. Так мне показалось, хотя я не помню точно, перед алтарем или за ним; но я полагаю, что я написала в письме, что меч укрыт за алтарем. Как только его нашли, священники протерли меч, и ржавчина сразу и без усилий отошла. Прелаты из Фьербуа потом подарили мне ножны для этого меча, и священники из Тура также: одни из темно-красного бархата, а другие из золотой парчи, но я сама распорядилась сделать еще одни ножны из прочной грубой кожи. Я всегда носила при себе этот меч, пока не покинула Сен-Дени после нападения на Париж...

Судьи продолжали настойчиво расспрашивать ее:

— Какое благословение или какие силы вы призывали на этот меч?

Жанна возмутилась:

— Я не призывала никакие силы и никакого благословения на меч. Я даже не знаю, как приступить к этому. Но мне был этот меч дорог, потому что его нашли в церкви Святой Екатерины, а эту святую я очень люблю.

— Нам известно, что иногда вы клали свой меч на алтарь; поступая так, вы рассчитывали, что ваш меч обретет дополнительную силу?

— Я не очень разбираюсь в этом...

Конечно, она не призывала на свой меч никакие силы. И она ясно видела, что хитроумные судьи пытаются заманить ее в ловушку, чтобы обвинить в колдовстве и суеверии.

Между тем допрос продолжался:

— Но вы молились о том, чтобы небеса ниспослали удачу вашему мечу?

Она рассмеялась:

— Я жалею, что этой удачи не было у моих доспехов!

Действительно, доспехи плохо защищали Жанну. При взятии Орлеана арбалетный болт вонзился ей в плечо, а во время неудачного штурма Парижа стрела пробила ей бедро... Учитывая эти два события, ей логичнее было бы желать себе лучшей брони. Но судьи все же интересовались ее мечом, а не доспехами:

— Был ли ваш меч при вас, когда вы были взяты в плен?

— Нет, при мне был тот меч, который я взяла у одного бургундца.

— А где вы оставили меч Фьербуа? — живо спросил один из судей.

— Это был тот самый меч, который вы пожертвовали в аббатство Сен-Дени? — перебил его другой.

Жанна сперва ответила второму судье:

— Да, я пожертвовала аббатству Сен-Дени свой меч и доспехи, но это был не тот меч.

Потом, обратившись к первому судье, добавила:

— Тот меч был у меня до Ланьи; от Ланьи до Компьена я носила меч того самого бургундца. Это был хороший боевой меч.

— Где ваш меч Фьербуа теперь? — настойчиво повторил свой вопрос судья.

Темные глаза Жанны неожиданно сверкнули яростью:

— То, что случилось с моим мечом, не имеет никакого отношения к делу, и я не буду отвечать на ваши вопросы. Все мое имущество осталось у моих братьев — мои лошади, мой меч и, насколько я знаю, все остальное; все это стоит больше двенадцати тысяч крон...

Слухи о том, что Жанна обладает каким-то чудесным оружием, начали широко распространяться вскоре после снятия осады с Орлеана. «Она нашла в какой-то церкви

старинный меч, который, как говорят, был помечен девятью крестами; и больше у нее никакого другого оружия нет», — говорилось в одном частном письме, посланном 9 июля 1429 года из Брюгге в Венецию. О загадочном мече упоминают несколько хроник, в том числе и самая ранняя, Ларошельская; по версии последней, меч был найден не в земле, а в сундуке, который не открывали двадцать лет.

На протяжении всей ее недолгой, но блестящей карьеры у Жанны д'Арк было несколько мечей. Один из них подарил комендант Вокулёра Робер де Бодрикур, другой Жанна добыла в сражении у какого-то бургундца, город Клермон преподнес ей два меча и кинжал. Но главным — как для нее, так и для ее современников — всегда оставался меч, при таинственных обстоятельствах найденный в аббатстве Сент-Катрин-де-Фьербуа. Этот меч оставался при ней вплоть до того дня, когда Жанна отвела свою армию из-под Парижа после неудачной попытки штурма французской столицы (8 сентября 1429 г.).

Легендарное происхождение меча вполне соответствовало репутации Жанны как спасительницы Франции, которая сложилась еще до снятия осады с Орлеана. Все ее действия выглядели в глазах простых французов необычными (строго говоря, они такими и были) и вызывали огромный интерес. Тот факт, что она стала обладательницей чудесного меча, о существовании которого прежде никто не знал, и что этот загадочный меч был спрятан

именно там, где подсказали Жанне таинственные «голоса», был воспринят как несомненное чудо. В течение недолгого времени эта история распространилась по всей Франции. Чудесный «меч Фьербуа» стал атрибутом образа девы-воина, молва связывала с ним все военные успехи Жанны. В конечном итоге даже ее судьи были весьма обеспокоены легендой о чудесном обретении меча, видя в ней признаки колдовства (хотя в конце концов в этом пункте обвинение с Жанны было снято). Со временем в откликах современников Жанны д'Арк, а также в сочинениях XVI—XVII веков меч из церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа стал занимать все более и более важное место.

История того, как Жанна нашла свой меч, действительно весьма интригующая. Согласно ее собственным словам, о том, что меч укрыт за алтарем церкви Святой Екатерины в Фьербуа, ей сообщили таинственные «голоса», которые она время от времени слышала. Жанна глубоко почитала святую Екатерину как свою небесную покровительницу (наряду со святой Маргаритой), так что неудивительно, что меч был найден в церкви, посвященной именно этой святой. И даже если не принимать на веру информацию о «голосах», следует помнить, что короткая жизнь Жанны д'Арк была наполнена самыми удивительными, невероятными событиями, которые, однако, никто не берется ставить под сомнение. Поэтому и история обретения меча вполне может быть рассмотрена с рациональной точки зрения.

Интересно, что еще в ходе процесса над Жанной ее обвинители утверждали, что о мече она узнала не от «голосов», а во время предыдущего посещения церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа (известно, что по пути в Шинон Жанна провела во Фьербуа целый день). Жанна эти утверждения отрицала, но, как бы то ни было, сам факт обретения меча под алтарем церкви не содержит ничего сверхъестественного. В эпоху Средневековья рыцари очень часто приносили в церковь свои мечи или доспехи в качестве votивных даров. Эта практика была широко распространена, и факт, что в том или ином храме мог неожиданно отыскаться однажды преподнесенный и давно забытый меч, не должен вызывать никакого удивления. К этому стоит добавить, что церковь Сент-Катрин-де-Фьербуа в эпоху Средневековья играла очень важную роль: она являлась одним из паломнических центров на пути в Сантьяго-де-Компостела, и в ее стенах по традиции хранилось оружие, оставленное по обету воинами после выкупа их из сарацинского плена.

Одна из причин, почему «голоса» привели Жанну к этому мечу (вероятно, отличавшемуся какими-то особенностями), — то, что он когда-то мог принадлежать некоему важному лицу. Тем самым рождалась определенная преемственность, а легенда обретала внутреннюю логику: юная спасительница Франции, появление которой, как утверждали предания, предсказал много веков назад еще

великий волшебник и прорицатель Мерлин, опоясывалась мечом, некогда принадлежавшим знаменитому герою. Но что это за знаменитый герой? На этот счет высказывалось несколько гипотез. Однако уже в эпоху Столетней войны наибольший вес приобрела легенда, согласно которой «меч Фьербуа» некогда принадлежал Карлу Мартеллу (687/688—741), майордому Франкского королевства и деду Карла Великого, осенью 732 года разгромившему сарацинов при Пуатье и остановившему мусульманское вторжение в Европу. Эта версия стала настолько распространенной, что в последующие века была принята почти как непреложный факт.

Существуют две версии этой легенды. Согласно одной, именно Карл Мартелл основал церковь Сент-Катрин-де-Фьербуа и оставил в ней свой меч для того, чтобы однажды этот меч достался человеку, избранному Богом для того, чтобы спасти Францию. Согласно другой версии, после победы при Пуатье Карл Мартелл пожертвовал свой меч в качестве votivного дара в собор в Туре, и лишь позднее меч был перенесен в церковь Сент-Катрин-де-Фьербуа (административно подчиненную Турской епархии).

Жанна д'Арк и ее современники почти наверняка знали о легендарной связи между Карлом Мартеллом и церковью Сент-Катрин-де-Фьербуа, поэтому неудивительно, что «голоса» подсказали Жанне искать чудесный меч именно там. Особенно важным и любопытным представляется

то обстоятельство, что меч Карла Мартелла не был королевским, — ведь его владелец не был королем франков, а только майордомом, то есть высшим должностным лицом и военачальником, в руках которого, впрочем, находилась вся реальная власть в стране. Таким образом, обладание мечом Карла Мартелла лишний раз подчеркивало ту особую роль, которую играла Жанна при дофине Карле.

Существует также гипотеза, согласно которой первоначальным владельцем меча являлся маршал Франции Жан ле Менпр (1366—1421), на средства которого церковь Сент-Катрин-де-Фьербуа была обновлена в конце XIV столетия. Поскольку никаких точных данных о предполагаемом обладателе меча у нас нет, эта гипотеза также имеет право на существование; впрочем, следует заметить, что Жанна никогда не упоминала в своих речах имя этого маршала и не связывала с ним ни одного факта своей биографии.

Наконец, меч мог принадлежать какому-то безымянному рыцарю — возможно, крестоносцу, который, вернувшись из далекого Иерусалима, преподнес этот меч церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа в качестве votivного. Известно, что на клинке были выгравированы пять крестов; некоторые исследователи полагают, что это были Иерусалимские кресты, и, таким образом, связывают историю «меча Фьербуа» с историей Крестовых походов. В любом случае из всего сказанного следует лишь одно: «меч Фьербуа» был

настоящим боевым мечом, который когда-то принадлежал некоему рыцарю (не обязательно крестоносцу) или некоей известной персоне (не обязательно Карлу Мартеллу), и его владелец пожертвовал этот меч церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа в знак исполнения однажды данного обета.

Итак, легендарный меч мог принадлежать известной исторической личности, что и заставило Жанну обратить на него внимание. Другая причина интереса Жанны, возможно, заключалась в физических особенностях этого оружия.

О том, как выглядел меч, мы не можем сказать практически ничего. К слову сказать, историки не могут восстановить даже подлинный облик самой Жанны д'Арк, хотя до наших дней дошло несколько более или менее точных ее изображений. Что уж тогда говорить о мече! Мы знаем о нем только со слов Жанны, описавшей его крайне скупо: известно, что на клинке были выбиты пять крестов и что ржавчина на клинке была на удивление легко удалена. Кроме двух этих фактов, нам не известно больше ничего. Каковы были длина меча, вес, как выглядела рукоять, наконец, на что были похожи упомянутые кресты? Располагались ли они на одной стороне клинка или на обеих?

С одной стороны, это был, конечно же, настоящий боевой меч — не церемониальный и не декоративный. В пользу этого говорит несколько обстоятельств. Так как меч, вероятнее всего, был все-таки вотивным, пожертвованным

по обету, то он, несомненно, был боевым: реальный рыцарь мог предложить Богу только свой реальный боевой меч, может быть, даже выщербленный и покореженный в битвах. Кроме того, церемониальный меч обычно бывает щедро декорирован, а на этом, кроме упомянутых крестов, не было никаких других украшений. Наконец, сама Жанна рассматривала его исключительно как боевое оружие: мы помним, что к «мечу Фьербуа» ей подарили двое ножен, бархатные и парчовые, однако практичная Жанна в итоге предпочла им ножны из прочной кожи — грубые, но гораздо более функциональные. Если бы «меч Фьербуа» был декоративным или церемониальным, вряд ли бы она стала хранить его в кожаных ножнах; в то же время если это был настоящий боевой меч, с которым она собиралась идти в бой, то кожаные ножны подошли бы для него как нельзя лучше.

И все же в этом мече должно было таиться нечто необычное. Вряд ли речь может идти о декоративных свойствах — из того факта, что на клинке меча были выбиты пять крестов, мы не можем почерпнуть ничего ценного. Подобного рода гравировки и инкрустации в виде крестов, полумесяцев, колец или кругов были весьма распространены в эпоху раннего Средневековья, многие кузнецы попросту выбивали на клинках свои личные клейма. Но вот действительно ли это были кресты и действительно ли это была гравировка?

Хронисты, писавшие в последующие десятилетия после смерти Жанны, серьезно расходятся в своих сообщениях. Одни описывают эти «кресты» как «пять геральдических лилий», другие — как «пять мечей», третьи вообще не сообщают о них ничего. Очень может быть, что «лилии» и «мечи» — просто-напросто результат позднейших приукрашиваний; однако не следует думать, что Жанна д'Арк была одним-единственным человеком в мире, видевшим «меч Фьербуа». Без сомнения, этот меч видели десятки других людей: придворные дофина Карла, ближайшие соратники Жанны, ее солдаты и даже обычные горожане — жители Тура и Орлеана. Многие из них, очевидно, рассказывали о чудесном мече своим знакомым, друзьям, наконец, детям и внукам. В конечном счете эти рассказы в том или ином виде могли достичь ушей хронистов, которые описали то, что слышали. Таким образом, эти свидетельства — хотя они и относятся к более позднему времени — несомненно, представляют собой нечто намного большее, чем просто необоснованные слухи; в них может содержаться ценная информация. И если «кресты» действительно имели необычный вид, то видевшие их современники, возможно, сопоставили их с геральдическими лилиями или мечами, а позднейшие авторы просто дословно повторили то, что слышали.

Какова была природа «крестов» («мечей», «лилий»)? Действительно ли это была гравировка (инкрустация,

насечка, травление)? Не следует ли это связывать с особенностями металла, из которого был изготовлен клинок? С некоторой долей уверенности можно утверждать, что металл был не вполне обычным: со слов Жанны известно, что, когда меч извлекли из земли, он был покрыт ржавчиной, но «священники протерли меч, и ржавчина сразу и без усилий отошла». В своем рассказе Жанна акцентирует внимание на этом: удаление ржавчины оказалось необычайно легким делом (вряд ли при этом использовались какие-либо химикаты, растворители или абразивы). Это обстоятельство заставляет нас задуматься: какой химический состав имел металл клинка? Какую устойчивую к коррозии сталь могли использовать в данном случае средневековые мастера?

Вариантов ответа может быть несколько. Во-первых, клинок мог быть изготовлен из нержавеющей стали. Однако эта гипотеза довольно уязвима: даже если некоему средневековому кузнецу и удалось создать более или менее удачный образец нержавеющей стали, то такая сталь могла бы подойти только для кухонных ножей, но для боевого меча она была бы совершенно неподходящим материалом. Другим — и вовсе не фантастическим — объяснением могла бы стать гипотеза, согласно которой «меч Фьербуа» был изготовлен с использованием метеоритного железа. Так называемые железные метеориты в действительности состоят из сплава железа и никеля (содержа-

ние никеля может колебаться от 5 до 65%, но в среднем оно составляет приблизительно 10%) с небольшими примесями других металлов — таких, как кобальт, галлий и германий. Согласно данным археологических раскопок, метеоритное железо было известно древним металлургам уже в 4000 году до н.э.; из него делали украшения, оружие, инструменты и посуду. Известно, что метеоритным железом пользовались при производстве мечей японские оружейники; европейские клинки, изготовленные из метеоритного железа, кажется, пока неизвестны, но это совершенно не значит, что их не было совсем.

Оружие, изготовленное из упавшего с неба металла, нередко почиталось как ниспосланное богами. Не в этом ли кроется тайна «голосов», сообщивших Жанне о необыкновенном мече? Не был ли он в глазах людей эпохи Средневековья «мечом с небес», мечом, имевшим сверхъестественное происхождение?

Возможно также, что «меч Фьербуа» был изготовлен методом кузнечной сварки из нескольких полос железа или стали, сваренных воедино и многократно прокованных (что позволяло получить на поверхности клинка декоративный узор). Подобная методика широко использовалась в Европе во все века. Стальные клинки, изготовленные таким образом, сегодня принято называть «дамасскими» (сварной дамаск), однако это не совсем верно: хотя процесс кузнечной сварки был действительно возрожден и популяризован

кузнецами Сирии, фактически он был освоен и использовался едва ли не повсеместно еще в эпоху раннего железного века. В ту пору железо было редким и ценным металлом, поступавшим на рынок только небольшими партиями. Для того чтобы изготовить такое достаточно габаритное изделие, как меч, кузнецы сваривали воедино пруты или полосы железа любого качества, которое они имели под рукой. При этом они порой использовали железо естественного происхождения — например, метеоритное. Сегодня известны ранние кельтские мечи, изготовленные методом кузнечной сварки и датируемые 500 годом до н.э., однако свой расцвет мечи из сварного дамаска переживают в VI—X веках; у викингов метод кузнечной сварки в это время был особенно популярен. В первые века нашей эры технология изготовления сварного дамаска несколько усложнилась: пруты и полосы разнородного железа сваривались, перекручивались спиралью, проковывались и в итоге соединялись вместе в одну полосу металла; при этом на поверхности клинка из-за неравномерного распределения углерода (что связано с неоднородностью материала) появлялся узор (дамаскировка), порой довольно сложный — его рисунок зависел от того, как мастер соединял и скручивал металл; понятно, что этот узор не являлся главной целью изготовления сварных клинков.

Во времена Карла Мартелла мечи из сварного дамаска были очень популярны в Европе, поэтому нет ничего уди-

вительного в том, что в руках легендарного полководца мог оказаться высококачественный меч с дамасским клинком, изготовленным методом кузнечной сварки. Включение метеоритного железа (подобная практика неизвестна в Европе, но применялась на Востоке) придавало бы клинку ряд особенностей, в том числе устойчивость к коррозии. «Кресты» (они же «лилии» и «мечи») на клинке, возможно, также следует объяснять присутствием в составе металла метеоритного железа, обладающего характерной внутренней структурой: описанный выше технологический процесс в любом случае приводил к появлению узора на клинке, но в данном случае этот узор приобрел вид четырехконечных звездочек, которые кто-то мог трактовать как «кресты», другой — как «лилии», а третий — как «мечи». Если эта гипотеза верна, то тогда становится понятным, почему руководимая «голосами» Жанна и ее современники придавали «мечу Фьербуа» почти мистическое значение: действительно, именно такой необычный меч и приличествовал бы Деве, избранной Богом для того, чтобы спасти Францию!

Предположив, что «меч Фьербуа» действительно мог быть изготовлен во времена Карла Мартелла или, если говорить шире в период расцвета технологии сварного дамаска (VI—X вв.), мы можем гипотетически воссоздать его облик. Скорее всего, это был типичный боевой франкский меч — прямой, довольно тяжелый, с длиной клинка

до 1 м, с деревянной рукояткой. Будучи мечом, предназначенным для практического применения, он, скорее всего, не имел никаких украшений, за исключением звездочек (крестов) на клинке; скупой декор, возможно, мог присутствовать на яблоке или рукояти.

Любопытно, что Жанна д'Арк, по-видимому, никогда не пользовалась «мечом Фьербуа» в сражениях. По ее собственным словам, она вообще не хотела кого-либо убивать и гораздо охотнее пользовалась своим знаменем, чем мечом; многочисленные миниатюры и гравюры, изображающие Жанну со знаменем в руках, наглядно подтверждают ее слова. Возможно, девушке, рост которой, по разным оценкам, составлял от 149 до 158 см и которую вряд ли можно считать атлетом, было довольно затруднительно управляться одной рукой с тяжелым старинным мечом. Скорее она носила «меч Фьербуа» как принадлежность боевого снаряжения. Это отчасти помогает понять ее показания на допросе: после того как «голоса» предупредили Жанну о том, что она будет захвачена в плен англичанами, она пошла в бой не с чудесным «мечом Фьербуа», приносившим ей удачу, а с мечом, взятым «у какого-то бургундца»; возможно, этот бургундский меч попросту был для нее легче и удобнее.

Но какова же судьба «меча Фьербуа»? Материалы обвинительного процесса 1431 года не проливают никакого света на эту загадку: Жанна отказалась открыть своим су-

дьям местонахождение меча. На заданный ей прямой вопрос она отвечала, что «не следует дознаваться, что она сделала с мечом, найденным в церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа», что это не имеет отношения к процессу и что она не будет отвечать на этот вопрос.

О легендарном мече вновь вспомнили в 1456 году на процессе по реабилитации Жанны д'Арк. Многие свидетели тогда показали, что Жанна использовала «меч Фьербуа», гоняясь по всему лагерю за проститутками, с чьим присутствием во французской армии она всячески боролась. Некоторые свидетели процесса по отмене приговора утверждали, что в итоге Жанна сломала свой меч о спину какой-то девушки из Оксера или Сен-Дени. Наиболее настойчиво настаивал на этом в своих показаниях герцог Алансонский, утверждавший, что Жанна сломала свой легендарный меч не то о спину, не то о задницу некоей распутной девицы и произошло это в Сен-Дени, после неудачной попытки штурма Парижа. Другой свидетель, Луи де Кут, один из ближайших сподвижников Жанны, категорически опровергал этот факт: «Она не хотела, чтобы в армии находились женщины, и однажды около Шато-Тьерри, увидев девицу, прогнала ее, пригрозив мечом, но она не ударила ее, ограничившись тем, что мягко и сдержанно посоветовала ей не появляться больше среди воинов, иначе она, Жанна, примет против нее меры». Тем не менее версия о сломанном мече получила широ-

кое распространение. Официальный королевский историограф Жан Шартье в своей хронике, законченной около 1460 года, утверждал даже, что с того момента, когда Жанна сломала свой меч, «который, как все считают, был найден благодаря чуду», удача отвернулась от нее. При этом король, как сообщает хронист, был крайне огорчен и раздосадован происшедшим. Он заявил Жанне, что для подобных потасовок лучше подошла бы обычная палка, а не меч, который полагалось беречь как зеницу ока, учитывая его происхождение. Объясняя далее причины поражения и гибели Жанны, Шартье прямо указывает на то, что поломка меча явилась знамением свыше: небеса словно бы предупреждали Жанну о том, что ее военная миссия окончена, но она не смогла правильно истолковать этот знак и продолжала сражаться, а потому проиграла битву, попала в плен и погибла.

Надо признать, что история с поломкой меча выглядит довольно темной. Во-первых, известно, что у Жанны за всю ее недолгую карьеру было как минимум шесть мечей, и не факт, что в Сен-Дени она сломала именно «меч Фьербуа». Во-вторых, «меч Фьербуа», как мы помним, был довольно тяжел, и если Жанна не пользовалась им в сражениях, то еще менее вероятно, что именно с этим мечом она стала бы гоняться по всему лагерю за распутными девками. Наконец, маловероятен сам факт поломки меча от удара им о спину (или, говоря шире, по телу) не-

костей девушки: что же это за меч, который ломается от удара плашмя по незащищенному человеческому телу, какой невероятной силы должен был быть этот удар и какой мускульной массой должна была обладать та самая несчастная девушка, о хребет которой Жанна переломила свой легендарный меч? Все это выглядит слишком фантастично.

Стоит обратить внимание и на то, что члены трибунала, осудившие Жанну на смерть, были хорошо осведомлены об истории чудесного меча, с пристрастием расспрашивали о нем Жанну, но ни разу не обмолвились о том, что «меч Фьербуа» был когда-либо сломан; напротив, они настойчиво пытались получить от Жанны сведения о дальнейшей судьбе меча. А между тем история о сломанном мече — если бы она была правдой — давала им в руки новые козыри: «ведьма» обладала волшебным мечом, приносившим ей удачу, но вот меч сломался, «ведьма» лишилась своей волшебной силы и попала в плен...

Наконец, невероятен сам факт использования чудесного меча в качестве орудия наказания распутниц. Как мы помним, Жанна считала его даром святой Екатерины, которую глубоко почитала как свою небесную заступницу. Неужели религиозность Жанны не помешала бы ей использовать «меч Фьербуа» для подобных недостойных целей? В таком случае следует согласиться с королем Карлом VII, который, конечно же, был совершенно прав, сказав Жанне, что «для подобных потасовок лучше подо-

шла бы обычная палка, а не меч, который полагалось беречь как зеницу ока, учитывая его происхождение»...

Но если вся эта история с поломкой меча недостоверна, то какова истинная судьба «меча Фьербуа»?

Как мы помним, судьи, допрашивавшие Жанну, прямо задали ей этот вопрос, но она отказалась отвечать на него. Она намекнула только, что все ее имущество, включая лошадей и меч, осталось в руках ее братьев. Со слов Жанны мы знаем также, что «меч Фьербуа» оставался при ней по крайней мере до того дня, когда она прибыла в Ланьи (29 марта 1430 г.). 23 мая того же года она попала в плен у стен Компьена. Между этими двумя событиями, однако, есть еще одна дата: 24 апреля 1430 года. В этот день, когда Жанна была в Мелпоне, «голоса» сказали ей, что еще до Иванова дня (в том году он приходился на 24 июня) она будет захвачена в плен.

Таким образом, Жанна знала, что ей не суждено вернуться из этой военной кампании. Она знала, что ей осталось только два месяца свободы или того меньше. Как же она могла поступить в этой ситуации? Вспомним ее слова, сказанные на процессе: «Все мое имущество осталось у моих братьев — мои лошади, мой меч и, насколько я знаю, все остальное; все это стоит больше двенадцати тысяч крон...»

Да, по всей видимости, она поспешила отослать все свои ценности братьям. При этом «меч Фьербуа» был,

вероятно, наиболее ценным ее имуществом (если не считать знамени). Что же произошло с мечом в дальнейшем? Как братья Жанны распорядились ее имуществом? Об этом история молчит — нигде, ни в одном документе, ни в одном источнике на этот счет нет ни малейшего намека, никаких указаний... Однако эта тишина — сама по себе подсказка.

Мы знаем, что в Средние века существовала традиция, когда владелец меча или его оставшиеся в живых родственники бросали отслужившее оружие в воду — в реку или озеро. Эта традиция уходила корнями в глубокую древность и была связана с какими-то неясными поверьями; отголоски ее сохранились, например, в легенде о короле Артуре и его легендарном мече Эскалибуре. Исходя из этого, можно предположить, что, получив известие о смерти Жанны, ее братья поступили в соответствии с древним обычаем: они бросили «меч Фьербуа» либо в Луару — свидетельницу многих блестящих побед Жанны д'Арк, либо в Сену, над водами которой палачи рассеяли пепел Орлеанской девы, а может быть, в какую-нибудь другую французскую реку или в озеро. И с этого момента легендарный меч навсегда уходит в небытие...

Интересно, что в 1436 году, спустя пять лет после того как Жанна д'Арк была сожжена на рыночной площади в Руане, во Франции объявилась загадочная женщина по имени Клод, утверждавшая, что она — Орлеанская дева,

чудесным образом спасаясь от смерти. Еще более интересно то, что братья Жанны признали в ней свою сестру! Однако о «мече Фьербуа» все источники единодушно молчат: очевидно, что, если бы у братьев он был, они поспешили бы вернуть его своей чудесно спасшейся сестре (несколько лет спустя все же было доказано, что это самозванка). Следовательно, к 1436 году меча у них уже не было, и легендарное оружие исчезло между 1430 и 1436 годами. Все, что мы знаем о нем достоверного, содержится в словах самой Жанны д'Арк — все остальное, увы, предположения и догадки. Возможно, именно «меч Фьербуа» запечатлен на гербе Жанны д'Арк, хотя нельзя сказать, чтобы это было точное его изображение. К числу реликвий, связанных с именем Орлеанской девы, порой причисляют еще меч, хранящийся в Дижоне, на котором выгравированы имя короля Карла VII, название города Вокулёра, а также гербы Франции и Орлеана. Однако тщательное исследование этого меча позволило сделать вывод, что он изготовлен в XVI веке поклонниками Жанны д'Арк, объединившимися в лигу, посвященную ее памяти.

XIX

МЕЧИ СКАНДЕРБЕГА

В начале 40-х годов XV века османские завоеватели, опустошив и разграбив Сербию, вторглись в Венгрию. Однако в 1443 году венгры, предводительствуемые Яношем Хуньяди, сумели добиться коренного перелома в ходе военных действий и перешли в наступление. Этот успех вызвал подъем национально-освободительного движения на Балканах. Особенно мощно поднялась волна антитурецкой борьбы в Албании.

Этот период в истории албанского народа неразрывно связан с именем Георгия Кастриоти, прозванного Скандербегом (1405—1468). В течение 25 лет он стоял во главе небольшого государства, от силы сопротивления которого в то время во многом зависел исход борьбы с иноземными захватчиками на юго-востоке Европы.

Отец будущего полководца, Гьон Кастриоти, пользовался большим влиянием среди албанских феодалов. Со-

гласно практике, бытовавшей в ту пору на землях, завоеванных турками, ему пришлось послать ко двору султана Мурада II в качестве заложников своих сыновей Станишу, Константина и Георгия. В Стамбуле юный Георгий Кастриоти сперва состоял пажом при султани, а затем посвятил себя военной службе. Он прославился как талантливый военачальник и получил от турок имя Искандер-бей — в честь Александра Македонского (отсюда и происходит его прозвание Скандербег). Он участвовал во многих военных походах и занимал высокие посты в османской администрации; перед ним открывалась блестящая карьера. Однако есть все основания считать, что уже в молодости Скандербег исподволь готовился к борьбе с турками, поддерживая отношения с противниками султана — как внешними, так и внутренними.

Благоприятный случай представился ему в 1443 году. 3 ноября султанская армия потерпела поражение от войск Яноша Хуньяди в битве под Нишем. Находившийся в ее рядах Скандербег покинул турецкий лагерь и во главе отряда из 300 всадников отправился в Албанию, где поднял восстание. На его призыв откликнулась вся страна. Началась длительная и упорная албано-турецкая война, ставшая яркой страницей в истории не только Албании, но и всей Европы. Четверть века продолжалась эта эпопея. Обладая незаурядным талантом государственного и военного деятеля, Скандербег объединил враждующие

албанские феодальные кланы и во главе сравнительно небольшой армии (в разные годы она насчитывала от 12 до 15 тыс. человек) нанес туркам множество сокрушительных поражений. Яростное сопротивление албанцев получило широкий международный резонанс и серьезно задержало дальнейшее турецкое продвижение в Европу.

Скандербег умер в январе 1468 года от лихорадки. Имя этого национального героя Албании вошло не только в историю, но и в народный фольклор. О Скандербеге рассказывают множество легенд, в которых он неизменно предстает как мудрый и сильный человек. Особым почитанием было окружено его оружие — своим мечом, как утверждают предания, Скандербег просто совершал чудеса. Между тем меч был настолько тяжел, что только его рука могла поднять волшебное оружие, а обычному человеку в одиночку это было просто не под силу — для того чтобы поднять меч Скандербега, требовались как минимум трое. Меч Скандербега дробил скалы, срезал горные вершины, им можно было перерубить пополам огромный валун и без особого усилия расцелить человека от головы до пояса. Секрет этого легендарного оружия таился, однако, все же не в мече, а в небывалой силе, которой обладал Скандербег. Как рассказывается в одной из легенд, однажды турецкий султан Мехмед II прислал к албанскому полководцу послов с просьбой о мире. Наслышанный о знаменитом мече Скандербега, он приказал также послам

просить, чтобы албанский вождь в знак мира подарил ему, турецкому султану, свой легендарный меч. Скандербег охотно согласился на эту просьбу и отослал свой меч Мехмеду II. Один из приближенных Скандербега, узнав об этом, пришел в ужас: как же теперь албанцы будут отстаивать свою независимость? Однако Скандербег, смеясь, ответил ему, что он отослал султану только свой меч, но не свою руку...

Меч легендарного албанского вождя привлекал внимание уже его современников — по-видимому, они действительно придавали большое значение оружию, которым обладал непобедимый Скандербег. Димитр Френгу, близкий соратник полководца и один из первых его историографов, опубликовавший в 1480 году свою «Историю Скандербега» (*Historia e Skënderbeut*), сообщает, что однажды Скандербег призвал из Италии мастера-оружейника, который изготовил по заказу албанского полководца три великолепных меча. Один из этих мечей, «который мог рубить сталь», Скандербег позднее отослал в дар турецкому султану. Два других меча он постоянно держал при себе, как говорят, порой даже вкладывая их в одни ножны. Как пишет Димитр Френгу, один из этих мечей был изогнутым, с одним лезвием, изящно сделанным из отличной дамасской стали. Известно также, что во время последнего посещения Скандербегом Рима (в 1466 году) папа римский Павел II подарил албанскому герою еще один меч.

После смерти Скандербега его вдова Доника вместе с малолетним сыном Гьоном покинули Албанию и переехали в Неаполитанское королевство. Предполагается, что они привезли с собой из Албании фамильные реликвии дома Кастриоти — шлем Скандербега, два его меча и молитвенник. После смерти Доники и Гьона реликвии исчезают более чем на сто лет; кто унаследовал их — неизвестно. В конечном итоге они были приобретены герцогом Урбино.

Первое после долгого перерыва упоминание о мече Скандербега и о его шлеме встречается в письме герцога Урбино, адресованном эрцгерцогу Фердинанду II Тирольскому (1529—1595) и датированном 15 октября 1578 года. За десять лет до этого эрцгерцог Фердинанд II начал восстанавливать замок Амбрас в Инсбруке, который он унаследовал от своего отца. Вдохновляемый своим канцлером Якобом Шренком, эрцгерцог задумал устроить в этом замке лучший в Европе музей старинного оружия. Для этого он обратился за помощью ко многим выдающимся деятелям того времени, прося их по мере возможности присылать оружие, а также одеяния, картины, портреты и другие экспонаты для будущего музея в замке Амбрас. Оружие Скандербега, хранящееся у герцога Урбино, по-видимому, привлекло внимание Фердинанда, однако в музей оно попало лишь много лет спустя. К 1590 году шлем и один из мечей Скандербега оказались в собственности

графа Штернберга, а второй меч — в собрании эрцгерцога Карла Штирийского в Граце. Эрцгерцог Фердинанд выкупил оба меча и шлем, и таким образом реликвии Скандербега вошли в число экспонатов музея в Инсбруке.

В 1605 году замок Амбрас вместе с музеем оружия был продан австрийскому императору. Мечи Скандербега оставались в стенах замка до 1806 года, когда они наряду с остальной частью оружейного собрания были переданы в венский замок Бельведер. В 1888 году вся коллекция поступила в Музей истории искусств в Вене, где остается до сего дня.

Долгое время мечи хранились отдельно друг от друга, поскольку музейные специалисты сомневались, действительно ли оба они принадлежали Скандербегу. Только после Второй мировой войны последние сомнения рассеялись. В 1968 году, накануне 500-й годовщины со дня смерти Скандербега, оба меча наконец воссоединились и ныне демонстрируются в одном из залов дворца Нойе Бург, примыкающего с юго-запада к старой части венского Хофбурга; в столице Албании Тиране можно увидеть точно сделанные копии мечей легендарного албанского полководца.

Мечи Скандербега заметно отличаются друг от друга. Первый — европейского типа, прямой, обоюдоострый, с клинком, украшенным золотом, и в кожаных ножнах. Общая длина его составляет 85,5 см, ширина — 5,7 см, вес — 1,3 кг. Даже в начале XX столетия, как сообщает

албанский публицист и общественный деятель Фаик Коница, близко видевший этот меч, на клинке все еще были заметны следы крови.

Второй меч изготовлен, несомненно, ближневосточными мастерами в стиле, характерном для Османской империи середины XV века. Общая его длина, включая рукоять, составляет 121 см, вес — 3,2 кг. Клинок — широкий, обоюдоострый, с закругленной оконечностью — изготовлен из дамаскской стали, что соответствует сообщению упоминавшегося выше Димитра Френгу (хотя последний описывает меч как однолезвийный). На клинке сохранились золотая инкрустация и не очень разборчивая надпись на турецком языке, выполненная арабскими знаками: «Поборник Аллаха, Искандер-бей». Оправленная в серебро рукоять относится к более позднему времени, хотя и выполнена в османском стиле, близком к стилю клинка. Ножны из черной кожи, оправленные в железо, — еще более поздние; на одной их стороне сохранилась надпись *Skanderwech*, сделанная красной масляной краской, по-видимому, сотрудниками музея в замке Амбрас. По мнению специалистов, боевым мечом, которым Скандербег пользовался в сражениях, следует считать кривой (восточный) меч. Прямой меч был довольно короток для его высокого роста; кроме того, Скандербег осваивал военное ремесло в Турции, и более вероятно, что ему было более привычно и удобно пользоваться кривым восточным мечом.

XX

ПАЛАШ МИХАИЛА СКОПИНА-ШУЙСКОГО И САБЛЯ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Две эти исторические реликвии напоминают о бурных событиях в России начала XVII столетия, известных под названием Смутного времени.

...12 марта 1610 года Москва торжественно встречала вступившего в город молодого полководца Михаила Васильевича Скопина-Шуйского (1586—1610), племянника правящего царя Василия Шуйского. Одержав ряд блестящих побед над русскими «ворами» и польскими интервентами, он во главе русско-шведской армии освободил Москву от осады ее тушинцами. По приказу царя бояре собрались встречать Скопина и его соратника, шведского восначальника Якова Делагарди, с хлебом и солью у городских ворот, однако простые горожане уже опередили их — толпы ликующего народа приветствовали Скопина еще на подъезде к Москве. Молодого полководца вели-

чали избавителем и освободителем, благодарили, восторженно простирали к нему руки, подносили ему дары, «падали ниц и били челом» за избавление от врагов...

«Знаменитому воеводе было не более 24 лет от роду, — пишет С.М. Соловьев. — В один год приобрел он себе славу, которую другие полководцы снискивали подвигами жизни многолетней, и, что еще важнее, приобрел сильную любовь всех добрых граждан, всех земских людей, желавших земле успокоения от смут, от буйства бездомовников, козаков, и все это Скопин приобрел, не ознаменовав себя ни одним блистательным подвигом, ни одной из тех побед, которые так поражают воображение народа, так долго остаются в его памяти. Что же были за причины славы и любви народной, приобретенных Скопиным? Мы видели, как замутившееся, распатавшееся в своих основах общество русское страдало от отсутствия точки опоры, от отсутствия человека, к которому можно было бы привязаться, около которого можно было бы сосредоточиться; таким человеком явился наконец князь Скопин. Москва в осаде от вора, терпит голод, видит в стенах своих небывалые прежде смуты, кругом в областях свирепствуют тушинцы; посреди этих бед произносится постоянно одно имя, которое оживляет всех надеждой: это имя — имя Скопина. Князь Михайла Васильевич в Новгороде, он договорился со шведами, идет с ними на избавление Москвы, идет медленно, но все идет, тушинцы

отступают перед ним; Скопин уже в Торжке, вот он в Твери, вот он в Александровской слободе; в Москве сильный голод, волнение, но вдруг все утихает, звонят колокола, народ спешит в церкви, там поют благодарные молебны, ибо пришла весть, что князь Михайла Васильевич близко! Во дворце кремлевском невзрачный старик, нелюбимый, недействительный уже потому, что нечего ему делать, сидя в осаде, и вся государственная деятельность перешла к Скопину, который один действует, один движется, от него одного зависит великое дело избавления. Не рассуждали, не догадывались, что сила князя Скопина опиралась на искусных ратников иноземных, что без них он ничего не мог сделать, останавливался, когда они уходили; не рассуждали, не догадывались, не знали подробно, какое действие имело вступление короля Сигизмунда в московские пределы, как он прогнал Лжедмитрия и Рожинского из Тушина, заставил Сапегу снять осаду Троицкого монастыря: Сигизмунд был далеко под Смоленском, ближе видели, что Тушино опустело и Сапега ушел от Троицкого монастыря, когда князь Скопин приблизился к Москве, и ему приписали весь успех дела, страх и бегство врагов. Справедливо сказано, что слава растет по мере удаления, уменьшает славу близость присутствия лица славного. Отдаленная деятельность Скопина, направленная к цели, желанной всеми людьми добрыми, доходившая до их сведения не в подробностях, но в главном, как

нельзя больше содействовала его прославлению, усилению народной любви к нему. Но должно прибавить, что и близость, присутствие знаменитого воеводы не могли нарушить того впечатления, какое он производил своею отдаленною деятельностью: по свидетельству современников, это был красивый молодой человек, обнаруживавший светлый ум, зрелость суждения не по летам, в деле ратном искусный, храбрый и осторожный вместе, ловкий в обхождении с иностранцами; кто знал его, все отзывались об нем как нельзя лучше. Таков был этот человек, которому, по-видимому, суждено было очистить Московское государство от воров и поляков, поддержать колебавшийся престол старого дяди, примирить русских людей с фамилиею Шуйских, упрочить ее на престоле царском, ибо по смерти бездетного Василия голос всей земли не мог не указать на любимца народного».

Современники сравнивали триумф Скопина с торжеством Давида, которого израильтяне чтили больше, чем Саула. Царь Василий Шуйский встретил племянника с радостными слезами, благодарил его, обнимал, целовал в присутствии бояр, однако сердце его глодали страх и зависть: его пугала популярность Скопина, он подозревал его в стремлении захватить московский престол. «Народ величал Скопина, а с тем вместе возрастало в народе презрение к царю Василию и ближним его, — пишет Н.И. Костомаров. — Повсюду о том поговаривали, что было бы

пристойнее избрать на царство всей землей боярина, который доказал уже перед целым светом свою способность и заслужил эту честь подвигами и трудами на пользу и избавление всей земли, чем оставлять на престоле Василия, который сел на этот престол неправильно и ничего не сделал для земли, кроме зла и бед. Царю Василию Скопин невольно стоял костью в горле. Торжественные встречи, непрерывные знаки народного расположения показывали Василию, что с каждым днем народ более и более хочет Михаила Васильевича Скопина-Шуйского выбрать царем, а это могло быть только с низвержением Василия».

«Обаяние личности Скопина и его военные успехи возбуждали желание и надежду, что именно он будет наследником московского престола после бездетного и нелюбимого Василия Шуйского», — замечает, в свою очередь, Д.И. Иловайский. Еще когда Скопин стоял со своим войском в Александровской слободе, к нему явились посланцы с грамотой от Прокопия Ляпунова, прославленного предводителя рязанского ополчения. «Пылкий, нетерпеливый Ляпунов в этих грамотах спешил выразить то, что у многих русских людей того времени было не только на уме, но и на языке, — пишет Д.И. Иловайский. — А Ляпунов пошел еще далее: ждать смерти Василия казалось ему слишком долго; в своих грамотах он осыпал царя разными укоризнами и прямо предлагал Скопину возложить на себя корону и взять в свои руки скипетр. Честный юноша

был возмущен таким предложением, велел схватить посланцев и думал отправить их в Москву как преступников. Едва умолили они отпустить их в Рязань, ссылаясь на то, что действовали под угрозами Ляпунова. Скопин думал просто предать это дело забвению и не донес о нем дяде. Но нашлись другие доносчики, которые передали его в Москве, конечно с разными прикрасами, и сумели внушить царю подозрение на племянника».

Недоброжелатели Скопина убеждали царя, что если бы князю Михаилу не было приятно предложение Ляпунова, то он, невзирая на мольбы, велел бы отослать в Москву рязанцев, привозивших грамоту. Василий Шуйский, как рассказывают, даже имел по этому поводу объяснение с племянником, и последнему горячими словами и клятвами удалось вроде бы рассеять подозрения — по крайней мере внешне. Тем не менее, как сообщает летописец, царь и в особенности его братья продолжали «держать мнение» на Скопина.

Сам Василий Шуйский, не имея детей мужского пола, мог с известным равнодушием относиться к вопросу о своем преемнике. Однако братья царя — Василий, Иван и Дмитрий, который сам рассчитывал наследовать московский престол, — видели в Скопине своего главного конкурента, отчаянно завидуя славе юного полководца. Как рассказывают, во время торжественного въезда Скопина Дмитрий Шуйский, стоя на городской стене, сказал свое-

му окружению: «Вот идет мой соперник!» Зависть Дмитрия разжигала и его жена Екатерина Григорьевна — дочь известного опричника Малоты Скуратова, в царствование Ивана Грозного «прославившегося» своими многочисленными преступлениями.

«Дмитрий считал себя наследником престола, но он увидал страшного соперника в Скопине, которому сулила венец любовь народная при неутвержденном еще порядке престолонаследия, — замечает С.М. Соловьев. — Князь Дмитрий явился самым ревностным наветником на племянника пред царем». И вот, пока Москва праздновала свое освобождение, Дмитрий Шуйский начал интриговать против Скопина, без конца наущичая и внушая брату Василию различные страхи. Рассерженный царь, как рассказывают, однажды даже палкой прогнал от себя клеветника, но Дмитрий не унимался. При каждом удобном случае он стремился оболгать и представить в черном цвете слова и поступки Скопина. И в этих устремлениях он был не один. «За Дмитрием Шуйским, очевидно, стояла целая партия завистников и недоброжелателей юного Скопина, особенно из числа тех знатных бояр, которые самих себя считали достойными занять престол и желали устранить от него Шуйских», — свидетельствует Д.И. Иловайский.

Между тем Скопин строил планы новых военных кампаний — несмотря на достигнутые успехи, впереди ждали новые трудности. Скопин совещался с боярами насчет

предстоящих военных действий и готовился с началом лета выступить в новый поход. Яков Делагарди торопил его — он видел, как благодаря зависти и интригам московских бояр над головой его русского друга скапливаются черные тучи. В частных разговорах со Скопиным шведский военачальник не скрывал своих опасений, остерегал его и уговаривал как можно скорее оставить Москву и выступить к Смоленску, против войск польского короля Сигизмунда. Мать Скопина, Елена Петровна, тоже беспокоилась за сына: еще когда он был в Александровской слободе, она наказывала ему, чтобы Скопин не ездил в Москву, где его ждут «звери лютые, пышущие ядом змеиным»).

Развязка наступила 23 апреля 1610 года. В этот день боярин Иван Михайлович Воротынский устроил пир по случаю крестин своего новорожденного сына Алексея. В качестве крестного отца был приглашен Скопин, а крестной матерью стала «Малютична» — Екатерина Григорьевна Шуйская, лютая недоброжелательница молодого полководца. После пира Екатерина поднесла Скопину чару с вином, приглашая выпить за здоровье их крестника. Скопин, ничего не подозревая, осушил чару до дна. Уже спустя несколько минут он почувствовал себя плохо. Слуги взяли его под руки и отвезли домой. Там больному стало еще хуже — у него открылось сильное кровотечение из носа и появились сильнейшие боли в животе, за-

ставлявшие его мстаться и громко стонать. Услыхав о его болезни, Яков Делагарди прислал Скопину немецких врачей, а царь Василий Шуйский — своих придворных лекарей. Но никакие средства не помогли. Скопин мучился жестокими болями около двух недель и 10 мая 1610 года скончался на руках своей жены и матери.

«Страшно, что здоровый молодой человек в две недели умер от лихорадки и что эта лихорадка, которая сопровождалась сильным кровотечением из носу и нестерпимыми болями в животе», — констатирует Д.И. Иловайский. Действительно, на эту странность нельзя не обратить внимания. Слухи о том, что М.В. Скопин-Шуйский пал жертвой заговора и был отравлен на пиру у Воротынского, поползли по Москве уже в первые же часы после того, как внезапно заболевшего полководца увезли со злосчастного пира. Эти слухи еще более окрепли, когда Скопин умер. Москвичи, прекрасно знавшие о том, какую ненависть питал к покойному его дядя Дмитрий Шуйский, стали указывать на него как на отравителя; в день смерти Скопина толпы народа с криками и угрозами бросились к дому царского брата, и только ратные люди, заранее посланные царем (в Кремле уже загодя ждали этого нападения), защитили Дмитрия Шуйского от народной ярости.

Большинство современников — русских и иностранных, — писавших об этих событиях, склоняются к тому, что Скопин был отравлен; некоторые даже прямо говорят

об этом. Д.И. Иловайский, довольно тщательно проанализировавший все своды известий о смерти Скопина, был уверен, что полководец действительно пал жертвой заговора: «Там, где идет борьба честолюбий, а особенно борьба за престолонаследие, подобные факты слишком обычны в истории народов, чтобы к данному обвинению относиться с полным недоверием, а тем более если принять в расчет все обстоятельства. Особенно возбуждает подозрение жена Д. Шуйского, по-видимому, достойная дочь Малоты Скуратова и сестра бывшей царицы Марьи Григорьевны Годуновой».

Смерть Скопина вызвала взрыв народного горя, небывалый со времени смерти Александра Невского, а похороны полководца превратились в настоящую манифестацию. «Вопль и плач раздавались вокруг почившего героя: не говоря уже о его матери и супруге, обезумевших от горя, московский народ, от царя, патриарха и вельмож до нищих и убогих, толпился на его дворе в слезах и рыданиях», — пишет Д.И. Иловайский. «Толпа народа провожала его останки, — сообщает Н.И. Костомаров. — Гроб его несли его сослуживцы и пели надгробные песни; их окружала толпа женщин; тут были вдовы, сестры и дочери убитых в бою служивых; они поддерживали мать и жену усопшего, которые от тоски лишались памяти и чувства. Разливался слезами и вопил царь Василий, но ему не верили; все понимали, что он плачет над трупом

того, который, может быть, через несколько дней заступил бы его место». Когда тело полководца лежало приготовленное к погребению, проститься со своим боевым товарищем приехал Яков Делагарди. Суровый шведский военачальник прослезился при виде мертвого Скопина и сказал: «Московские люди! Не только на вашей Руси, но и в королевских землях государя моего не видать мне такого человека!» Русские книжники, знакомые со сказаниями о Троянской войне, сравнивали Скопина-Шуйского с легендарными героями древности Ахиллом и Гектором.

Сначала тело Скопина предполагалось положить в Чудове монастыре, чтобы потом отвезти в родной Суздаль (занятый в ту пору «ворами» и пайками Лисовского) и похоронить рядом с предками, но москвичи потребовали, чтобы погребение было совершено в Архангельском соборе в Кремле, рядом с могилами великих князей и царей. Василий Шуйский был вынужден согласиться на это требование. На следующий день тело Скопина было погребено с поистине с царскими почестями: гроб его несли высшие бояре и ближайшие боевые соратники, в Архангельском соборе сам патриарх Гермоген при огромном стечении народа отпевал усопшего воеводу. «Царь Василий не менее других вопил и плакал, — замечает Н.И. Костомаров, — но сознавал ли он все значение своей потери; понимал ли, что вместе с Михаилом порывалось звено, связывавшее его с народом, и что он хоронил свою

династию? Во всяком случае, эту смерть он оставил безнаказанной и осиротевшее главное воеводство передал не кому другому, а все тому же ничтожному брату своему Дмитрию».

Короткая, но яркая жизнь и трагическая смерть Скопина поразили воображение современников. Светлый образ царственного юноши вошел в народный фольклор, о его подвигах и смерти слагались сказания и песни. В народе сохранилось убеждение, что Скопин пал жертвой дворцовых интриг и был отравлен недоброжелателями, и этот взгляд прочно вошел в народную поэзию. В одной из песен бояре, проникшись «злою завистью», подговаривают дочь Малюты Скуратова поднести Скопину отравленное питье:

Поддержнули зелья лютого,
Подсыпали в стакан в меды сладкие,
Подавали куме его крестовые,
Малютиной дочери Скуратовой.

По другому варианту легенды, сама Малютина дочь решила отравить Скопина:

В те поры она дело сделала.
Наливала чару зелена вина,
Подсыпала в чару зелья лютого,

Подносила чару куму крестовому.
А князь от вина отказывался:
Он сам не пил, куму почтил.
Думал князь — она выпила,
А она в рукав вылила.
Брала же она стакан меду сладкого,
Подносила в стакан зелья лютото,
Подсыпала куму крестовому.
От меду князь не отказывается,
Выпивает стакан меду сладкого.
Как его тут резвы ноженьки подлюмилися.
Его белые рученьки опустилися.
Уж как брали его тут слуги верные,
Подхватили под белы руки,
Увозили князя к себе домой.

Со страхом и скорбью встречает Скопина его мать:

«Дитя ты мое, чадо милое!
Сколько ты по пирам не езжал,
А таков еще пьян не бывал?»

Сын отвечает:

«Ой ты гой еси, матушка моя родимая!
Сколько я по пирам не езжал,

А таков еще пьян не бывал;
Съела меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скуратова!»
Он к вечеру, Скопин, и представился.

Народные предания о смерти Скопина даже трансформировались в былинну (хотя сохранились и собственно исторические песни о Скопине), и, таким образом, Михаил Скопин-Шуйский стал единственным историческим персонажем эпохи позднего Средневековья и Нового времени, вошедшим в былинный цикл (этот факт свидетельствует о небывалом впечатлении, которое произвела на современников и их ближайших потомков личность молодого полководца). В былине событие из Москвы перенесено в древний Киев, реальные лица начала XVII века — Скопин и дочь Малюты Скуратова — сидят на пиру вместе с князем Владимиром, Ильей Муромцем и Добрыней Никитичем. Историческое событие приобретает эпические черты: дочь Малюты Скуратова, испросив у князя Владимира разрешения напоить Скопина-богатыря вином, «брала чашечку серебряну» и отправлялась в погреба, где совершила черное дело — подмешала в кубок с вином отраву:

А спускалася во погребы глубокие,
Да намерила она чару зелена вина,
Невелику-немалу — полтора ведра,

Еще клала коренья да зелья лютого:
Загорслося во чаре да во серебряной,
Среди-то есть чары да есть пламя мечет,
По бокам-то есть чары да искры сыплются.
Выходит на гридню да на столовую,
Выносит она чару да зелена вина...

<...>

Говорит тут Скопин да сын Михайлович:
«А выпить мне та чара — живому не быть,
А не выпить мне чара — виновату быть».

<...>

Он понадеялся на силу на могучую,
На свою ли удачу да богатырскую,
Он пьет эту чару да за единый дух.
Сидит тут Скопин скоро не по-старому,
Не по-старому Скопин сидит, не по-прежнему,
Повеса он свою держит буйну голову;
Скакал ли со лавки, с дубовой доски,
Через те еще столики дубовые,
Он падал на среду кирпичат пол.
Да на то были русски-те богатыри,
Скочил еще стар казак Илья Муромец,
Подхватил он Скопина да за праву руку,
А скочил тут Добрынюшка Никитич млад.
А Добрыня-то хватил его за леву руку,
Поставили они его на резвы ноги.

<...>

Да скоро привели попов, причетников,
Да покался Скопин сын Михайлович,
Повалили его на лавку на брусчатую,
Повалили под иконы под святы его.
Немножко прошло да тут времечка,
Преставился Скопин сын Михайлович,
Да сделали ему гроб да, право, вечный дом,
Наверх обтянули да хрущатой камкой,
Да хоронили Скопина сына Михайловича,
Погребли, похоронили да добра молодца.

Уникальным памятником исторических событий, связанных с блестящим, но коротким взлетом легендарного героя эпохи Смутного времени, является палаш Михаила Скопина-Шуйского, ныне хранящийся в собрании Государственного исторического музея в Москве. Известно, что после смерти полководца этот палаш попал в руки князя Ивана Ивановича Шуйского, брата царя Василия Шуйского, у которого оставался до 1638 года. Затем палаш на десять лет исчезает из поля зрения, а в 1647 году объявляется уже как собственность князя Семена Васильевича Прозоровского: в этом году Прозоровский отдает палаш «в серебряной оправе с камнями, собственный князя Михаила Васильевича Шуйского-Скопина» Соловецкому монастырю, в ризнице которого оружие хранилось до 1923 года.

Палаши Скопина имеет обоюдоострый стальной клинок, слегка сужающийся к острию; длина его составляет 87,5 см, ширина — 4 см, а общая длина палаша с рукоятью — 110 см. Рукоять — с загнутой головкой, крестовина с опущенными концами и перекрестьем. Оправа рукояти изготовлена из позолоченного серебра и с правой стороны украшена бирюзой и шпинелью. В центре перекрестья помещена очень крупная овальная бирюза, а по бокам и снизу — три небольших квадратных шпинели, вставленные в гнезда из позолоченного серебра. Один конец крестовины также украшает небольшая бирюза (другой конец крестовины обломан). Оправа рукояти изготовлена из позолоченного серебра и украшена тисненым орнаментом, с правой стороны декор дополнен бирюзой и шпинелями. В середине рукояти помещен крупный бирюзовый камень, сверху и внизу — шпинели, а по краю, вокруг — одиннадцать небольших камней бирюзы.

Длина ножен составляет 99 см, что значительно превышает длину клинка. Оправа ножен изготовлена из позолоченного серебра и имеет замысловатый прорезной орнамент в виде мелких цветов гвоздики и выющихся стеблей. Оправа состоит из отдельных пластин — устья, наконечника и четырех обоймиц: две обоймицы с правой стороны имеют вид широких фигурных пластинок, а две с левой стороны — узких полосок. Каждую обоймицу украшают одна крупная шпинель и четыре бирюзовых

камня средней величины. Две верхние обоймицы имеют дополнительно серебряные кольца для пристегивания к поясу. В середине устья помещены две крупные бирюзы и две крупные шпинели, а края подчеркнуты вставками из бирюзы средней величины и лазурита (лазуритовые вставки, по мнению специалистов, представляют собой результат поздней реставрации). Наконечник ножен украшают два крупных, неправильной формы бирюзовых камня и три крупных шпинели; вдоль краев наконечника располагаются на одинаковом расстоянии друг от друга четырнадцать вставок из бирюзы.

Первоначально считалось, что палаш следует считать работой турецких мастеров начала XVII века, однако позднейшие исследования показали, что оружие Скопина было, по-видимому, изготовлено в Персии. В конце XVI — начале XVII века. Москва поддерживала довольно оживленные торговые отношения с Ираном, и в описях имущества многих русских бояр и дворян той поры нередко упоминаются иранские (кызылбашские) сабли. Так, из описи имущества Бориса Годунова (1589 г.) следует, что у него было целых четыре иранских сабли. Поэтому нет ничего удивительного в том, что палаш персидской работы мог оказаться и у Скопина-Шуйского, близко стоявшего к царскому двору. Еще в 1604 году, будучи стольником, Скопин присутствовал на обеде в Грановитой палате, данном в честь персидского посла; послов же обычно сопрово-

ждали купцы, у которых можно было приобрести дорогое парадное оружие иранской работы. Не исключено также, что палаш был преподнесен М.В. Скопину-Шуйскому за боевые заслуги, во время встречи его в Москве после победы над Тушинским вором.

О том, что оружие Скопина-Шуйского было изготовлено персидскими мастерами, свидетельствует манера декоративного украшения палаша: сочетание голубой бирюзы и розовой шпинели характерно именно для Персии конца XVI — начала XVII века. Известно, например, что в 1592 году персидский посол привез московскому царю Борису Годунову булатную саблю, оправа которой была украшена шпинелями (палами) и бирюзой. Бирюзой и шпинелью украшены также трон Бориса Годунова и седло конца XVI века, привезенное из Персии (ныне в Оружейной палате в Москве). Характерна для персидских оружейников и манера украшать ножны не сплошь, а отдельными деталями. Оправа ножен палаша Скопина-Шуйского также состоит из отдельных деталей — устья, наконечника и обоймиц. В то же время клинок палаша со всей очевидностью не может быть персидским: парадные иранские клинки всегда были булатные и, как правило, имели клейма и восточные надписи, наведенные золотом или серебром. Клинок же палаша Скопина-Шуйского не булатный, не имеет никаких восточных клейм и надписей, а по своим размерам не соответствует ножнам, которые на

11,5 см длиннее клинка. Очевидно, что первоначальный персидский клинок был заменен — возможно, уже после смерти Скопина — более коротким клинком работы западноевропейского или русского мастера, что в XVII столетии делалось весьма часто.

Судьба палаша М.В. Скопина-Шуйского оказалась удивительным образом связана с реликвией другого выдающегося деятеля эпохи Смуты — князя Дмитрия Михайловича Пожарского (1578—1642). Бывший зарайский воевода и один из руководителей московского восстания 1611 года, Пожарский принадлежал к числу сравнительно молодых военачальников (в 1611 году ему было 33 года), а по чину был только стольником, хотя и происходил из древнего рода князей Стародубских, однако именно он наряду с нижегородским посадским человеком Кузьмой Мининым прославился как освободитель Москвы от поляков в 1612 году и снискал славу национального героя. В годы Смуты Пожарский выдвинулся в первую очередь благодаря своей воинской доблести, твердости характера и непоколебимой верности. «В прежние времена не лежало на нем неправды, — пишет Н.И. Костомаров. — В смутные годы не был он в воровских таборах и у польского короля милостей не просил». Последнее было весьма немаловажным в глазах современников, поскольку мало кто из родовитых русских бояр того времени, в отличие от стольника Пожарского, мог похвастаться подобной характери-

кой. В октябре 1611 года Нижегородское ополчение избрало Пожарского своим начальником «за разум, правду, дородство и храбрость к ратным и земским людям».

В 1613 году, при венчании на царство Михаила Романова, Пожарский был пожалован боярством и во время коронации Михаила нес в торжественной процессии одну из царских регалий — державу. В 1618 году он принял активное участие в борьбе с войсками польского королевича Владислава, не оставлявшего надежд занять русский престол. В 1619 году Пожарского назначили главой Ямского приказа, а с 1624 по 1628 год он состоял начальником Разбойного приказа. В августе 1628 года Пожарский стал воеводой в Новгороде, затем участвовал в Смоленской войне, а позднее состоял начальником Судного приказа.

20 апреля 1642 года прославленный герой Смутного времени скончался, а спустя пять лет, в 1647 году, уже упоминавшийся выше князь Семен Васильевич Прозоровский пожертвовал Соловецкому монастырю наряду с палахом М.В. Скопина-Шуйского «по кончине Дмитрия Михайловича Пожарского саблю его с серебряной оправой и с дорогими камнями». Трудно сказать, при каких обстоятельствах князь Прозоровский стал обладателем этих реликвий, связанных с именами двух самых выдающихся деятелей Смуты. Вместе с палахом Скопина сабля Пожарского оставалась в ризнице Соловецкого монасты-

ря до 1923 года, когда была передана в фонды Государственного исторического музея в Москве.

Общая длина сабли — 106 см. Клинок стальной, гладкий, с так называемой елманью — расширением в верхней трети клинка, близ острия, предназначенным для усиления рубящего удара. На правой стороне клинка, у пяты, сохранилось клеймо в виде фантастического животного, отдаленно похожего на льва; под ним — три углубления в виде кружков. Длина клинка составляет 84,7 см, ширина у основания — 4,9 см, у елмани — 4,1 см. Рукоять с загнутой головкой и крестовиной с перекрестьем обложена чеканным позолоченным серебром и с лицевой стороны украшена бирюзовыми камнями средней величины, вставленными в гнезда из позолоченного серебра. Головку рукояти украшает изумруд, а крестовину — яшмовая пластинка с тремя вставками из бирюзы.

Деревянные ножны длиной 90 см обложены золоченым серебром, с правой стороны — чеканным, а с левой — гладким, с резным орнаментом в виде мелких стилизованных цветов. Вся лицевая сторона ножен украшена камнями бирюзы средней величины, вставленными в гнезда из позолоченного серебра. Устье, наконечник и пять обоймиц декорированы крупными пластинами яшмы, поверхность которых покрыта тонкой золотой насечкой в виде листьев и мелкими рубинами и изумрудами, вставленными в золотые гнезда. Яшмовые пластины окружены бирюзовыми

камнями средней величины. Между обоймицами, украшенными ромбовидным орнаментом, помещены восемь полукруглых перламутровых пластинок, на каждой из которых в золотых гнездах укреплено по одному маленькому рубину. Две верхние обоймицы имеют серебряные кольца для прикрепления к поясу.

Сабля князя Пожарского, несомненно, изготовлена в восточном стиле, но, в отличие от палаша М.В. Скопина-Шуйского, в турецком, а не в персидском. Украшение яшмой, например, чрезвычайно характерно для турецких мастеров XVII века. Из описи имущества царя Михаила Федоровича 1640 года известно, например, что у него была турецкая сабля, оправленная золотом и серебром, с яшмой и бирюзой. В оправе турецких сабель применялся и перламутр. Клинок с елманью также типичен для турецких сабель. О турецком влиянии свидетельствует и характер оправы ножен: на ножнах сабли Пожарского она сплошная, а на ножнах палаша Скопина-Шуйского, имеющего персидское происхождение, в виде отдельных пластин.

В то же время на клинке сабли князя Пожарского нет никаких восточных надписей, и он стальной, а не булатный. Следовательно, он не персидский и не турецкий. Но где же тогда он был изготовлен? По мнению специалистов, ответ следует искать в специфике работы московской Оружейной палаты той поры, которая в XVII веке

являлась основным центром производства парадного холодного оружия в России.

Русские мастера в своей работе традиционно ориентировались на образцы восточного оружия и умели отковывать клинки на персидский (кизылбашский), турецкий, «черкасский», а также на литовский и польский «выков». Клинки отковывались из стали русского производства и из привозного восточного булата и монтировались на «турское» (турецкое) и на «кизылбашское дело». Ножны оправлялись металлом или целиком по турецкому образцу, или же отдельными деталями, наподобие персидских ножен. Для украшения использовались камни, привезенные с Востока, — бирюза, сапфиры, рубины, шпинель, яшма. В копировании восточных образцов русские мастера добивались весьма высоких результатов. Польский шляхтич Самуил Маскевич, участник событий Смутного времени, бывший в 1610—1611 годах в Москве, отмечает в своих записках: «Русские ремесленники превосходны, очень искусны и так смышлены, что все, чего с рода не видывали, не только не дельвали, с первого взгляда поймут и сработают столь хорошо, как будто с малолетства привыкли, в особенности турецкие вещи: чепраки, сбруи, седла, сабли с золотою насечкою. Все вещи не уступят настоящим турецким».

Кроме русских в Оружейной палате работало и много мастеров-иностранцев: поляков, немцев, голландцев;

работали даже персидские оружейники, приехавшие из Ирана. В собрании Оружейной палаты сегодня можно увидеть парадное оружие, изготовленное русскими мастерами и иностранцами, работавшими в России. У большинства сабель клинки привозные или сделанные «на иноземный выков», преимущественно восточный; монтировка же в большинстве случаев осуществлена русскими мастерами.

К числу выходцев из Ирана, работавших в Оружейной палате в Москве, как считается, принадлежал мастер Тренка Акатов, именуемый в одном из источников «сабельным хозяином», — так назывались только персидские мастера. В описи 1687 года упоминаются два клинка «Тренки Акатова дела». По мнению специалистов, клинок сабли Д.М. Пожарского ближе всего к сабельной полосе работы Тренки Акатова, хранящейся в Оружейной палате: на правой стороне ее имеется сделанное золотой насечкой клеймо, изображающее льва, а на теле льва — два углубленных кружка, схожих с кружками на сабле Пожарского. В описи 1687 года об этой полосе сказано: «Полоса стальная, Тренки Акатова, первое дело, делана при боярине при князе Борисе Александровиче Репнине». Боярин Б.А. Репнин управлял Оружейным и Серебряным приказами в 1640—1642 годах; это совпадает с последними годами жизни Д.М. Пожарского. Таким образом, нельзя исключать, что сабля князя Пожарского представляет

собой изделие мастеров московской Оружейной палаты, сделанное по турецкому образцу.

После 1647 года палаш М.В. Скопина-Шуйского и сабля Д.М. Пожарского хранились в ризнице Соловецкого монастыря и во всех описаниях монастыря традиционно упоминались в числе его достопримечательностей. Подробные сведения об этих реликвиях содержатся в описании монастыря, опубликованном в 1836 году архимандритом Досифеем (Досифей, архим. Географическое, статистическое и историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836; второе издание — М., 1853). По словам автора, князь Семен Васильевич Прозоровский в 1647 году дал в монастырь по кончине Дмитрия Михайловича Пожарского саблю его с «серебряной оправой и с дорогими камнями» и палаш «в серебряной оправе с камнями, собственный князя Михаила Васильевича Шуйского-Скопина». Таким образом, принадлежность этих двух реликвий замечательным деятелям русской истории начала XVII века подтверждается традицией, но достоверно установить, так ли это, не представляется возможным. Однако пока нет также и никаких данных, которые всерьез заставили бы нас усомниться в этом.

XXI

САБЛЯ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

Значительная часть предметов, связанных с именем легендарного украинского гетмана Богдана Хмельницкого, ныне хранится в музеях Польши, и прежде всего — в знаменитом музее Чарторыйских, который с 1950 года является филиалом Национального музея в Кракове. Этот музей, самое старое частное собрание Польши, был основан в 1796 году княгиней Изабеллой Чарторыйской, а первыми его экспонатами стали трофеи, захваченные у турок в историческом сражении у стен Вены в 1683 году. Княгиня приобрела также собрание герцогов Брабантских, включая их богатую библиотеку, а под влиянием модного в ту пору романтизма — множество «памятных» реликвий, включавших в себя стул Шекспира, фрагменты надгробия Ромео и Джульетты, реликвии, связанные с именами Абеяра и Элоизы, Петрарки и Лауры. Как свидетельствуют музейные каталоги, в начале XIX столетия в этом же собрании оказались реликвии, связанные с именем Богдана Хмельницкого, — сабля, нагайка и два кубка.

Упоминания о сабле появляются уже в самых ранних описаниях коллекции Чарторыйских, из чего следует, что в составе собрания она находилась еще в первые годы XIX века. Ранняя история сабли практически неизвестна. Существует версия о том, что украинский гетман подарил ее костелу в Сокале. В самом раннем каталоге собрания Чарторыйских сабля фигурирует как «палаш в черных ножнах, оковка железная, с золотым портретом Богдана Хмельницкого, предоставлена им костелу в Сокале». В 1877 году она описывается уже как «сабля простая, поврежденная ржавчиной, с золотым бюстом Богдана Хмельницкого. Без ножен». Бросающееся в глаза замечание о плохом состоянии сабли и отсутствии ножен говорит о том, что за истекшие полвека реликвия пережила какое-то тяжелое испытание. И это действительно так!

1831—1874 годы оказались самыми трудными в судьбе коллекции Чарторыйских. После поражения польского восстания 1830 года сын Изабеллы князь Адам Ежи Чарторыйский был вынужден бежать за границу. Он осел в Париже и в 1843 году приобрел парижский отель Ламбер, в котором организовал музей, где экспонировались вывезенные им во Францию произведения из фамильного собрания Чарторыйских. Другая часть собрания была укрыта в тайниках, на территории, подвластной Российской империи. Такая судьба, в частности, постигла коллекцию холодного оружия (в состав которой, по-видимому, входила и сабля Хмельницкого). Ее экспонаты были замурованы

в стенах дворца Замойских в Клеменсове. По-видимому, об этом знал лишь узкий круг людей, так как этот тайник был обнаружен лишь при случайных обстоятельствах спустя тридцать лет, во время перестройки дворца. Извлеченное из него оружие оказалось в очень плохом состоянии, и это понятно: на протяжении почти трех десятилетий оно хранилось, можно сказать, в экстремальных условиях! Весьма вероятно, что сабля Богдана Хмельницкого также находилась в числе экспонатов, укрытых во дворце Замойских.

В 1869 году изъятое из тайника оружие было переправлено в Париж, где находилась основная часть коллекции Чарторыйских. После смерти князя Адама Чарторыйского собрание перешло к его сыну Владиславу. В 1871 году, после поражения Франции во франко-прусской войне, Владислав Чарторыйский уехал из Парижа, забрав с собой всю коллекцию. В 1874 году магистрат Кракова предложил ему организовать музей в стенах старого краковского арсенала, и в 1878 году музей Чарторыйских открылся для посетителей. Сабля, которую молва связывает с именем Богдана Хмельницкого, до сих пор находится в его собрании.

О том, что сабля действительно принадлежала украинскому гетману, нам сообщают только музейные каталоги XIX века; более надежных данных в нашем распоряжении нет. Пролить свет на загадку могло бы детальное изучение сабли, однако, как уже говорилось выше, она дошла до наших дней значительно поврежденной: большая часть

поверхности изъедена ржавчиной (на отдельных участках даже образовались сквозные дыры), лезвие выщерблено во многих местах. Длина клинка составляет 87,4 см, ширина клинка у рукояти — 5,3 см, высота рукояти — 12 см. На клинке сохранились остатки инкрустированного золотом изображения какого-то человека с булавой в руке и неясный текст на польском или, как полагают некоторые исследователи, на украинском языке, но выполненный латинскими литерами. Этот текст, по в первую очередь изображение человека и являются своеобразным ключом к разгадке тайны сабли.

Что за человек изображен на ней? Несомненно, это украинский казак: об этом свидетельствуют сравнительно хорошо различимые оселедец и пышные усы. Угадываются и отдельные черты лица, и детали дорогой одежды. С правой стороны заметны также фрагменты надписи и рамки, а в центральной части — изображение шестилучевой звезды. На обороте также сохранились остатки золоченой гравированной рамки, а в середине ее — золотая звезда. По мнению исследователей, это оружие предназначалось явно для человека зажиточного, принадлежащего к высшему общественному слою, — для бедного человека инкрустация золотом была бы не по карману. Может быть, сабля действительно принадлежала гетману? Может быть, по заказу владельца сабли мастера выгравировали на ее лезвии портрет Богдана Хмельницкого? Несмотря на то что изображение человека на лезвии

сохранилось плохо, исследователи отмечают, что оно не похоже ни на один из дошедших до наших дней портретов гетмана. Может быть, перед нами еще один портрет, до сих пор совершенно неизвестный? Ответов на эти вопросы пока нет — есть лишь только предположения. Следует надеяться, что дальнейшие исследования, возможно, раскроют тайну загадочного изображения.

Исключительный интерес вызывает выправленная на сабле надпись. По поводу правильности ее прочтения еще идут споры. Наиболее часто цитируется вариант, предложенный еще в начале XX столетия польским исследователем Станиславом Сьвежей:

Szczo pod Zborowom Zbarażom sławy zarobyli
Inj pod Beresteczkom na głowu utratyli
Ne było na łachow swoich sia porywaty
J z B[eresteczka(?)] zaraz w skok utekaty
Toby w naszoy sławie ne było utraty. 1652.
(Что под Зборовом, Збаражем славы добыли
Другие под Берестечком на голову утратили
Не было на ляхов своих порываться
И с Б[ерестечка] тотчас вскок утекать
То бы нашей славе не было утраты. 1652.

Очевидно, что в этом тексте речь идет о событиях освободительной войны, о ярких победах, одержанных Богданом Хмельницким под Зборовом и Збаражем, и о тра-

гическом поражении казацкого войска под Берестечком. Очень важна дополняющая текст дата — 1652 год. Может быть, это дата изготовления сабли? В любом случае ее наличие позволяет с высокой долей вероятности датировать саблю серединой XVII века, что, по мнению украинского исследователя Ю. Савчука, является весомым аргументом в пользу принадлежности сабли Богдану Хмельницкому.

Кому принадлежат выгравированные на сабле слова, от чьего имени высказывается эта сентенция? По мнению Ю. Савчука, эти слова принадлежат Богдану Хмельницкому. Ведь это он под Зборовом и Збаражем «славу добыл», и он не принимал участия в битве при Берестечке — там другие «голову утратили». Следовательно, гетман справедливо мог приписывать себе славу победителя — и вместе с тем с горьким укором себе и своему окружению отзываться о поражении под Берестечком. С другой стороны, содержание надписи может служить выражением взглядов казацкой старшины, ее оценкой ситуации, сложившейся после событий 1651 года. Как замечает Ю. Савчук, «возможно, изготовление сабли имело определенное символическое значение и стало памятником достигнутого казацкой элитой согласия, проявления солидарной готовности к продолжению вооруженной борьбы». В любом случае надпись на сабле (при условии, что она прочитана правильно) в целом соответствует политическим настроениям, господствовавшим в определенных кругах украинского казачества в 1652 году.

Еще большую интригу всей этой истории придает факт существования почти идентичной сабли, которая ныне хранится в историческом музее Переяслава-Хмельницкого, куда она попала из собрания известного украинского коллекционера В.В. Тарновского. На лезвии этой сабли у основания клинка также выгравирована уже знакомая нам надпись на польском языке: «Что под Зборовом, Збаражем...» Вот как описывается эта сабля в «Каталоге украинских древностей» из коллекции В.В. Тарновского:

«[Сабля] гетмана Богдана Хмельницкого; черен из слоновой кости, украшенный вырезками на нем (в которых была инкрустация), в сербренных, вызолоченных, с чернью репейках; перекрестье рукоятки — литое, серебряное, вызолоченное, с гравированным орнаментом с чернью. Длина прямых дужек — 2 и $\frac{5}{8}$ вер[шка]; дужки заканчиваются шариками. Длина клинка — 1 ар[шин] $2\frac{1}{4}$ верш[ка], ширина у рукоятки — $\frac{7}{8}$ вер[шка]. Клинок слегка во внутрь углубленный, к концу немного расширен и кончается обоюдоострой елманью. На клинке награвировано латинскими печатными буквами, у пяты клинка: BOGDAN CHMIELNICKI, и вдоль клинка — изречение стихами:

SZCZO POD ZBOROWOYEM ZBARAZEM

SŁAWY ZAROBYLY

TOY POD BERESTECZKOM NA HOŁOWY UTRATYLY

NEBUŁO SIE NA LAHOW SWOYH PORYWATY

Y WSKOK ZA NEMY UTYKATY

TO NE BUŁOBY W NASZY SŁAWY UTRATY

Нетрудно заметить, что обе надписи различаются лишь в незначительных деталях, а на сабле из Переяслава вместо даты стоит имя украинского гетмана, который, по видимому, и является автором выгравированного на обеих саблях изречения.

Точная дата изготовления переяслав-хмельницкой сабли не установлена. Сабли подобного типа называют «каравеллами» — это название закрепилось за ними из-за формы клинка, линией изгиба напоминающей линию корпуса судна. Рукоять сабли сделана из слоновой кости, покрытой резьбой, и увенчана головой орла. По заключению экспертов, ранее резьба была инкрустирована серебром.

20 июня 1992 года эта сабля была похищена из Переяслав-Хмельницкого музея. Многолетние поиски, к которым был подключен Интерпол, результатов не принесли. Только в феврале 2002 года сабля неожиданно нашлась в... гараже одного из киевских любителей древностей. Впрочем, по мнению специалистов, есть основания предполагать, что найдена была не сама сабля, а только ее копия.

XXII

ХОНДЗЁ МАСАМУНЭ

Хондзё Масамунэ — самый известный из мечей, созданных выдающимся японским оружейником Масамунэ, и, как полагают, один из самых прекрасных японских мечей, когда-либо существовавших вообще. Это наиболее известная историческая реликвия эпохи Эдо (1603—1868); по традиции меч передавался от одного правящего сёгуна другому.

Масамунэ (также известный как Горо Нюдо Масамунэ) почитается в Японии как выдающийся оружейник, самый известный и лучший за всю историю страны; его имя сегодня широко известно также во всем мире. Поскольку достоверных фактов его биографии практически не сохранилось, все сведения о Масамунэ можно считать легендарными. Точные даты жизни Масамунэ неизвестны, но полагается, что он жил ок. 1264—1343 годов. Некоторые предания утверждают, что он был уроженцем

Окадзаки — родного города могущественного семейства Токугава, но большинство специалистов сегодня склонно полагать, что это всего-навсего легенда, призванная еще более упрочить репутацию семьи Токугава. Считается, что учителем Масамунэ был прославленный оружейник Син-тогу Кунимицу, а сам мастер почти всю свою жизнь жил и работал в провинции Сагами. В 1287 году он был назначен главным оружейником при дворе императора Фусими.

Расцвет мастерства Масамунэ приходится на конец XIII — начало XIV века. Он создал целую серию длинных мечей-таци и кинжалов-танто в традиции, получившей название «сосю». Разработанная им технология с использованием нескольких сваренных между собой полос стали, которые затем складывались в несколько раз, позволяла получать особо прочные клинки. Кроме того, мечи Масамунэ отличались особой чистотой стали и завораживающей красотой. Он, как полагают, усовершенствовал метод получения стали типа «ниэ» (перлитовая матрица насыщалась кристаллами маргенсита, и после окончательной отделки и полировки эти кристаллы приобретали вид «звезд в вечернем небе»). В наши дни в Японии существует премия имени Масамунэ, регулярно (хотя и не ежегодно) присуждаемая лучшим мастерам — изготовителям традиционных японских мечей.

Клинки работы Масамунэ чрезвычайно высоко ценились во все времена. Многие из них вошли в «Мэйбучу

Тё Кёхо» — трехтомный каталог лучших изделий японских оружейников, составленный в 1714 году по распоряжению Иосимуне Токугава и отредактированный в эру Киёго (1716—1736) кем-то из членов семейства Хонами, профессионально занимавшихся оценкой старинного оружия. Первая книга этого каталога, известная как «Нихон Сансаку», содержит списки лучших клинков, изготовленных тремя величайшими оружейниками Японии. Эти списки включают в себя 41 работу Масамунэ, в то время как клинков работы двух других оружейников, вместе взятых, насчитывается всего 32. Всего же в трех томах каталога перечислен 61 клинок работы Масамунэ. Помимо этого около трети всех мечей, вошедших в каталог, являются изделиями учеников Масамунэ: великий мастер создал целую школу, мастерами которой изготовлены лучшие клинки Японии. Достоверно известны имена по крайней мере пятнадцати его учеников, десять из которых вошли в почетный список «Десяти великих учеников Масамунэ».

В легендах меча Масамунэ часто противопоставляются мечам другого выдающегося японского мастера, Мурама-са. В некоторых преданиях Мурамаса выступает как современник Масамунэ или как его ученик. Однако, поскольку Мурамаса всегда подписывал свои работы, известно, что он жил и работал на рубеже XV—XVI веков, — спустя сто лет после Масамунэ — и, следовательно, не мог быть ни прямым учеником, ни современником великого масте-

ра. В легендах клинки Мурамаса неизменно выступают как кровожадные или злые, в то время как мечи Масамунэ всегда считались оружием, предназначенным для благородных воинов, спокойных и с миром в душе.

В одном из преданий рассказывается о том, как Мурамаса бросил вызов Масамунэ, утверждая, что изготовит меч, который превзойдет все клинки великого мастера. Масамунэ принял вызов. Оба мастера принялись за работу, и, когда мечи были готовы, решено было подвергнуть их испытанию. Клинки укрепили в русле небольшого ручья, против его течения. Меч Мурамаса, «Дзюүти Иосаму» («Десять тысяч холодных ночей»), рассекал все, что оказывалось на его пути: рыбу, листья, плывшие по течению, и даже ветер, обвевавший лезвие. Меч же Масамунэ, казалось, был неспособен разрубить ничего: ни один лист, натолкнувшись на него, не был перерублен, ни одна рыбешка, коснувшись его, не получила никаких ран, а ветер, обвевая лезвие, только мягко посвистывал. Глядя на это, Мурамаса начал насмехаться над Масамунэ: великий мастер со всей очевидностью был посрамлен! Однако наблюдавший за испытанием монах низко поклонился обоим мастерам и сказал:

— Да, первый из мечей прекрасен, однако это злой клинок: он жаждет крови, и ему все равно, кого убивать. С одинаковым упоением он может рубить крылья бабочки или человеческие головы. Поэтому второй меч, безуслов-

но, лучше, поскольку он не стремится напрасно убивать и щадит то, что невинно и не заслуживает смерти. (В одной из версий легенды меч Масамунэ даже воссоединил и исцелил лист, разрубленный мечом Мурамаса.)

В итоге, согласно преданию, мастер Мурамаса был убит за то, что создавал «злые» мечи; мечи же Масамунэ исстари считались священными.

Рассказывают, что Масамунэ отказывался подписывать свои клинки, поскольку подделать их было невозможно. Действительно, подписанные работы Масамунэ очень редки. Известно лишь несколько мечей, подписанных его именем (каждый меч, по традиции, имел собственное имя): Фудо Масамунэ, Кёгоку Масамунэ, Дайкоку Масамунэ. К числу таких мечей принадлежал и легендарный Хондзё Масамунэ — подлинный символ сёгуната Токугава и, возможно, самый известный меч великого мастера.

Хондзё Масамунэ представлял собой традиционный японский меч-катану. Рукоять его была обвита белым шелком с синей кисточкой у завершения; хранился меч в темно-красных лакированных ножнах, отделанных золотом. Самый знаменитый из клинков великого мастера, Хондзё Масамунэ, прошел через руки многих прославленных воинов. Само его название «Хондзё» происходит, как считается, от имени полководца Хондзё Сигенага (кон. XVI столетия), захватившего этот меч в качестве боевого трофея в одном из сражений. Рассказывают, что в

бою Сигенага получил удар этим мечом, отчего шлем его раскололся, а сам полководец получил глубокую рану. Однако Сигенага все же одолел своего противника и овладел его оружием в качестве трофея. Лезвие меча имело несколько щербин и повреждений от ударов, но в целом оружие было все еще годно к употреблению. Несколько лет меч оставался в руках полководца, однако около 1595 года оказавшийся в затруднительном финансовом положении Сигенага был вынужден продать меч своему племяннику Тойотому Хидецугу. В дальнейшем оружие еще несколько раз меняло владельцев, пока в начале XVII столетия не оказалось в руках Иэясу Токугава — основателя прославленной династии сёгунов. Меч стал семейной реликвией этой династии; по установившейся традиции его передавали из поколения в поколение. Начиная с сёгуна Иецуна Токугава (занимал эту должность в 1671—1680), эта передача обставлялась как государственная церемония. В 1939 году легендарный меч, которым по-прежнему владела семья Токугава, получил статус национального сокровища Японии; последним его владельцем был Иэмаса Токугава.

В декабре 1945 года, после окончания Второй мировой войны, Иэмаса Токугава сдал Хондзё Масамунэ и 14 других мечей, имевшихся в семейной коллекции, в полицейский участок в Мэйдзиро, поскольку американские оккупационные власти распорядились конфисковать у

населения все холодное оружие, и в первую очередь самурайские мечи. Многие из конфискованных мечей являлись семейными реликвиями и имели высокую художественную и историческую ценность. Однако в тогдашних послевоенных условиях к ним относились просто как к малоценному железу, от которого надо было поскорее избавиться. Конфискованным оружием набивали целые склады, значительная часть исторических мечей была пущена на металлолом (спустя год эта практика была прекращена). Такая же судьба постигла и мечи, конфискованные у семьи Токугава: в январе 1946 года полиция Мэйдзиро сдала их под расписку сержанту американского 7-го кавалерийского полка Колди Баймору, и с этого времени история Хондзё Масамунэ обрывается: легендарный меч пропал без вести. Его местонахождение до сих пор остается тайной. По слухам, сломанный клинок меча был найден в 2009 году на Окинаве, однако специалисты скептически восприняли эту новость; наиболее вероятно, что Хондзё Масамунэ был попросту переплавлен как металлолом еще в 1946 году.

XXIII

САБЛЯ ТИПУ-СУЛТАНА

И враги, и друзья называли его Тигром Майсура. Без малого два десятилетия Типу-Султан, правитель небольшого южноиндийского княжества Майсур, практически в одиночку противостоял всем попыткам англичан установить полный контроль над Индией. Он был главным препятствием британскому господству в Индии, опасным и непреклонным противником англичан, и, когда он погиб, его противники, по-видимому, испытали большое облегчение.

Типу-Султан (1750—1799) стал правителем Майсура в 1782 году, сменив на троне своего отца Хайдара Али, также заклятого врага англичан. Он перенял от отца многие из его талантов, равно как и ненависть к чужеземным захватчикам. Энергичный и деятельный, он был мало похож на тогдашних индийских владык, которых презирал за их лень и сибаритство. Типу-Султан получил хорошее образование, интересовался научны-

ми, техническими и культурными достижениями Европы и широко внедрял их в своем собственном княжестве. Майсурская армия была организована и обучена по-европейски, были заложены основы собственного военно-морского флота, европейские офицеры обучали индийских моряков. Типу-Султан провел небывало прогрессивную по индийским меркам административную реформу, впервые в Индии осуществив разделение администрации на военную, гражданскую и судебную и создав ряд ведомств (финансовое, военное, морское, коммерческое, строительное, почтовое), по функциям и структуре напоминающих министерства. Тигр Майсура покровительствовал торговле и промышленности, создавал государственные мануфактуры, защищал местных купцов, давал льготы ремесленникам. Он, как считали современники, был неплохим поэтом, знал несколько языков и, хотя был набожным мусульманином, с известной терпимостью относился к другим религиям и даже (по настоянию французов) построил первую в Майсуре христианскую церковь. Впрочем, во всей его внутренней политике отчетливо присутствует исламский уклон (например, в его княжестве мусульмане были освобождены от всех налогов), это обстоятельство отталкивало от Типу-Султана широкие массы индуистов и тем самым существенно ограничивало его ресурсы.

Типу-Султан взомел на престол Майсура в разгар Второй англо-майсурской войны (1780—1784). Подавив заго-

вор феодалов, попытавшихся посадить на трон его слабоумного брата, Типу-Султан разбил и окружил в крепости Беднур английскую армию. Британцы начали переговоры о сдаче. Типу-Султан согласился принять почетную капитуляцию и с честью выпустить осажденных из Беднура, однако, перед тем как выйти из города, англичане разграбили и сожгли его. Тогда Типу-Султан приказал раздеть всех офицеров и солдат, обыскать их, а потом в цепях отправить в Майсур. В результате война вспыхнула с новой силой. В 1786—1787 годах Типу-Султан нанес сокрушительное поражение объединенным силам враждебных индийских княжеств: Маратхи и Хайдарабада, однако вернул противникам часть ранее захваченных у них земель, рассчитывая склонить соперников к совместным действиям против англичан. Он ясно понимал, что противостоять англичанам может только союз индийских государств. Но индийские князья опасались усиления Майсурского княжества, а кроме того, в их глазах Типу-Султан был человеком низкого происхождения (его отец Хайдар-Али был выходцем из престолярства и начал свою карьеру простым солдатом), и они считали ниже своего достоинства вступать в союз с «плебеем».

Сознавая, что «враждебность Типу-Султана британскому имени и интересам открыто им признана и неотвратима», генерал-губернатор Британской Ост-Индской компании Корнуоллис заключил союз с маратхами и Хайдарабадом против Майсура. Третья англо-майсурская война (1789—1792) увенчалась успехом англичан и их

союзников. Столица Типу-Султана Шрирангапатнам (Серингапатам) была осаждена, и, несмотря на героическое сопротивление, Типу-Султан был вынужден подписать с англичанами мирный договор, по которому он терял половину земель, выплачивал огромную контрибуцию и отдавал заложниками своих малолетних сыновей.

Но Тигр Майсура не был сломлен. Уже спустя несколько лет после тяжелого поражения Майсур вновь окреп и возглавил движение сопротивления против англичан. Типу-Султан продолжал призывать всех правителей Индии объединиться в борьбе против колонизаторов, но те оставались глухи к этим призывам. Революция в далекой Франции пробудила в Типу-Султане новые надежды. В 1798 году Типу-Султан прямо обратился к Наполеону за помощью и отправил посольство на остров Маврикий (Иль-де-Франс), принадлежавший в ту пору французам. В Лондоне забили тревогу. Новый генерал-губернатор Ричард Уэлсли был преисполнен решимости покончить с Тигром Майсура. Он объединил под своим началом британские экспедиционные силы в Индии и армии индийских союзников — маратхов и Хайдарабада, а также сумел тайно склонить на свою сторону нескольких крупных майсурских восначальников, обещав им вернуть отнятые Типу-Султаном владения и привилегии. Сторонником англичан стал даже первый министр Майсура Мир Садык.

Началась Четвертая англо-майсурская война (1798—1799). Силы были слишком неравны, однако на требование капитулировать Типу-Султан ответил категорическим

отказом. После долгой осады столица Майсура была захвачена 4 мая 1799 года при помощи предателей, снабдивших англичан схемой укреплений и открывших в нужный момент ворота. Во главе небольшого отряда личной охраны Типу-Султан сражался до последнего и был тяжело ранен. Уцелевшие гвардейцы уложили правителя в паланкин и, пытаясь спасти ему жизнь, умоляли Типу-Султана сдаться победителям. Тот ответил: «Лучше умереть львом, чем жить сто лет шакалом!» Истекающий кровью Типу-Султан еще успел нанести последний удар саблей английскому мародеру, пытавшемуся завладеть драгоценным поясом и оружием раненого, и был тут же добит.

Генерал Уэлсли долго искал тело майсурского правителя. Лишь тяжело раненный слуга Типу-Султана, единственный, кто уцелел в кровавой схватке, сумел указать англичанам место, где лежал прах поверженного героя. Коснувшись его тела шпагой, Уэлсли сказал свите: «Теперь Индия наша, господа!»

Тигр Майсура стал национальным геросом Индии. Его память свято чтится индийцами. Место гибели Типу-Султана отмечено обелиском, одиноко высящимся среди развалин Серингапатама, а каждый год в день смерти Типу-Султана над его могилой гремят большие барабаны — так по традиции в армии Тигра Майсура отмечали победу.

В захваченном Шрирангапатнаме англичанам досталась немалая добыча. Одной из самых больших драгоценностей была сабля Типу-Султана. Генерал Джордж Харрис, командующий британским экспедиционным корпусом, наградил

этим прославленным в боях оружием генерал-майора Дэвида Бёрда, командира шотландского полка, особо отличившегося при штурме майсурской столицы. Именно он во главе своих солдат первым ворвался во дворец Типу-Султана. В память об этом событии на 91-сантиметровом лезвии меча была выправирована надпись: «Меч Типу-Султана, найденный во дворце после того, как Серингапаттам был взят штурмом 4 мая 1799 года, подарен генералу Бёрду от имени всей армии ее командующим генерал-майором Харрисом как символ его высокой доблести и храбрости в бою, в котором Типу-Султан был убит». Наряду с этой на лезвии сохранилась другая, более старая, надпись на персидском языке, сделанная арабскими буквами: «Меч правителя». Меч заключен в деревянные ножны, обтянутые зеленым бархатом и отделанные серебром.

Более двухсот лет меч Типу-Султана хранился у потомков генерала Бёрда. Осенью 2003 года реликвия, оцениваемая в 200 тысяч фунтов стерлингов, была продана на аукционе в Лондоне. Покупателем стал крупный индийский предприниматель Виджайя Маллия. Он заявил, что его главным желанием является вернуть меч на родину, где миллионы индийцев чтят Типу-Султана как национального героя. «Это законная собственность Индии, и я решил возратить ее. За исключением нас, никто не имеет право обладать этим мечом», — заявил Маллия на пресс-конференции. В 2004 году меч Типу-Султана впервые был выставлен для публичного обозрения в Шрирангапатнаме во время ежегодного праздника, посвященного памяти Тигра Майсура.

XXIV

САБЛЯ ХОСЕ ДЕ САН-МАРТИНА

Генерал Хосе де Сан-Мартин (1778—1850) вошел в историю как национальный герой сразу трех стран — Аргентины, Чили и Перу; в Аргентине его именуют сегодня высоким титулом Освободителя, а высший орден государства носит имя Хосе де Сан-Мартина. В памяти народов Латинской Америки Сан-Мартин остался как блестящий полководец и политический деятель; под его руководством от власти Испании была освобождена вся южная часть огромного континента.

Уроженец Аргентины, военное образование Сан-Мартин получил в Европе — в Испании. В 1808—1812 годах он принял участие в войне с Наполеоном, командовал партизанским отрядом, действовавшим на юге Испании, принял участие в нескольких крупных сражениях, в том числе при Байлене (1808), где был окружен и пленен корпус французского генерала Дюпона. Этот боевой опыт позже весьма пригодился молодому генералу.

В 1812 году Сан-Мартин отправился из Англии в Буэнос-Айрес, где вспыхнуло восстание против испанского владычества. После успешного для повстанцев сра-

жения при Сан-Лоренсо (1813) он был назначен командующим Северной армией. Стремясь поразить противника в самое сердце, Сан-Мартин выдвинул смелый план: согласно его замыслу, повстанческая армия должна была пересвалить Анды, вступить на территорию Чили и оттуда нанести удар по Лиме — столице вице-королевства Перу и главному опорному пункту испанцев в Латинской Америке. Реализация этого плана была сопряжена с неимоверными трудностями, однако Сан-Мартин твердо верил в успех. В итоге была создана новая повстанческая армия — Андская, во главе которой встал Сан-Мартин. Этой армии предстояло совершить поистине невероятное...

В сентябре 1816 года Сан-Мартин во главе своей армии двинулся к чилийской границе. Чрезвычайно трудный переход через Анды занял 21 день и по сложности стал беспрецедентным в истории: ни до, ни после того ни одной армии не приходилось преодолевать такие высокие (до 6000 м) горы, при минусовой температуре пробиваясь через заснеженные перевалы.

Вступив на территорию Чили, Сан-Мартин нанес испанцам поражение при Чакабуко и Майпу, в итоге полностью изгнав их из страны. Впереди лежала главная цель — Лима, последняя цитадель испанцев. Погрузив свою армию на транспортные корабли, Сан-Мартин высадился на побережье Перу. 12 июля 1821 года Лима пала. Сан-Мартин был торжественно объявлен протектором государства, а 28 июля того же года официально была провозглашена независимость Перу. В течение своего недолгого пребывания в Лиме Сан-Мартин основал Национальную библиотеку Перу, которой пожертвовал собственную коллекцию книг.

Год спустя, 22 июля 1822 года, Сан-Мартин встретился в Гуаякиле (Эквадор) со своим знаменитым другом Симоном Боливаром, с которым он разделил славу освободителя южноамериканского континента. Встреча проходила за закрытыми дверями, после чего Сан-Мартин неожиданно оставил пост командующего армией и уехал в Аргентину. Подробности загадочной встречи неизвестны; на этот счет высказываются самые различные версии. Бесспорно, однако, что она стала переломной в блестящей карьере Сан-Мартина. В 1824 году он навсегда оставляет Южную Америку и уезжает в Европу. Вплоть до своей смерти Сан-Мартин не принимал никакого участия в политической жизни Южной Америки и своей родной Аргентины, хотя в годы междоусобных войн к нему несколько раз присзвали эmissары противоборствующих лагерей, стремясь склонить прославленного героя на свою сторону. В то же время он пристально следил за происходящими на далеком континенте делами и горячо откликался на все события, происходившие в его стране. Во время французской блокады Аргентины в 1838, а позднее в 1845 году он даже порывался вернуться на родину, но оба раза что-то останавливало его...

Сан-Мартин скончался 17 августа 1850 года в Булони (Франция). В своем завещании он особым пунктом оговорил судьбу своей сабли, которой очень дорожил. Эту кривую саблю восточного (по мнению специалистов — скорее всего, персидского) типа он, как считается, приобрел около 1811 года в Лондоне, незадолго до того, как отправиться в Южную Америку. Опытный солдат, Сан-Мартин высоко оценил мастерство восточных оружейников: с его точки зрения, это оружие было очень удобно в обращении и идеально подходило для кавалерийского боя. Несколько лет спустя,

уже во время войны за независимость, он распорядился вооружить такими саблями всех своих кавалеристов.

После того как Сан-Мартин уехал в Европу, его сабля осталась в аргентинском городе Мендоса, в руках семьи одного из боевых друзей опального генерала. Спустя несколько лет Сан-Мартин написал письмо своему зятю Мариано Балькарсе и дочери Мерседес, прося их прислать саблю ему, — несомненно, генерал высоко ценил это оружие. Просьба эта была исполнена, и вплоть до смерти Сан-Мартина сабля оставалась у него. Согласно последней воле генерала, эта наиболее драгоценная для него реликвия, «сабля, которая сопровождала меня повсюду в годы войны за независимость Южной Америки», была завещана Хуану Мануэлю де Росасу, губернатору Буэнос-Айреса, — как писал сам Сан-Мартин в своем завещании, «как доказательство удовлетворения, которое я как аргентинец получил, взирая на твердость, с которой он (Хуан Мануэль де Росас. — *Авт.*) поддерживал честь республики, противостоя несправедливым притязаниям иностранцев, которые пытались унижить ее». Речь идет о твердой позиции, занятой Росасом в 1838 и 1845 годах, когда Франция пыталась навязать свою волю молодой Аргентинской республике.

Сабля Сан-Мартина оставалась во владении Росаса, а позднее его родственников на протяжении всей второй половины XIX столетия, все эти годы, однако, пребывая не в Аргентине, а в Европе — в Лондоне. В 1896 году наследники бывшего губернатора Буэнос-Айреса, Максимо Терреро и Мануэла Росас, откликнувшись на просьбу директора Национального исторического музея Аргентины, согласились пожертвовать реликвию в распоряжение государства. 4 марта 1897 года сабля легендарного героя

прибыла из Лондона в Буэнос-Айрес и поступила в экспозицию Исторического музея.

С годами сабля Сан-Мартина приобрела статус национальной реликвии, стала олицетворением героического периода борьбы за независимость. Эта роль национального символа имела и свою обратную сторону: саблю дважды пытались похитить, причем оба раза по политическим мотивам. 12 августа 1963 года сабля была украдена из музея группой сторонников свергнутого аргентинского диктатора Перона. Заговорщики намеревались тайно вывезти саблю в Испанию, где нашел убежище опальный «каудильо»; похищенная реликвия призвана была стать своеобразным знаменем борьбы за возвращение Перона.

Вся полиция была поднята на ноги. Один из участников операции был задержан практически сразу; на допросе он сломался и назвал имя организатора похищения: Освальдо Агосто. Этот журналист и активный член перонистской партии, как оказалось, вместе с похищенной саблей скрывался в доме своей родственницы. Спустя десять дней он оказался в руках властей.

Спасенную саблю вернули в музей, однако 19 августа 1965 года реликвия была похищена снова. И вновь спустя несколько дней пропажа была обнаружена. На этот раз перед тем, как вернуть саблю в музей, специально для нее изготовили бронированную витрину с пуленепробиваемым стеклом толщиной 6,6 мм. Под защитой этого «сейфа» сабля пребывает в экспозиции Национального исторического музея Аргентины до сих пор. Помимо брони саблю постоянно оберегает почетный караул солдат элитного конногренадерского полка, основанного когда-то самим Сан-Мартинем.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Священное копьё	3
II. Меч святого Петра.....	53
III. Меч святого Маврикия	59
IV. Меч пророка Мухаммеда	70
V. Меч царя Гоуцзяня.....	78
VI. Священный меч Японии.....	82
VII. Семилезвийный меч	90
VIII. Загадка Эскалибура.....	94
IX. Меч Карла Великого или сабля Агилы?.....	135
X. Дюрандаль, меч Роланда	148
XI. Меч Эдуарда Исповедника.....	156
XII. Тисона, меч Сиды.....	161
XIII. Колада, второй меч Сиды	170
XIV. Меч князя Довмонта.....	177
XV. Меч Уильяма Уоллеса.....	182
XVI. Щербец.....	191
XVII. Грюнвальдские мечи	205
XVIII. Загадочный меч Жанны д'Арк	220
XIX. Мечи Скандербега.....	244
XX. Палаш Михаила Скопина-Шуйского и сабля Дмитрия Пожарского	251
XXI. Сабля Богдана Хмельницкого	277
XXII. Хондзё Масамунэ.....	285
XXIII. Сабля Типу-Султана.....	292
XXIV. Сабля Хосе де Сан-Мартина.....	298

Научно-популярное издание

History files

Низовский Андрей Юрьевич

ЛЕГЕНДАРНОЕ ОРУЖИЕ ДРЕВНОСТИ

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*

Корректор *Л.Г. Сафарян*

Верстка *И.М. Сорокина*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 18.11.2012. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 9,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 1516.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

c-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ISBN 978-5-9533-4385-5

9 785953 343855

Что объединяет между собой копьё императора
Константина и меч святого Петра?
Священный меч Японии и Семилезвийный меч?
Загадочный Эскалибур и Щербец?
На протяжении столетий эти реликвии
переходили от одного правителя к другому,
и каждый из них считал, что обладание святыней
является своеобразным благословением небес.
Считалось, что оружие делает его владельца
непобедимым и с его помощью можно завоевать
весь мир. В книге, которую держите в руках,
вы прочитаете невероятные истории
о легендарном оружии — и о тех, кто им обладал.

HISTORY
FILES

